

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

13 2026
ЧАСТЬ IV

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 13 (616) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олгинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Култур-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображена *Вангари Маатаи* (1940–2011), кенийский эколог, активистка природоохранного движения.

Вангари Маатаи родилась в Ньери (Кения) и получила международную известность в ходе кампаний против «антилесных инициатив» правительства Кении в 1980–1990-х годах. Основанное ею движение «Зеленый пояс» сегодня действует на всем Черном континенте, что заметно преобразило его облик. Участвуют в этом движении беднейшие женщины страны, все эти годы организующие общественные лесопосадки. Для Кении важно каждое дерево, причем не только для сохранения экосистемы и рек, но и для обеспечения дровами, поскольку почти 90 % сельского населения используют их для приготовления пищи. Участники движения организуют питомники для выращивания саженцев, которые потом бесплатно раздают всем желающим.

Благодаря деятельности Вангари Маатаи удалось приостановить превращение африканских лесов в пустыню. За 25 лет члены этого общественного движения посадили около 30 миллионов деревьев, пытаясь противостоять вырубкам лесов, которые приобрели в Африке массовый характер и часто сопровождаются трагическими переменами в привычном укладе жизни местного населения, вызванными, в частности, наступлением пустынь из-за уничтожения лесов. Движение Вангари Маатаи изменило экологическую политику на целом континенте. Так, в 1989 году оно вынудило власти Кении отказаться от планов сооружения небоскребов в Ухуру — центральном парке Найроби.

За годы яростной борьбы с губителями родной природы Вангари многократно угрожали смертью, ей довелось побывать в тюрьме, она трижды подвергалась нападениям. Последнее покушение на ее жизнь произошло в 1999 году, когда вместе с соратниками она сажала деревья на территории, вырубленной под застройку. Впрочем, недоброжелателей у нее все-таки было меньше, чем сторонников. Ее организацию знают на всех континентах и активно поддерживают частные фонды из Соединенных Штатов, правительства Австралии и Нидерландов.

Вангари Маатаи получила образование в США и стала первой женщиной в Центральной и Восточной Африке, получившей ученую степень (доктор наук в области ветеринарии), а также первой женщиной, возглавившей факультет университета. Маатаи — первая в истории африканка, удостоенная Нобелевской премии. Впервые на столь же высоком уровне получило признание и само «зеленое движение», уже давно ставшее весьма влиятельной силой в современном мире.

Вангари Маатаи одна вырастила пятерых детей и при этом активно участвовала в политической жизни страны. Еще в 1964 году, основав Национальный совет женщин Кении, активистка долгое время возглавляла его, выступала против прежнего реакционного режима в Кении, привлекая внимание к ситуации в стране на международном уровне. Она активно боролась за установление демократии в своей стране, совмещая работу в области экологии с политикой.

В 2002 году Вангари с подавляющим преимуществом победила на выборах в парламент Кении. На проходивших затем президентских выборах она заявила, что кандидат от оппозиционной партии поддерживает природоохранное движение, чем резко подняла его рейтинг, и заставила президента предпринять конкретные шаги по улучшению экологической обстановки, чтобы не разочаровать выбравшее его население. А в следующем году назначенный президентом Кибаки министр окружающей среды Ньютон Кулунду сделал Вангари Маатаи своим заместителем.

Как отметил Нобелевский комитет, «профессор Маатаи объединила научную работу, социальную борьбу и активную политику в единое целое. Она пример и источник жизненной силы для каждого в Африке, кто борется за устойчивое развитие, демократию и мир». Ее работа — больше чем защита окружающей среды. Такая стратегия должна укрепить само основание экологической политики страны. Методы Маатаи приняты на вооружение рядом стран африканского континента. Фактически она была духовным лидером борьбы за экологические и социальные права людей, живущих между Египтом и ЮАР. В 2004 году Маатаи была удостоена престижной международной экологической премии «за многолетнюю бесстрашную борьбу в защиту окружающей среды, за права человека и социальную справедливость, человеческое достоинство и демократию».

Маатаи была автором нескольких книг и внесла значительный вклад в размышления об экологии, развитии и гендере в соотношении с африканскими культурами и религиями.

В знак признания большого вклада Вангари Маатаи, в 2009 году генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун назначил ее посланником мира по вопросам окружающей среды и изменения климата. Эту работу она выполняла эффективно и с энтузиазмом до своей смерти 25 сентября 2011 года.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Острянская К. С.

Актуальные проблемы при осуществлении надзора за законностью уголовного преследования субъектов предпринимательской деятельности 201

Пашко Е. С.

Суд с участием присяжных заседателей: современное состояние, проблемы и перспективы развития..... 203

Петроченко Н. А.

Договор участия в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости: проблемы правового регулирования..... 205

Плотников И. В.

Проблемы участия лиц, не являющихся участниками хозяйственных обществ, в корпоративных договорах 211

Рахимкулов А. Р.

Проблемы квалификации налоговых преступлений (статьи 198 и 199 УК РФ)..... 213

Сабитов Р. М.

Принцип добросовестности в корпоративных отношениях: критерии применения и проблемы правоприменительной практики... 215

Самохина О. Н.

Предварительный договор купли-продажи недвижимости с дополнительными условиями как способ обеспечения безопасности сделки 218

Смирнова К. В.

Некоторые проблемные вопросы производства по делам о применении принудительных мер медицинского характера 226

Третьяк С. А.

Обеспечение прав личности при производстве обыска и выемки в жилище: проблемы судебного санкционирования и допустимости доказательств..... 228

Уварова О. А.

Организационно-правовые аспекты муниципальной службы в субъектах Российской Федерации: принципы организации и функционирования. Правовой статус муниципального служащего 231

Фастовец Л. И.

Система мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в современном административном праве 233

Фастовец Л. И.

Баланс публичных интересов и прав граждан при применении мер обеспечения административного производства 234

Федорук К. Ю.

Эволюция категории «ограничение конкуренции» в российском антимонопольном праве: доктринальный анализ..... 236

Федорук К. Ю.

Коллизии норм антимонопольного и гражданского законодательства: проблемы системного толкования 239

Хамитова Э. Р.

Правовая природа корпоративных прав 243

Цыцова А. А., Ядрина Л. А.

Виды наказаний, применяемых к несовершеннолетним 244

Шарипова К. Ш.

Процессуальная архитектура судебного следствия: системно-функциональный анализ состава участников 247

Шепелин А. А.

Совершенствование законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма с учетом новой миграционной политики России 248

Щукин П. Д.

Цифровизация миграционного учета в России: юридические риски и система правовых гарантий..... 250

Юртаев Е. А.

Объективные и субъективные признаки
состава государственной измены: вопросы
теории и судебной практики..... 252

Юртаев Е. А.

Государственная измена как угроза
национальной безопасности: уголовно-
правовой аспект 255

Яковенко С. Н.

Государственная служба: понятие,
система и правовые основы..... 257

ИСТОРИЯ

Лукина Е. А., Макаренко М. С.

Плакаты Министерства информации
Великобритании как средство ведения
военной пропаганды в годы Второй
мировой войны..... 259

Федорова Т. Д.

Влияние деятельности Главсевморпути
на социальнокультурное развитие
малочисленных народов Севера Якутии
(1932–1941 гг.) 262

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Актуальные проблемы при осуществлении надзора за законностью уголовного преследования субъектов предпринимательской деятельности

Острянская Ксения Сергеевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье автор анализирует актуальные проблемы при осуществлении надзора за законностью уголовного преследования субъектов предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: прокуратура, защита прав предпринимателей, надзор.

Деятельность прокуроров, нацеленная на снижение административного и уголовного давления правоохранительных органов на бизнес в условиях тяжелой экономической ситуации в стране, приобретает особую актуальность. Крайне важной задачей в рамках защиты субъектов предпринимательской деятельности выступает защита от необоснованного уголовного преследования и неправомерных методов расследования. Так, в научной литературе риск привлечения к уголовной ответственности иногда условно относят к категории предпринимательских рисков.

Вопрос защиты прав субъектов предпринимательской деятельности подробно регламентирован ведомственными актами. Так, Указанием Генерального прокурора РФ N 387/49, МВД России N 1/7985, СК России N 1/218, ФСБ России N 23, ФТС России N 266-р от 23 июля 2020 г. «Об усилении прокурорского надзора и ведомственного контроля за органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности» предусмотрено надзорное сопровождение деятельности органов предварительного расследования и оперативных подразделений с момента поступления информации о преступлении в сфере предпринимательской деятельности или преступлении, совершенном хозяйствующим субъектом. При этом надзирающим прокурорам предписывается давать оценку таким процессуальным решениям, как возбуждение уголовного дела и привлечение в качестве обвиняемого, составлять письменное заключение об их законности, а в случае согласия с возбуждением уголовного дела — направлять заключение об этом вышестоящему прокурору. Предусмотрено ведение реестра уголовных дел, срок расследования которых превышает три месяца [1].

В условиях существенной ведомственной урегулированности рассматриваемой сферы выявляются законодательные недостатки, выражающиеся в нарушении баланса прав и охраняемых законом интересов участников судопроизводства.

В научной доктрине неоднократно поднимались вопросы определения понятия «предпринимательская деятельность» в контексте уголовноправового регулирования [2, с. 53].

В соответствии с п. 1 ст. 2 ГК РФ предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. Лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, должны быть зарегистрированы в этом качестве в установленном законом порядке, если иное не предусмотрено ГК РФ.

В силу п. 2 ст. 23 ГК РФ в отношении отдельных видов предпринимательской деятельности законом могут быть предусмотрены условия осуществления гражданами такой деятельности без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя [3].

В соответствии с ч. 6 ст. 2 Федерального закон от 27 ноября 2018 г. N 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» физические лица при применении специального налогового режима вправе вести виды деятельности, доходы от которых облагаются налогом на профессиональный доход, без государственной регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей, за исключением видов деятельности, ведение которых требует обязательной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя в соответствии с федеральными законами, регулирующими ведение соответствующих видов деятельности [4].

Таким образом, субъектный состав лиц, законно осуществляющих предпринимательскую деятельность, включает: граждан, зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей; самозанятых граждан.

В связи с изложенным возникает актуальный вопрос о том, какие из указанных категорий субъектов подпадают под действие ведомственных актов Генерального

прокурора Российской Федерации, регламентирующих защиту прав предпринимателей при осуществлении уголовного преследования?

Согласно п. 2.2 Указания Генерального прокурора РФ N 387/49, МВД России N 1/7985, СК России N 1/218, ФСБ России N 23, ФТС России N 266-р от 23 июля 2020 г. «Об усилении прокурорского надзора и ведомственного контроля за органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности» Руководители следственных органов Следственного комитета Российской Федерации, МВД России, ФСБ России и начальников органов (подразделений) дознания МВД России, ФСБ России, ФТС России обязаны в целях повышения эффективности прокурорского надзора и ведомственного контроля за оперативно-розыскной деятельностью и соблюдением законов органами предварительного расследования, исключения фактов давления на бизнес в ходе уголовного судопроизводства и необоснованного вмешательства в хозяйственную деятельность, в том числе, мерами процессуального контроля пресекать факты проведения проверок в отношении предпринимателей при отсутствии законных оснований, а также необоснованно длительного удержания изъятого имущества.

Как видим, в вышеуказанном положении речь идет о защите прав предпринимателей, но не самозанятых. Получается, что самозанятый при проведении в отношении него проверки по обстоятельствам, связанным с осуществлением им приносящей доход деятельности, повышенной защите со стороны органов государства подлежать не будет, несмотря на то, что его деятельность в статусе самозанятого законна и фактически является предпринимательской.

Еще одна проблема, связанная с защитой прав субъектов предпринимательской деятельности связана со спецификой привлечения к уголовной ответственности руководителей юридических лиц. Хозяйствующим субъектом выступает организация (предприятие), тогда как субъектом уголовной ответственности может являться исключительно физическое лицо. В связи с этим возникает вопрос о распространении статуса субъекта предпринимательской деятельности на наёмного руководителя юридического лица, осуществляющего функции управления и участвующего в хозяйственной деятельности от имени организации.

Согласно пункту 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 года № 48, статус предпринимателя распространяется на: членов органов управления коммерческой организации (в т. ч. членов совета директоров / наблюдательного совета); членов коллегиального исполнительного органа коммерческой организации (например, членов правления акционерного общества); лиц, выполняющих функции единоличного исполнительного органа (директора, генерального директора, председателя производственного кооператива и т. п.) [7].

Вместе с тем возникает правовая неопределённость в ситуациях, когда руководитель организации (например, генеральный директор) совершает экономическое преступление, причиняющее ущерб учредителю юридиче-

ского лица. Типичным примером такого деяния выступает присвоение денежных средств посредством заключения фиктивных сделок с подконтрольными контрагентами.

В подобных случаях отсутствуют коммерческие взаимоотношения между руководителем и его работодателем (учредителем), что позволяет сделать следующий вывод: занимаемая должность в структуре юридического лица должна рассматриваться в рамках специфики совершенного преступления как социальная характеристика лица, совершившего преступление, а не как признак осуществления предпринимательской деятельности с применением всех мер защиты субъектов предпринимательской деятельности.

Защита субъектов хозяйственной деятельности выступает необходимой мерой противодействия противоправным действиям, в том числе связанным с рейдерскими захватами предприятий.

В целях минимизации рисков, создающих угрозу нормальной деятельности хозяйствующих субъектов, в действующее уголовное и уголовнопроцессуальное законодательство внесены изменения, направленные на: снижение вероятности необоснованной изоляции предпринимателя; предотвращение блокировки хозяйственной деятельности предприятия; недопущение неправомерного изъятия имущества, используемого в предпринимательской деятельности.

Вместе с тем сохраняется потенциальная угроза использования уголовноправовых механизмов в целях ограничения конкуренции либо устранения хозяйствующего субъекта с рынка. В частности, при наличии умысла на устранение конкурента на продолжительный срок злоумышленники могут прибегать к предъявлению предпринимателю обвинения в совершении общеуголовного преступления. К числу распространённых способов фальсификации относятся: подбрасывание наркотических средств; подбрасывание самодельного оружия или иных запрещённых предметов, предъявление обвинения в совершении преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, основанного исключительно на показаниях потерпевшей стороны.

Указанные схемы могут использоваться в качестве инструмента противоправного завладения бизнесом либо его частью, что нивелирует эффект законодательных мер по защите субъектов предпринимательской деятельности и требует дополнительных мер профилактики и противодействия подобным злоупотреблениям.

В связи с этим видится верным подход В. С. Калашникова, который указывает, что необходимо внести корректировки в организацию прокурорского надзора [6, с.116]. Во-первых, нужно обязать органы предварительного расследования сообщать в прокуратуру о возбуждении уголовного дела, привлечении в качестве подозреваемого лица, обладающего статусом субъекта предпринимательской деятельности. Если в отношении этого лица применяются меры уголовно-правового характера, особенно связанные с изъятием имущества, об этом также следует незамедлительно сообщать прокурору. Во-вторых, должностным лицам прокуратуры при проверке изоля-

торов временного содержания надлежит выяснять у задержанных, являются ли они субъектами предпринимательской деятельности. В-третьих, следует вести реестр уголовных дел, возбужденных в отношении субъектов предпринимательской деятельности за совершение преступлений в сфере предпринимательства, с указанием избранной меры пресечения, принятых мер по изъятию

и аресту имущества. Кроме того, нужно вести отдельный реестр уголовных дел об общеуголовных преступлениях, совершенных субъектами предпринимательской деятельности. Указанное позволит в режиме реального времени выявлять нарушения прав предпринимателей, особенно связанных со сроками расследования и удержания имущества, и своевременно на них реагировать.

Литература:

1. Указание Генеральной прокуратуры РФ, МВД России, Следственного комитета РФ, ФСБ России и Федеральной таможенной службы от 23 июля 2020 г. N 387/49/1/7985/1/218/23/266-р «Об усилении прокурорского надзора и ведомственного контроля за органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности» // Доступ из СПС «Консультант плюс» (Дата обращения: 27.03.2026).
2. Камчатов К. В., Аристархов А. Л. Вопросы защиты прав предпринимателей и пути их решения в уголовном судопроизводстве // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2022. N 5. С. 52–59.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. N 32. ст. 3301.
4. Федеральный закон от 27 ноября 2018 г. N 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» // Российская газета. N 270. 30.11.2018.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 N 48 (ред. от 23.12.2025) «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» // Российская газета. N 266. 24.11.2016.
6. Калашников В. С. Организация прокурорского надзора за законностью уголовного преследования субъектов предпринимательской деятельности // Российский юридический журнал. 2023. N 6. С. 111–117.

Суд с участием присяжных заседателей: современное состояние, проблемы и перспективы развития

Пашко Елена Сергеевна, студент
Московский университет «Синергия»

В статье анализируется институт суда с участием присяжных заседателей в Российской Федерации. Рассматриваются исторические этапы становления, современное правовое регулирование, процессуальные особенности, а также ключевые проблемы и тенденции развития. Особое внимание уделяется вопросам формирования коллегии присяжных, взаимодействия профессиональных судей и присяжных, причинам отмены приговоров и путям совершенствования законодательства. На основе анализа судебной практики и научных исследований формулируются предложения по повышению эффективности данного института.

Ключевые слова: суд присяжных, уголовное судопроизводство, коллегия присяжных, оправдательный вердикт, процессуальные гарантии, судебная реформа.

Введение

Институт суда с участием присяжных заседателей занимает особое место в системе российского правосудия. Его возрождение в постсоветский период стало одним из знаковых этапов судебной реформы, направленной на демократизацию уголовного процесса и повышение доверия общества к судебной власти. Суд присяжных рассматривается как гарантия реализации принципов состязательности, независимости и справедливости, а также как инструмент общественного контроля за отправлением правосудия.

Актуальность исследования обусловлена тем, что, несмотря на более чем двадцатилетнюю историю современного этапа развития суда присяжных в России, данный институт продолжает вызывать острые дискуссии среди юристов, политиков и общественности. С одной стороны, отмечается рост числа оправдательных вердиктов и повышение качества рассмотрения сложных уголовных дел. С другой — выявляются системные проблемы, связанные с формированием коллегии, соблюдением процессуальных гарантий, а также с отменой приговоров по формальным основаниям.

Цель настоящей статьи — комплексный анализ современного состояния института суда с участием присяжных заседателей в России, выявление его сильных и слабых сторон, а также формулирование научно обоснованных предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

1. Историко-правовые основы института суда присяжных в России

История суда присяжных в России насчитывает более полутора веков. Впервые данный институт был введён Судебной реформой 1864 года и просуществовал до его ликвидации в 1917 году. В советский период суд присяжных не функционировал, а правосудие осуществлялось профессиональными судьями или судами с участием народных заседателей.

Возрождение суда присяжных в Российской Федерации связано с принятием Концепции судебной реформы 1991 года и последующим закреплением соответствующих положений в Конституции РФ 1993 года и Уголовно-процессуальном кодексе РФ. С 1993 года началось поэтапное внедрение суда присяжных: сначала в девяти субъектах РФ, затем — поэтапное расширение географии. К 2010 году суд присяжных действовал на всей территории страны.

Современное правовое регулирование деятельности суда присяжных осуществляется главой 42 УПК РФ. Ключевыми принципами являются: участие граждан в отправлении правосудия, разделение компетенции между присяжными (вопросы факта) и профессиональным судьёй (вопросы права), а также особый порядок формирования коллегии и вынесения вердикта.

2. Процессуальные особенности рассмотрения уголовных дел с участием присяжных

Рассмотрение уголовного дела с участием присяжных заседателей существенно отличается от традиционного порядка. Процедура включает несколько ключевых этапов:

– **Формирование коллегии.** Коллегия состоит из 6 (в районных судах) или 8 (в областных и равных им судах) основных и не менее двух запасных присяжных. Кандидаты отбираются случайным образом из списков избирателей, после чего проходят процедуру мотивированных и немотивированных отводов.

– **Судебное разбирательство.** В присутствии присяжных исследуются только те доказательства, которые имеют отношение к вопросам факта: имело ли место деяние, совершил ли его подсудимый и виновен ли он. Вопросы права (квалификация деяния, назначение наказания) решаются судьёй после вынесения вердикта.

– **Вынесение вердикта.** Присяжные принимают решение по поставленным перед ними вопросам о виновности или невиновности подсудимого. Вердикт должен быть единогласным или принят большинством голосов (в зависимости от этапа голосования).

– **Постановление приговора.** На основании вердикта присяжных судья выносит приговор. Если присяжные признали подсудимого виновным, судья назначает наказание; если невиновным — оправдывает.

Особая структура процесса призвана обеспечить объективность и беспристрастность при решении вопроса о виновности, минимизируя влияние профессиональных стереотипов судьи.

3. Анализ судебной практики и основные проблемы функционирования института

Анализ судебной статистики за последние годы демонстрирует ряд устойчивых тенденций:

– **Рост числа оправдательных вердиктов.** Если в начале 2000-х годов доля оправдательных вердиктов составляла менее 1 %, то к 2021 году она превысила 30 %. Это свидетельствует о более критическом подходе присяжных к доказательствам обвинения и повышении их роли как гаранта справедливости.

– **Причины отмены приговоров.** По данным кассационных судов, наиболее частыми основаниями для отмены приговоров, вынесенных с участием присяжных, являются процессуальные нарушения при формировании коллегии (сокрытие кандидатами сведений о судимости, административных правонарушениях, родстве с участниками процесса), а также нарушение порядка исследования доказательств и некорректная постановка вопросов перед коллегией.

– **Проблемы формирования коллегии.** Практика показывает сложности с явкой кандидатов, их недостаточной правовой грамотностью и попытками сторон манипулировать составом коллегии. Часто встречаются случаи включения в состав лиц, подлежащих отводу.

– **Влияние тактики защиты.** Исследования отмечают, что выдвижение защитой многочисленных версий о причастности третьих лиц может запутать присяжных и привести к необоснованному оправданию.

4. Пути совершенствования законодательства и правоприменительной практики

Для повышения эффективности суда с участием присяжных необходимо:

– **Усовершенствовать процедуру формирования коллегии:** ввести обязательную проверку сведений о кандидатах через государственные информационные системы, повысить ответственность за сокрытие информации.

– **Повысить правовую грамотность кандидатов:** разработать и внедрить обязательные информационные материалы и краткие курсы для кандидатов в присяжные.

– **Уточнить пределы судебного разбирательства:** более чётко регламентировать порядок исследования версий защиты о причастности третьих лиц, чтобы избежать злоупотреблений.

– **Снизить формализм при отмене приговоров:** суды кассационной инстанции должны уделять больше вни-

мания существенности процессуальных нарушений и их влиянию на вердикт.

Заключение

Суд с участием присяжных заседателей является важным элементом демократического правосудия в России. За годы своего существования он доказал свою

жизнеспособность и востребованность как инструмент реализации принципов справедливости и состязательности. Вместе с тем для дальнейшего развития института необходимо решение ряда организационных и процессуальных проблем. Совершенствование законодательства и правоприменительной практики позволит повысить доверие общества к суду и обеспечить более эффективную защиту прав граждан.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации. Статья 123 «Институт присяжных заседателей».
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Глава 25 «Суд присяжных заседателей».
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Глава 30 «Институт присяжных заседателей».
4. Белых, А. Г. Участие присяжных заседателей в российском уголовном процессе: проблемы и перспективы // Журнал уголовного права и криминологии. — 2018. — № 2. — С. 45–59.
5. Смирнов, П. Процедура отбора и обучения присяжных заседателей в Российской Федерации // Правовая наука и практика. — 2020. — № 3. — С. 112–125.
6. Исаев, С. Роль присяжных заседателей в судопроизводстве: опыт и перспективы // Вестник судебных приставов. — 2019. — № 4. — С. 78–92.
7. Карпов, В. Суд присяжных заседателей в современной России: монография. — М.: Юрайт, 2017.
8. Кот, М. В. Основные признаки и особенности суда присяжных // Теория и практика общественного развития. — 2017. — № 2. — С. 92–96.
9. Насонов, С. А. Актуальные проблемы судебного следствия в суде присяжных и подходы к их разрешению // Актуальные проблемы российского права. — 2014. — № 7. — С. 1468–1473.
10. Поддубняк, А. А. Институт присяжных заседателей: расширение полномочий // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2017. — № 2 (16). — С. 36–41.
11. Колоколов, Н. А. Суд с участием присяжных заседателей: особое внимание к доказательствам // Уголовный процесс. — 2018. — № 5. — С. 32–43.
12. Тагер, А. С. О предмете и пределах науки об уголовном суде // Право и жизнь. — 1924. — Кн. 1. — С. 50–74.
13. Стоилов, Я. Принципы права: понятие и применение. — М.: Проспект, 2023.
14. Полянский, Н. Н. Цель уголовного процесса // Сборник Ярославского государственного университета, 1919.
15. Владимиров, Л. Е., Гессен, И. В., Кони, А. Ф., Муравьев, Н. В., Фойницкий, И. Я., Хрулев, С. Российские дореволюционные источники о суде присяжных.
16. Алексеева, Л. Б., Афанасьев, А. К., Боботов, С. В., Виленский, Б. В., Вицин, С. Е., Демичев, А. А., Зайончковский, П. А., Карнозова, Л. М., Клеандров, М. И., Лунеев, В. В., Радутная, Н. В., Стоилов, Я., Уайнреб, Л., Уолкер, Р., и др.

Договор участия в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости: проблемы правового регулирования

Петроченко Никита Андреевич, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье автор исследует проблемы правового регулирования договора долевого участия в строительстве многоквартирных домов в части практики правоприменения взыскания неустойки.

Ключевые слова: договор долевого участия, неустойка, застройщик, участник долевого строительства, мораторий.

Договор участия в долевом строительстве (далее по тексту — «ДДУ») является фундаментальной правовой конструкцией для привлечения денежных средств от граждан и юридических лиц для финансирования строительства многоквартирных домов и иной недвижимости. Долевое строительство объектов недвижимости яв-

ляется одним из самых безопасных способов приобретения объектов недвижимости в Российской Федерации. По существу, ДДУ позволяет физическим и юридическим лицам инвестировать в строительство объекта недвижимости путем приобретения права требования на будущий объект недвижимости [11].

Согласно позиции Суханова Е. А., предметом договора долевого участия является и совершение застройщиком определенных действий, обеспечивающих строительство многоквартирного дома или иного объекта недвижимости и также передачу построенного объекта каждому из дольщиков конкретного жилого и нежилого помещения [13].

Долевое строительство исторически являлось одним из основных механизмов финансирования жилищного строительства в РФ. Федеральный закон от 30.12.2004 № 214ФЗ (далее по тексту — «214-ФЗ») установил комплекс правил для привлечения денежных средств граждан и организаций на строительство многоквартирных домов и иных объектов недвижимости на условиях долевого участия. Несмотря на единый правовой каркас, практика реализации ДДУ обнаружила системные риски: массовые случаи недостроя, мошеннические схемы с привлечением денежных средств, недостаточная прозрачность и слабые механизмы защиты дольщиков [10, с. 192].

Федеральный закон № 214ФЗ направлен на регулирование отношений, возникающих при привлечении денежных средств участников долевого строительства и их использовании застройщиками в целях строительства многоквартирных домов и иных объектов недвижимости, а также на регулирование вопросов возникновения права собственности у участников долевого строительства (ст. 1, 2 214ФЗ). Данный Федеральный закон регламентирует основные условия участия в долевом строительстве, так, согласно предмету договора долевого участия, одна сторона (застройщик) обязуется в предусмотренный договором срок своими силами и (или) с привлечением других лиц построить (создать) многоквартирный дом и (или) иной объект недвижимости и после получения разрешения на ввод в эксплуатацию этих объектов передать соответствующий объект долевого строительства участнику долевого строительства, а другая сторона (участник долевого строительства) обязуется уплатить обусловленную договором цену и принять объект долевого строительства при наличии разрешения на ввод в эксплуатацию многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости.

Строительная отрасль в Российской Федерации является одним из основных драйверов экономики. Помимо создания большого количества рабочих мест для специалистов, как непосредственно занятых в производстве строительно-монтажных работ, так и для специалистов обеспечения деятельности, проектирования и иных смежных отраслей крупного цикла. Также, строительная отрасль стимулирует иные отрасли экономики, такие как: металлургия, цементная и химическая промышленность, логистику, транспорт, сектор ИТ, машиностроение. Тесная взаимосвязь строительной сферы и иных отраслей экономики побуждает государство оказывать меры поддержки в деятельности строительных компаний, поскольку их отсутствие приведет по цепной реакции к спаду экономического эффекта как строительной, так и иных косвенно зависимых отраслей.

Недружественная политика иностранных государств повлияла на стабильность строительного сектора. Рост цен, а также невозможность оперативного закупа материалов, техники, программного обеспечения заставили застройщиков адаптироваться под текущие реалии, что сулило огромные риски для строительной отрасли в целом, что, в свою очередь, могло привести к невозможности своевременного исполнения обязательств застройщиками перед участниками долевого строительства. Просрочки ввода объектов долевого строительства в эксплуатацию могли привести к тому, что тысячи участников долевого строительства не смогли бы своевременно принять объекты долевого строительства, что породило бы огромное число исковых производств с требованиями о начислении и уплате неустоек, штрафных санкций, что только бы усилило нестабильность ситуации и ухудшило не только положение застройщиков, но и участников долевого строительства, поскольку привело бы к невозможности исполнения застройщиками своих обязательств в виду несостоятельности.

Органы государственной власти были вовлечены в сложившуюся ситуацию и предоставили ряд мер поддержки застройщиков, которые были направлены на стабилизацию отрасли.

Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 08.03.2022 № 46-ФЗ Правительство РФ было наделено полномочиями упрощать сертификацию продукции, вводить мораторий на проверки бизнеса, регулировать финансовые рынки, корпоративные отношения (акционерные общества, закупки) и упрощать ввоз товаров. Данный закон был принят в целях антикризисной защиты экономики Российской Федерации в условиях санкций.

Полномочия Правительства Российской Федерации как исполнительного органа государственной власти определены Федеральным конституционным законом от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации», статьей 5 которого закреплено, что Правительство Российской Федерации на основании и во исполнение Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов, указов, распоряжений и поручений Президента Российской Федерации издает постановления и распоряжения, а также обеспечивает их исполнение (часть 1). Акты Правительства Российской Федерации, имеющие нормативный характер, издаются в форме постановлений Правительства Российской Федерации (часть 2).

В силу пункта 4 части 1 статьи 18 Федерального закона № 46-ФЗ Правительство Российской Федерации в 2022, 2023 и 2024 годах вправе принимать решения, предусматривающие установление особенностей применения неустойки (штрафа, пени), иных финансовых санкций, а также других мер ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договорам участия в долевом строительстве, установленных законодательством о долевом строительстве.

Федеральный закон № 46-ФЗ разработан в целях защиты национальных интересов Российской Федерации в связи с недружественными действиями иностранных государств и международных организаций. Принятие данного закона обусловлено необходимостью реализации комплекса мер социально-экономического характера в отношении граждан Российской Федерации и российских юридических лиц.

Во исполнение этого федерального закона Правительством Российской Федерации 26 марта 2022 г. было принято постановление № 479 «Об установлении особенностей применения неустойки (штрафа, пени), иных финансовых санкций, а также других мер ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договорам участия в долевом строительстве, установленных законодательством о долевом строительстве» (далее — Постановление № 479), которым на период со дня вступления в силу этого постановления до 30 июня 2023 г. включительно устанавливались аналогичные оспариваемым особенности применения неустойки (штрафа, пени), возмещения убытков и уплаты процентов участнику долевого строительства в соответствии с Федеральным законом № 214-ФЗ.

Законность установленных Правительством Российской Федерации в Постановлении № 479 особенностей применения неустойки (штрафа, пени), возмещения убытков и уплаты процентов являлась предметом проверки Верховного Суда Российской Федерации, и вступившими в законную силу решениями от 21 июня 2022 г. № АКПИ22–284, от 6 февраля 2024 г. № АКПИ23–1091 положения, содержащие указанные предписания, признаны соответствующими действующему законодательству Российской Федерации.

В связи с тем, что обстоятельства, требующие принятия и реализации комплекса мер социально-экономического характера в отношении граждан Российской Федерации и российских юридических лиц, не отпали, Правительство Российской Федерации установило такие меры в Постановлении на новый период до 31 декабря 2024 г. включительно.

Как неоднократно отмечал Верховный Суд Российской Федерации в приведенных решениях, ни Федеральный закон № 214-ФЗ, ни ГК РФ, ни Закон о защите прав потребителей не запрещают устанавливать особенности применения неустойки (штрафа, пени), иных финансовых санкций, а также других мер ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договорам участия в долевом строительстве [12, с. 112–124.].

Реализуя предоставленные законом полномочия, Правительство Российской Федерации издало Постановление, которое устанавливает особенности применения требований Федерального закона № 214-ФЗ и применяется в том числе к правоотношениям, возникшим из договоров участия в долевом строительстве, заключенных до дня вступления в силу Постановления.

18 марта 2024 г. Правительством Российской Федерации издано постановление № 326 «Об установлении особеннос-

тей применения неустойки (штрафа, пени), иных финансовых санкций, а также других мер ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договорам участия в долевом строительстве, установленных законодательством о долевом строительстве» (далее также — Постановление), пунктом 1 которого установлены особенности применения неустойки (штрафа, пени), иных финансовых санкций, а также других мер ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договорам участия в долевом строительстве, установленных законодательством о долевом строительстве.

Особенности, установленные пунктами 1 и 2 Постановления, применяются в том числе к правоотношениям, возникшим из договоров участия в долевом строительстве, заключенных до дня вступления в силу Постановления (пункт 3 Постановления).

Полномочия Правительства Российской Федерации как исполнительного органа государственной власти определены Федеральным конституционным законом от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации», статьей 5 которого закреплено, что Правительство Российской Федерации на основании и во исполнение Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов, указов, распоряжений и поручений Президента Российской Федерации издает постановления и распоряжения, а также обеспечивает их исполнение (часть 1). Акты Правительства Российской Федерации, имеющие нормативный характер, издаются в форме постановлений Правительства Российской Федерации (часть 2).

В силу пункта 4 части 1 статьи 18 Федерального закона № 46-ФЗ Правительство Российской Федерации в 2022, 2023 и 2024 годах вправе принимать решения, предусматривающие установление особенностей применения неустойки (штрафа, пени), иных финансовых санкций, а также других мер ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договорам участия в долевом строительстве, установленных законодательством о долевом строительстве.

Застройщики в условиях экономической неопределенности получили поддержку государства, заключающуюся в освобождении от уплаты неустоек и иных финансовых мер ответственности с целью поддержания отрасли в состоянии, в конечном счете способном исполнять свои обязательства надлежащим образом.

Помимо введения моратория, 214-ФЗ подвергся реформированию путем издания Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» от 08.08.2024 № 266-ФЗ. Изменения, внесенные данным Федеральным законом, окончательно отделили 214-ФЗ и Закон РФ от 07.02.1992 № 2300–1 «О защите прав потребителей». Одним из основных изменений можно по праву

считать взыскание дольщиком с застройщика только тех неустоек, штрафов и процентов, которые указаны в Федеральном законе от 30.12.2004 № 214-ФЗ. Исходя из этого, меры ответственности, предусмотренные Законом о защите прав потребителей, больше не применяются к участию в долевом строительстве. Необходимо отметить, что поправки об ответственности применяются при определении размера неустоек (штрафов, пеней), подлежащих начислению за период с 01.09.2024 года по договорам, заключенным до этой даты.

Ранее, участник долевого строительства мог заявить требование о взыскании неустойки в случае: нарушения срока устранения недостатков; неисполнения требования о соразмерном уменьшении цены; неисполнения требования о возмещении расходов на устранение недостатков в размере, рассчитываемом в соответствии с Законом о защите прав потребителей, а именно 1 % за каждый день просрочки от стоимости расходов, необходимых для устранения недостатков, или от суммы, подлежащей возмещению.

После внесения изменений, за нарушение срока устранения недостатков; неисполнения требования о соразмерном уменьшении цены; неисполнение требования о соразмерном уменьшении цены; неисполнение требования о возмещении расходов на устранение недостатков участник долевого строительства может потребовать от застройщика пени в размере равном 1/150 ставки рефинансирования Банка России, если объект был приобретен для личных нужд, но не более суммы расходов на исправление дефектов или 1/300 ставки рефинансирования Банка России в других случаях.

Данный комплекс мер поддержки изменил статус-кво в сторону застройщиков, что не могло не породить ряд правовых проблем и пробелов.

Так, например, судебная практика занимает два прямо противоположных мнения относительно взыскания неустойки по ч. 8 ст. 7 214-ФЗ за период с 01 сентября 2024 года.

Так, Третий кассационный суд общей юрисдикции считает, что ограничения, установленные Постановлением Правительства РФ от 18.03.2024 № 326 (далее по тексту — «Постановление»), на отношения по взысканию с застройщика неустойки, предусмотренной ч. 8 ст. 7 214-ФЗ, не распространяются.

Суд обосновывает данную позицию следующим. Постановлением регулировался порядок взыскания неустойки, подлежащей выплате участнику долевого строительства с учетом ч. 9 ст. 4 Закона (то есть неустойки, взыскиваемой по правилам Закона о защите прав потребителей). Поскольку неустойка за просрочку выплаты расходов по устранению недостатков объекта долевого участия в строительстве в период до 01.09.2024 взыскивалась с застройщика на основании п. 1 ст. 23 Закона о защите прав потребителей, то на данную неустойку распространялось действие Постановления Правительства РФ от 18.03.2024 № 326. В период с 01.09.2024 неустойка за просрочку выплаты расходов по устранению недостатков

объекта долевого участия в строительстве взыскивается с застройщика на основании ч. 8 ст. 7 Закона (в редакции Федерального закона от 08.08.2024 № 266-ФЗ). Часть 8 ст. 7 Закона в спорный период (с 01.09.2024 по 26.12.2024) в Постановлении Правительства РФ от 18.03.2024 № 326 не упоминалась. Только Постановлением Правительства РФ от 26.12.2024 № 1916 в Постановлении Правительства РФ от 18.03.2024 № 326 был введен абзац, согласно которому неустойка (штраф, пени), подлежащая с учетом ч. 8 ст. 7 Закона уплате гражданину — участнику долевого строительства за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договорам участия в долевом строительстве, заключенным исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, не начисляется за период с 1 января 2025 г. до 30 июня 2025 г. В связи с вышеизложенным, суд кассационной инстанции требование о взыскании неустойки за спорный период с 01 сентября 2024 года отправил на повторное рассмотрение в суд апелляционной инстанции, усмотрев в этом нарушение норм материального права.

В то же время, Седьмой кассационный суд общей юрисдикции распространяет действие Постановления, в том числе и за период с 01 сентября 2024 года, и указывает следующее: «Учитывая характер возникших между сторонами правоотношений, руководствуясь положениями части 8 ст. 7 Федерального закона от 30 декабря 2004 года № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации», а также положениями Постановления Правительства Российской Федерации от 18 марта 2024 года № 326 и Постановления Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2024 года № 1916 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 18 марта 2024 года № 326» относительно размера неустойки и штрафа за период с 1 июля 2023 года до 30 июня 2025 года, суд второй инстанции установил, что поскольку в соответствии с названными Постановлениями неустойка, подлежащая уплате гражданину, не начисляется за период с 22 марта 2024 года до 30 июня 2025 года, при этом ответчиком произведена выплата суммы строительных недостатков, а требования истца о выплате денежных средств также заявлены в период моратория. В связи с чем, суд второй инстанции признал, что требования истца о взыскании неустойки и штрафа не подлежат удовлетворению».

Таким образом, в правоприменительной практике существует два кардинально разных мнения относительно распространения Постановления на требования о взыскании неустойки за период с 01 сентября 2024 года.

Постановление Правительства РФ от 18.03.2024 № 326 «Об установлении особенностей применения неустойки (штрафа, пени), иных финансовых санкций, а также других мер ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договорам участия

в долевом строительстве, установленных законодательством о долевом строительстве» в редакции от 22 марта 2024 года предусматривало следующие особенности применения неустойки применения неустойки (штрафа, пени), иных финансовых санкций, а также других мер ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договорам участия в долевом строительстве, установленных законодательством о долевом строительстве: неустойка (штраф, пени), иные финансовые санкции, подлежащие с учетом части 9 статьи 4 Федерального закона «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» уплате гражданину — участнику долевого строительства за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договорам участия в долевом строительстве, заключенным исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, не начисляются за период со дня вступления в силу настоящего постановления до 31 декабря 2024 г. включительно.

При этом ч.9 ст. 4 Федерального закона от 30.12.2004 № 214-ФЗ (в ред. от 14.02.2024) «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» указывала, что к отношениям, вытекающим из договора, заключенного гражданином — участником долевого строительства исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, применяется законодательство Российской Федерации о защите прав потребителей в части, не урегулированной настоящим Федеральным законом. Данная редакция Федерального закона также определяла меры ответственности неисполнение/несвоевременно исполнение обязательств по договору долевого участия в части гарантий качества предусмотренных ч. 8 ст. 7 вышеупомянутого Федерального закона, а именно: К отношениям, вытекающим из договора, заключенного гражданином — участником долевого строительства исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, применяется законодательство Российской Федерации о защите прав потребителей в части, не урегулированной настоящим Федеральным законом.

За нарушение срока устранения недостатков (дефектов) объекта долевого строительства, предусмотренного частью 6 настоящей статьи, застройщик уплачивает гражданину — участнику долевого строительства, приобретающему жилое помещение для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, за каждый день просрочки неустойку (пеню) в размере, определяемом пунктом 1 статьи 23 Закона Российской Федерации от 7 февраля

1992 года № 2300–1 «О защите прав потребителей». Если недостаток (дефект) указанного жилого помещения, являющегося объектом долевого строительства, не является основанием для признания такого жилого помещения непригодным для проживания, размер неустойки (пени) рассчитывается как процент, установленный пунктом 1 статьи 23 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 года № 2300–1 «О защите прав потребителей», от стоимости расходов, необходимых для устранения такого недостатка (дефекта).

Таким образом, постановление Правительства РФ от 18.03.2024 № 326 «Об установлении особенностей применения неустойки (штрафа, пени), иных финансовых санкций, а также других мер ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договорам участия в долевом строительстве, установленных законодательством о долевом строительстве» в редакции от 22 марта 2024 года объявило мораторий, в части начисления неустойки за нарушение гарантийных обязательств за период со дня вступления в силу данного постановления, а именно с 22 марта 2024 года до 31 декабря 2024 года.

Буквальное толкование норм права — это вид толкования, при котором смысл правовой нормы полностью совпадает с её текстом, то есть «дух закона» полностью соответствует его «букве». Этот метод предполагает, что слова и выражения в тексте нормативного акта используются в своём прямом, обычном значении, и автор текста выразил свою мысль ясно и точно.

Буквальное толкование призвано установить выражение статьи, т. е. не уже и не шире ее текста.

Так, абзац 5 п. 1 постановления Правительства РФ от 18.03.2024 № 326 «Об установлении особенностей применения неустойки (штрафа, пени), иных финансовых санкций, а также других мер ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договорам участия в долевом строительстве, установленных законодательством о долевом строительстве» в редакции от 22 марта 2024 года указывает, что неустойка (штраф, пени), иные финансовые санкции, подлежащие с учетом части 9 статьи 4 Федерального закона «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» уплате гражданину — участнику долевого строительства за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договорам участия в долевом строительстве, заключенным исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, не начисляются за период со дня вступления в силу настоящего постановления до 31 декабря 2024 г. включительно.

Применяя метод буквального толкования правовых норм, можно прийти к выводу о том, что орган исполнительной власти, определяет перечень подпадающих под

мораторий финансовых санкций, применимых к застройщику путем перечисления, а именно: ... неустойки (штрафа, пени), иные финансовые санкции, подлежащие...». Таким образом, орган исполнительной власти проводит параллели между открытым перечнем финансовых санкций — неустоек, возможных к применению в виду многообразия нормативно-правовых актов, и иными финансовыми санкциям подлежащими с учетом части 9 статьи 4 Федерального закона № 214, коими признавался Закон о защите прав потребителей и его применение к Федеральному закону об участии в долевом строительстве. Таким образом, Правительство РФ фактически объявило мора-

торий на начисление любой неустойки за период со дня вступления постановления в силу, то есть с 22 марта 2024 года до 31 декабря 2024 года.

Считаем, что данный способ трактовки нормативно-правового акта является наиболее корректным, поскольку принимая во внимание системность и правовой смысл дальнейших редакций постановления Правительства РФ от 18.03.2024 № 326, которые уже формально ограничили действие спорного положения ч. 8 ст. 7 Федерального закона № 214 и урегулировали вопрос применения возникшей нормы в период правовой неопределенности, что также подтверждается судебной практикой.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.03.2026 г.).
2. Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ (ред. от 28.12.2025) «О Правительстве Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 09.11.2020, № 45, ст. 7061.
3. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 28.12.2025, с изм. от 17.02.2026) «О защите прав потребителей» // «Собрание законодательства РФ», 15.01.1996, № 3, ст. 140.
4. Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 03.01.2005, № 1 (часть 1), ст. 40.
5. Федеральный закон от 08.03.2022 № 46-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 14.03.2022, № 11, ст. 1596.
6. Федеральный закон от 08.08.2024 № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 12.08.2024, № 33 (Часть I), ст. 4962.
7. Постановление Правительства РФ от 18.03.2024 № 326 «Об установлении особенностей применения неустойки (штрафа, пени), иных финансовых санкций, а также других мер ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договорам участия в долевом строительстве, установленных законодательством о долевом строительстве» // «Собрание законодательства РФ», 25.03.2024, № 13, ст. 1797.
8. Постановление Правительства РФ от 26.03.2022 № 479 «Об установлении особенностей применения неустойки (штрафа, пени), иных финансовых санкций, а также других мер ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договорам участия в долевом строительстве, установленных законодательством о долевом строительстве» // «Собрание законодательства РФ», 04.04.2022, № 14, ст. 2263.
9. Гонгало Б. М., Крашенинников П. В. Долевое строительство объектов недвижимости: законодательная модель и практика ее применения. — М.: Статут, 2019. — С. 192.
10. Егорова М. А. Правовая природа договора участия в долевом строительстве: от подряда к смешанному договору // Журнал российского права. — 2020. — № 8. — С. 112–124.
11. Евстратова Н. К. Практика применения договора долевого участия в строительстве и предварительного договора // Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2014. — № 7.
12. Гражданское право: в 4 т. Т.3. Учеб. / под ред. Е. А. Суханова. М.: Волтерс Клувер, 2008. Т. 3. Обязательственное право.
13. Решение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 21.06.2022 № АКПИ22–284 // СПС КонсультантПлюс.
14. Решение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 06.02.2024 № АКПИ23–1091 // СПС КонсультантПлюс.
15. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 07.07.2025 № 88–12140/2025 (УИД 78RS0001–01–2024–002035–73) // СПС КонсультантПлюс.
16. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 19.06.2025 № 88–8845/2025 (УИД 74RS0001–01–2024–002278–26) // СПС КонсультантПлюс.

Проблемы участия лиц, не являющихся участниками хозяйственных обществ, в корпоративных договорах

Плотников Иван Вадимович, студент

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Симферополь)

В статье анализируются вопросы специфики субъектного состава корпоративных договоров, когда его стороной становится третье лицо, не входящее в состав хозяйственного общества. Автор приходит к выводу, что корпоративный договор создает последствия двоякого рода: корпоративные отношения, если стороной является участник корпорации, и квазикорпоративные, если стороной является кредитор.

Ключевые слова: корпоративный договор, хозяйственные общества, оспаривание решений собраний, корпоративное право, общества с ограниченной ответственностью.

Корпоративный договор занимает важное место в структурировании отношений между участниками хозяйственных обществ. Корпоративный договор позволяет отступить от равенства долей в уставном капитале, перераспределить голоса, изменить порядок выплаты дивидендов, не требуя при этом корректировки устава общества.

В то же время, сегодня корпоративный договор не является инструментом, который позволяет регламентировать отношения только между участниками хозяйственного общества. В ряде случаев, участники заключают такие договоры с третьими лицами, которые в состав хозяйственных обществ не входят.

Проблеме участия таких третьих лиц в корпоративном договоре и посвящена настоящая работа.

Первостепенно дадим определение понятию «корпоративный договор».

Из п. 1 ст. 67.2 ГК РФ [1] следует, что корпоративный договор суть соглашение, предметом которого является обязательства его сторон (1) голосовать на общих собраниях определенным образом, (2) осуществлять иные действия по управлению обществом определенным образом, (3) отчуждать доли по определенной цене.

В литературе нормативное определение корпоративного договора критикуется. Например, А. Д. Михайлов отмечает, что «...правовая квалификация соглашения об осуществлении корпоративных прав, которое заключено участниками хозяйственного общества с кредиторами и другими третьими лицами представляется не совсем ясной...» [2, с. 107].

Горбунов Е. Г. предлагает понимать корпоративные договоры в качестве «...соглашения, направленные на установление порядка осуществления существующих корпоративных прав и корпоративных обязанностей, согласование иных действий, связанных с управлением хозяйственным обществом, его внутрикорпоративной деятельностью, реорганизацией и ликвидацией, в пределах и на условиях, предусмотренных корпоративным законодательством и уставом...» [3, с. 61].

Видится, что такое определение уязвимо критике.

Во-первых, оно незначительно отличается от определения, данного нам законодателем.

Во-вторых, предложенное определение также ограничивает конструкцию корпоративного договора только участниками хозяйственного общества, в то время как норма п. 9 ст. 67.2 ГК РФ прямо допускает участие, например, кредиторов в корпоративном соглашении.

В-третьих, необходимость абсолютного соответствия корпоративного договора законодательству не вытекает из положений ст. 67.2 ГК РФ. Так в п. 37 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 разъяснено, что «...согласно пункту 7 статьи 67.2 ГК РФ стороны корпоративного договора не вправе ссылаться на его недействительность в связи с его противоречием положениям устава хозяйственного общества. В этом случае сторона корпоративного договора не утрачивает право на предъявление к другой стороне требований, основанных на таком договоре...» [4].

Ю. Ф. Беспаловым предложено иное определение корпоративного договора «...корпоративный договор представляет собой соглашение между участниками хозяйственного общества по вопросам, связанным с осуществлением корпоративных прав. Сторонами корпоративного договора могут быть как его участники, так и иные лица в случае, если это предусмотрено соответствующим законодательством РФ...» [5, с. 70].

С предложенным определением следует согласиться. Существо корпоративного договора заключается в определении особого порядка осуществления корпоративных прав, допуская при этом участие в таком договоре третьих лиц, не имеющих корпоративных прав.

Далее следует выяснить порождает ли корпоративный договор корпоративные правоотношения или его правовые последствия ограничены ординарным обязательственным эффектом.

Л. Б. Ситдикова отмечает, что «...корпоративный договор по своей природе следует относить к предпринимательским договорам, который порождает обязательно-правовые отношения...при этом отношения, порождаемые таким договором, нельзя отнести к корпоративным, постольку поскольку они не затрагивают непосредственно дела самой корпорации, а лишь позволяют сторонам договориться между собой о порядке осуществления их корпоративных прав, что, безусловно, взаимосвязано, но не тождественно...» [6, с. 6].

Видится, что эти утверждения не лишены оснований. Современные воззрения доктрины [7, с. 31–33] и судебной практики [9] придерживаются того, что отношения между участниками корпорации аналогичным отношениям из договора простого товарищества, что обуславливает применение норм ГК РФ об обязательствах к корпоративным отношениям [9, с. 10–11]. Об этом указывает и закон подп. 1 п. 3 ст. 307.1 ГК РФ.

В то же время видится, что обязательственно-правовой характер корпоративного договора не исключает признания за ним также и корпоративного характера. Мы полагаем, что эффект корпоративного договора необходимо различать в отношении участников и в отношении третьих лиц, не являющихся участниками хозяйственного общества.

Постольку поскольку стороной корпоративного договора является участник хозяйственного общества, то признания факта того, что корпоративный договор порождает корпоративные правоотношения очевидно. Как указывает Д. В. Ломакин, поскольку предметом корпоративного договора является осуществление корпоративных прав участников корпорации определенным образом, постольку стороной корпоративного договора не может быть сама корпорация [10, с. 12].

В то же время в случае участия в корпоративном договоре третьего лица, не являющегося участником хозяйственного общества, можно говорить о возникновении лишь квазикорпоративных отношений.

С одной стороны, такие правоотношения носят преимущественно обязательственный характер. Например, корпоративный договор может быть заключен между банком и должником, чтобы предоставить первому контрольные полномочия за принятием корпоративных решений. Как правило, такие корпоративные договоры включают негативные ковенанты, запрещающие должнику на период кредитования совершать действия, которые могут поставить под угрозу надлежащее исполнение им обязательства.

Ковенанты, то есть непоименованный способ обеспечения исполнения обязательств, имеет целью «...огра-

ничить заемщика в совершении каких-либо действий, влияющих на возврат кредитных средств...» [11, с. 20]. Например, негативные ковенанты в виде запрета на распределение дивидендов допускаются судебной практикой [12–13]. При этом, обязательства из негативных ковенантов могут быть обеспечены судебным присуждением к их исполнению [14, с. 71].

Абзац 1 п. 6 ст. 67.2 ГК РФ наделяет участников корпоративного договора — не делая какой-либо привязки к тому, что под участником корпоративного договора в данном необходимо понимать исключительно члена корпорации — оспаривать решения корпорации, принятые в нарушение условий корпоративного договора.

Соответственно, кредиторы, заключившие корпоративные договоры в порядке п. 9 ст. 67.2 ГК РФ, также имеют право на оспаривание решения корпорации, принятых в нарушение корпоративного договора [15–16].

Из этого следует, что для обеспечения таких ковенантов законодатель фактически наделяет кредитора — участника корпоративного соглашения — правом на оспаривание решений собраний должника.

С учетом этого, можно прийти к выводу, что корпоративный договор с третьим лицом порождает квазикорпоративные отношения, имеющие признаки как корпоративных, так и обязательственных отношений.

Подведем итог сказанного:

(1) существо корпоративного договора заключается в определении особого порядка осуществления корпоративных прав, допуская при этом участие в таком договоре третьих лиц, не имеющих корпоративных прав,

(2) корпоративный договор порождает последствия двух видов: если его стороной является участник хозяйственного общества, то возникают корпоративные отношения, если стороной является кредитор или иное третье лицо, то возникают квазикорпоративные отношений, т. е. обязательственные отношения с наделением такого кредитора или третьего лица корпоративным правом на оспаривание решений собраний хозяйственного общества.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // «СЗ РФ». 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
2. Михайлов А. Д. Понятие корпоративного договора // Наука без границ. 2017. № 10 (15). С. 104–107.
3. Горбунов Е. Г. Понятие и правовая природа корпоративного договора // Интерактивная наука. 2022. № 11 (76). С. 60–61.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // «Бюллетень Верховного Суда РФ» № 8. Август. 2015.
5. Беспалов Ю. Ф. К вопросу о понятии, субъектном составе и особенностях корпоративного договора // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 2. С. 66–70.
6. Ситдикова Л. Б. Корпоративный договор как способ осуществления прав участников корпоративных отношений // Юрист: научно-практическое и информационное издание. М.: 2024. С. 2–7.
7. Кузнецов А. А. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью. М.: Статут, 2014. 141 с.
8. Определение СКЭС Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 306-ЭС19–24912 по делу № А65–3053/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

9. Кузнецов А. А. Новая жизнь российского корпоративного права и ограничения на отчуждение доли (акций). Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 11.06.2020 № 306-ЭС19-24912 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 8. С. 4–24.
10. Ломакин Д. В. Коммерческие корпорации как субъекты корпоративных правоотношений: учебное пособие. М.: Статут 2020. 146 с.
11. Егорова М. А., Челышева Н. Ю., Шмелева Д. В., Комиссаров Г. А. Особенности применения ковенантных условий договора: проблемы теории и судебной практики // Предпринимательское право. 2023. № 2. С. 17–26.
12. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 10.07.2023 по делу № А40–247312/2022 // СПС «ГАРАНТ».
13. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 07.08.2024 делу № А21–4448/2021 // СПС «Гарант».
14. Карапетов А. Г. Правовая природа и последствия нарушения ковенантов в финансовых сделках // Частное право и финансовый рынок: Сборник статей / отв. ред. М. Л. Башкатов. М.: Статут, 2011. Вып. 1. С. 70–115.
15. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 01.06.2017 по делу № А40–151124/2016 // СПС «Гарант».
16. Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 07.12.2017 по делу № А32–31503/2017 // СПС «Гарант».

Проблемы квалификации налоговых преступлений (статьи 198 и 199 УК РФ)

Рахимкулов Айрат Рауфович, студент магистратуры

Научный руководитель: Лепешкина Оксана Ивановна, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

В соответствии со статьей 57 Конституции Российской Федерации каждый обязан платить установленные законом налоги и сборы, порядок их взимания устанавливается законодательством Российской Федерации о налогах и сборах. Неисполнение данной обязанности ставит под угрозу существования государственного строя поскольку без формирования и пополнения бюджета невозможно исполнение его функций.

Уклонение от уплаты налогов на сегодняшний день в России стало настолько распространенным, что масштабы неуплаты значительны, однако, чтобы увидеть реальные цифры и ущерб от налоговых преступлений необходимо решать проблему их латентности.

Статистический анализ подтверждает значительный ущерб от преступлений в сфере налогов. По заявлению Л. Е. Леоненко, заместителя председателя Следственного комитета Российской Федерации в среднем в результате налоговых преступлений ежегодно бюджет страны теряет чуть более 58 миллиардов рублей.

При этом, статистика на сегодня тоже является предметом дискуссий как между теоретиками, так и между правоприменителями ввиду споров на тему отнесения преступлений к той или иной категории. Какие именно составы следует отнести исключительно к налоговым преступлениям, а какие составы можно по-прежнему считать экономическими. Следует учитывать, что именно статистика позволяет формировать необходимые методы борьбы с преступностью. Большинство исследователей используют статистические данные как по количеству преступлений, так и по результатам расследования.

Данные статистики, содержащие сведения о налоговых преступлениях, регулярно обобщаются и публикуются на сайте Министерства внутренних дел Российской Федерации, в статистических сборниках Генеральной прокуратуры, а также являются доступными на сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в разделе «Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России» по периодам обращения.

В Уголовном кодексе Российской Федерации налоговые преступления включены в раздел «Преступления в сфере экономики», и уже на данном этапе понятно, что анализ и динамику именно налоговых преступлений в общей массе экономических преступлений проследить непросто. Необходимо четкое разделение составов, разграничение налоговой сферы, что невозможно без кардинальных изменений уголовного закона.

Проводя исследование спорных вопросов квалификации налоговых преступлений (ст. 198 и 199 УК РФ), можно выделить основные группы трудностей, с которыми сталкиваются правоприменители.

В первую группу, безусловно, следует отнести проблему бланкетности статей по налоговым преступлениям, неопределенности неточности формулировок. Данная тема является предметом дискуссий многих исследователей.

Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькин в своем выступлении обозначил проблему «нестабильности законодательства о налогах и сборах», отметил, что «наибольшее количество нареканий вызывает нечеткость и неясность законодательства о налогах и сборах».

В уголовном праве использование бланкетных норм влечет за собой не только ошибки в квалификации деяний, что ярко проявляется в контексте составов по налоговым преступлениям, но определяет огромную нагрузку на работу судов.

Преступления, предусмотренные ст. 198 и 199 УК РФ, не содержат описаний преступных действий. Чтобы уяснить диспозиции, необходимо обратиться к отраслевым нормативно-правовым актам в сфере налогообложения и бухгалтерского учета. Следовательно, обвинительное заключение по указанной категории должно содержать огромное количество отсылок к отдельным нормам, что вызывает значительные трудности у органов расследования, требует дополнительных знаний судей при производстве в уголовных делах в судах.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своём профильном Постановлении от 26.11.2019 № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» предопределил необходимость в проверке конкретных сведений о нормах законодательства о налогах, нарушенных обвиняемым, с указанием сроков уплаты конкретных налогов, как был исчислен период для определения крупного или особо-крупного размера.

Как показывает практика, при несоблюдении указанных рекомендаций, значительное количество уголовных дел возвращается в силу ст. 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации для устранения препятствий к его рассмотрению.

Таким образом, введение в текущее уголовное законодательство более точных и однозначных налоговых терминов и формулировок, расширительное толкование способов совершения налоговых преступлений и условий виновности налогоплательщика позволит правоприменителям верно квалифицировать преступные деяния и исключать юридические ошибки.

Во вторую группу проблем стоит отнести вопрос о моменте окончания преступлений исследуемых статей Уголовного кодекса РФ, согласно диспозициям которых, он определён как момент фактической неуплаты налога (сбора). Идея, что налоговое преступление является по своей сути длящимся продолжает быть дискуссионной. Между тем, концепция длящегося преступления по налогам входит в противоречие с институтом срока давности преступления. Кроме того, абсурдна сама ситуация,

когда, учитывая тяжесть преступлений и значительных сроков расследования, ввиду бланкетности норм, совершившие преступления не будут привлечены к ответственности. Также не стоит в этой связи забывать о сроках хранения документов, установленных пп. 8 п. 1 ст. 23 Налогового кодекса Российской Федерации, и в случае внедрения идеи длящегося преступления, налогоплательщик не сможет защититься от злоупотреблений сотрудников органов расследования.

Также, в случае длящегося налогового преступления, будет невозможно применять ст. 10 УК РФ, об обратной силе закона, устраняющего преступность деяния.

Между тем, суды ранее ссылались на п.4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 при рассмотрении уголовных дел налоговой направленности, меняют практику о времени совершения налогового преступления. Примером тому, может служить Постановление суда кассационной инстанции, по которому суд согласился с доводами, указанными в предыдущих решениях по делу, указав, что срок давности привлечения к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 199 УК РФ, которое отнесено к преступлениям средней тяжести, в соответствии с п. «б» ч. 1 ст. 78 УК РФ, составляет 6 лет с момента фактического окончания преступления, коим является дата подачи последней уточненной декларации, содержащей заведомо ложные сведения. Тем самым утвердив довод о том, что срок давности привлечения осуждённых к ответственности необходимо исчислять с даты подачи последней уточнённой декларации (содержащей заведомо ложные сведения), признавая иное неверным толкованием уголовного закона.

При этом, признавая длящийся характер преступления и единого умысла у подсудимого, подачу уточнённой декларации после истечения срока для уплаты налогов, суд признает способом сокрытия уже совершенного преступления, что не влияет на исчисление момента окончания преступления.

Итак, рассмотрев в настоящей статье спорные вопросы квалификации налоговых преступлений, (ст. 198 и 199 УК РФ), можно сделать вывод, назрел момент совершенствования законодательства, изменения диспозиций по указанным статьям Уголовного кодекса РФ с целью уточнения способов совершения, условий виновности, что имеет огромное значение для последующей верной квалификации и исключения данных преступлений из разряда латентных.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года, с поправками, внесенными Законами Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ) // Официальный интернет- портал правовой информации: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013>.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 N 146-ФЗ (ред. от 28.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) //Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»
4. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос.Думой 24 мая 1996 г.: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г.: [в ред. от 20.02.2026 г.] //Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»
5. Интервью заместителя Председателя СК РФ Елены Леоненко «РИА новости» // Следственный комитет Российской Федерации <https://sledcom.ru/press/interview/item/1485519/> обращения: 18.03.2026)
6. Доклад В. Д.Зорькина «Налоговое право и практика конституционного суда российской федерации» на международной научно-практической конференции 14 апреля 2006 г. <https://www.ksrf.ru/>
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления»// //Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Постановление Второго кассационного суда от 12.08.2025г. по делу № 77–2113/2025//Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие»: интернет-портал. — URL: <https://2kas.sudrf.ru/>
9. Апелляционное постановление Ростовского областного суда от 26.11.2020г. по делу № 22- 6143/20 //Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие»: интернет-портал. — URL<https://oblsud—ros.sudrf.ru/>

Принцип добросовестности в корпоративных отношениях: критерии применения и проблемы правоприменительной практики

Сабитов Рамиль Марсович, студент

Научный руководитель: Иерусалимская Елена Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Принцип добросовестности является ключевым в регулировании корпоративных правоотношений, обеспечивая баланс интересов участников корпораций и их контрагентов. В статье анализируются критерии применения этого принципа, включая объективную оценку поведения субъектов, а также выявляются проблемы правоприменительной практики, связанные с неоднозначностью толкования норм и отсутствием единых подходов в судебной практике. Исследование подчеркивает необходимость совершенствования законодательства для повышения эффективности защиты прав в корпоративной сфере.

Ключевые слова: добросовестность, корпоративные правоотношения, критерии применения, правоприменительная практика, баланс интересов, судебная практика, гражданское право.

The principle of good faith in corporate legal relations: criteria for application and problems of law enforcement practice

Sabitov Ramil Marsovich, student

Scientific advisor: Iyerusalimskaya Yelena Aleksandrovna, phd in law, associate professor
Moscow University of Finance and Law

The principle of good faith is key in regulating corporate legal relations, ensuring a balance of interests between corporation participants and their counterparties. The article analyzes the criteria for applying this principle, including an objective assessment of the subjects' behavior, and identifies problems in law enforcement practice related to the ambiguity of norm interpretation and the lack of uniform approaches in judicial practice. The study emphasizes the need to improve legislation to enhance the effectiveness of rights protection in the corporate sphere.

Keywords: good faith, corporate legal relations, application criteria, law enforcement practice, balance of interests, judicial practice, civil law.

В современном российском гражданском праве принцип добросовестности занимает центральное место, особенно в сфере корпоративных правоотношений. Согласно п. 3 ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК

РФ), участники гражданских правоотношений обязаны действовать добросовестно при установлении, осуществлении и защите гражданских прав, а также при исполнении обязанностей. В корпоративном праве этот принцип

проявляется в необходимости учета интересов всех вовлеченных сторон, включая акционеров, менеджмент и контрагентов, что способствует стабильности экономических отношений.

Актуальность темы обусловлена растущим числом корпоративных споров, где недобросовестное поведение приводит к убыткам и подрыву доверия в бизнес-среде.

В условиях развития корпоративного законодательства особое значение приобретает вопрос определения критериев добросовестного поведения участников корпорации и органов управления.

В научной литературе принцип добросовестности рассматривается как объективный стандарт поведения участников гражданского оборота, ориентированный на соблюдение требований честной деловой практики [2, с. 28]. В отличие от субъективной добросовестности (незнание о нарушении), объективная добросовестность оценивается по внешним критериям, учитывая интересы контрагентов и общества в целом.

В корпоративных отношениях добросовестность проявляется в обязанностях органов управления действовать разумно и добросовестно (п. 3 ст. 53 ГК РФ). Например, директор общества должен учитывать интересы акционеров при принятии решений, избегая конфликта интересов. Нарушение этого принципа влечет ответственность, включая возмещение убытков (ст. 71 Федерального закона № 208-ФЗ).

Добросовестность также связана с запретом на злоупотребление правом (ст. 10 ГК РФ), где недобросовестное поведение признается, если оно направлено на причинение вреда или обход закона [4, с. 34]. В корпоративной сфере это проявляется в фиктивных сделках или манипуляциях с акциями, что подрывает стабильность корпорации.

Критерии применения принципа добросовестности в корпоративных правоотношениях можно разделить на объективные и субъективные. Объективные критерии включают:

1. Учет интересов сторон: участник должен содействовать контрагенту в получении информации и достижении цели правоотношения (п. 3 ст. 307 ГК РФ) [5, с. 74]. В корпоративном праве это означает прозрачность решений совета директоров.

2. Разумность поведения: действия должны соответствовать обычаям делового оборота. Например, при реорганизации общества менеджмент обязан обосновать решения, избегая неоправданных рисков [6, с. 56].

3. Отсутствие злоупотребления: запрещены действия, направленные исключительно на вред (п. 1 ст. 10 ГК РФ) [7, с. 123]. В практике это применяется к случаям, когда мажоритарный акционер подавляет миноритариев.

Субъективные критерии учитывают осведомленность субъекта о последствиях. Суды оценивают, знал ли участник о вреде своих действий [8, с. 3]. В п. 4 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 подчеркивается, что добросовестность предполагает активное содействие, а не пассивность.

Применение этих критериев позволяет балансировать интересы, но требует индивидуального подхода в каждом случае.

Правоприменительная практика применения принципа добросовестности в корпоративных правоотношениях сталкивается с несколькими проблемами.

Во-первых, отсутствие четких дефиниций приводит к субъективным толкованиям. Например, в деле по исковому заявлению Карауш М. В. к ООО «Связь-город» (Определение Верховного Суда РФ по делу № 304-ЭС24-23525 от 27.05.2025) суды первых инстанций применили принцип эстоппеля, признав недобросовестным поведение общества, которое годами исполняло решения без нотариального удостоверения, а затем заявило об их ничтожности. Кассационная инстанция заняла формальную позицию, но Верховный Суд восстановил приоритет добросовестности над формальной ничтожностью.

Во-вторых, сложности возникают при доказывании недобросовестности. Истцы часто не могут предоставить достаточные доказательства умысла, что приводит к отказу в исках. В деле по исковому заявлению ОАО «ГМК Норильский никель» к АКБ «Инвестиционный Торговый банк» (ОАО) (дело № А40-134952/12) Верховный Суд отказал в признании злоупотребления правом, поскольку не было доказательств недобросовестности в требовании выплаты по гарантии, несмотря на частичное исполнение контракта.

В-третьих, в международных корпорациях возникают коллизии с иностранным правом, где понятие добросовестности (good faith) шире. Кроме того, в деле по исковому заявлению Тараканова Е. О. к Васильеву В. Е. (дело № А40-209621/2014) кассационная инстанция отметила необходимость проверки добросовестности опоры на ЕГРЮЛ, что привело к отмене решений нижестоящих судов.

Для решения этих проблем предлагается:

1. Законодательное уточнение критериев добросовестного поведения участников корпоративных отношений. В частности, в нормах гражданского и корпоративного законодательства могут быть закреплены ориентиры оценки действий органов управления юридического лица, включая наличие конфликта интересов, полноту раскрытия информации и разумность принимаемых управленческих решений. Кроме того, важное значение имеет развитие судебных разъяснений Верховного Суда Российской Федерации, направленных на формирование единообразной практики применения принципа добросовестности. Реализация указанных мер позволит повысить предсказуемость судебных решений и эффективность защиты прав участников корпоративных отношений.

2. Закрепление презумпции недобросовестности при конфликте интересов. Например, в случаях, когда лицо, входящее в органы управления общества, действует в условиях конфликта интересов и не раскрывает

информацию о таком конфликте, его действия предполагаются недобросовестными, если не доказано иное. Многие злоупотребления происходят именно при конфликте интересов директора или контролирующего лица. Бремя доказывания сейчас часто ложится на миноритарных участников, которым сложно получить доказательств.

3. Разработка разъяснений Верховного Суда РФ. Представляется целесообразным принятие отдельного постановления Пленума Верховного Суда РФ, посвящённого применению принципа добросовестности в корпоративных отношениях. В таких разъяснениях можно закрепить: критерии оценки добросовестности, признаки злоупотребления корпоративными правами, подходы к распределению бремени доказывания. Судебная практика по корпоративным спорам нередко противоречива, поскольку суды по-разному трактуют оценочные категории добросовестности и разумности. Единые разъяснения ВС РФ позволят обеспечить единообразие правоприменения.

4. Совершенствование доказательных механизмов. Целесообразно расширить возможности получения доказательств в корпоративных спорах. Например, закрепить обязанность общества предоставлять участникам информацию, необходимую для доказывания недобросовестности органов управления, расширить применение судебной экономической экспертизы для оценки разум-

ности управленческих решений. На практике истцы часто не могут доказать недобросовестность из-за ограниченного доступа к корпоративной информации.

Таким образом, принцип добросовестности выступает одним из базовых начал регулирования корпоративных правоотношений, обеспечивая баланс интересов участников корпорации, ее органов управления и иных субъектов гражданского оборота. Применение данного принципа позволяет оценивать поведение участников корпоративных отношений с позиции разумности, учета интересов других лиц и недопустимости злоупотребления правом. Вместе с тем анализ правоприменительной практики показывает наличие ряда проблем, связанных с оценочным характером категории добросовестности, отсутствием четко закрепленных критериев ее определения и сложностями доказывания недобросовестного поведения. Указанные обстоятельства обуславливают необходимость дальнейшего совершенствования как законодательного регулирования, так и судебной практики, в частности путем выработки более четких критериев оценки добросовестности, развития разъяснений высших судебных инстанций и совершенствования механизмов доказывания в корпоративных спорах. Реализация указанных мер позволит повысить эффективность защиты прав участников корпоративных отношений и обеспечить стабильность гражданского оборота.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 01.01.2026) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Нам К. В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. М.: Статут, 2019.
3. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Вестник ВАС РФ. 2013. N 6
4. Абакумова Е. Б. Принципы добросовестности и разумности в корпоративных правоотношениях // Вестник арбитражной практики. 2020. № 4. С. 32–40.
5. Брисов Ю. В. Реализация доктрины добросовестности в корпоративных правоотношениях // Вестник экономической безопасности. 2019. № 2. С. 70–80.
6. Филипенко В. А. Специфика проявления принципа добросовестности в корпоративном праве. М.: Статут, 2025.
7. Черкасова О. В. Принцип добросовестности в корпоративных правоотношениях коммерческих юридических лиц: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук: 5.1.3/О. В. Черкасова; [Место защиты: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации]. — Екатеринбург, 2022.
8. Чердакова Л. А. Проявление принципа добросовестности и соотношение его с виновным поведением участников корпоративных споров // Human Progress. 2024. Том 10, Вып. 6. С. 35. URL: http://progress-human.com/images/2024/Tom10_6/Cherdakova.pdf DOI 10.46320/2073–4506–2024–6a-35.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.
10. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 27.05.2025 N 304-ЭС24–23525 по делу N А75–20559/2023 // СПС КонсультантПлюс.
11. Определение Верховного Суда РФ от 17.12.2015 N 640-ПЭК15 по делу N А40–134952/2012 // СПС КонсультантПлюс.
12. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16.12.2015 N Ф05–17855/2015 по делу N А40–209621/14 // СПС КонсультантПлюс.

Предварительный договор купли-продажи недвижимости с дополнительными условиями как способ обеспечения безопасности сделки

Самохина Ольга Николаевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Федорова Любовь Васильевна, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В настоящее время на рынке недвижимости возникли проблемы, связанные с многочисленными случаями, когда продавцы недвижимости (в основном предпенсионного и пенсионного возраста), получили реальную возможность обогатиться в результате фактически мошеннических действий, продав свою квартиру и получив деньги в полном объёме от покупателя, сразу же, а иногда спустя длительное время, подавали иски в суд о признании сделки недействительной в связи с тем, что находились на момент продажи квартиры под влиянием мошенников, которым они, якобы, сразу же передали все полученные по сделке деньги (такие случаи получили своё название: «Эффект Долиной»). Российские суды во многих случаях удовлетворяли иски продавцов преклонного возраста, обязывая истца и ответчика произвести реституцию (в решении суда указывалась двухсторонняя реституция). И почти во всех делах данной категории с участием лиц преклонного возраста истцы не возвращали ответчикам денег, но получали в собственность проданные ими квартиры. Но с декабря 2025 г., когда Верховный Суд РФ отменил решения судов первой, апелляционной и кассационной инстанций и отказал прежней собственнице проданной квартиры в удовлетворении исковых требований [Определение Судебной коллегии ВС РФ от 16.12.2025 г. № 5-КГ25-174] судебная практика стала меняться. При этом несмотря на то, что признаки осознанного мошенничества в преобладающем числе таких случаев явствуют из поведения «пострадавших» истцов, суды выносили решения о признании договора купли-продажи квартиры недействительным, признавали право собственности истца на квартиру, обязывая истца и ответчика произвести двухстороннюю реституцию (каждая из сторон должна вернуть полученное по сделке). Но истец заявлял, что полученных от ответчика денег у него уже нет (они якобы отданы мошенникам), по исполнительному листу с истца взыскивалось не более половины прожиточного минимума для пенсионеров, через некоторое время недобросовестный продавец инициировал банкротство, и в результате у добросовестного покупателя спорной квартиры нет ни квартиры, в которой в некоторых случаях покупатель делал дорогой ремонт (недобросовестный продавец подавал иск уже после ремонта, сделанного добросовестным покупателем), ни потраченных на покупку квартиры денег, при этом в огромном количестве случаев добросовестный покупатель оставался с ипотечными кредитами, которые он будет выплачивать долгие годы.

При этом необходимо указать, что существуют реальные способы и методы, позволяющие снизить риски для добросовестных покупателей.

Данная статья позволит юристам, практикующим на рынке недвижимости и являющихся адвокатами или судебными юристами со специализацией по вопросам рынка недвижимости, квалифицированно оказывать юридические услуги по сопровождению и подготовке сделки по купле-продаже объектов недвижимости и успешно представлять интересы добросовестного покупателя в случае оспаривания исполненного договора.

Более того, предложения, изложенные в данной статье, могут оказаться побудительной причиной для корректировки правовых норм ст. 429 Гражданского кодекса РФ.

С принятием в декабре 1990 года закона РСФСР «О собственности» и в июле 1991 года закона «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» № 1541-1 нарастающими темпами ежедневно в Российской Федерации совершалось и совершается огромное количество сделок с недвижимостью, как жилой, так и нежилой.

В соответствии с ч. 1 статьи 130 Гражданского кодекса РФ к недвижимым вещам (недвижимому имуществу, недвижимости) относятся земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землёй, то есть объекты, перемещение которых без соразмерного ущерба их назначения невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершённого строительства. Главным признаком недвижимых вещей является прочная связь этих вещей с землёй и их непереключаемость, т. е. невозможность перемещения без соразмерного ущерба назначению.

В силу закона к недвижимым вещам относятся также подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, космические объекты, предприятия, единые недвижимые комплексы, жилые и нежилые помещения.

Все остальные вещи относятся к движимым вещам.

Недвижимые вещи отличаются от движимых прежде всего своими физическими, в том числе и природными, свойствами: прочностью, долговечностью, непотребляемостью (то есть при очень длительном использовании вещь не изменяет своих качеств и характеристик), стационарностью, фундаментальностью, индивидуальной определённой (адресностью).

Отличаются движимые и недвижимые вещи и своими юридическими признаками, а именно:

— вещные права на недвижимость, их возникновение, ограничение, переход и прекращение подлежат государственной регистрации в установленном порядке [ст. 131 ГК РФ],

— по месту нахождения недвижимого имущества определяется порядок наследования, подсудность споров, место исполнения обязательств,

— законом установлен трёхкратный срок приобретательной давности (по сравнению с движимым имуществом) на недвижимое имущество [ст. 234 ГК РФ];

— законом предусмотрена особая правовая судьба самовольной постройки как недвижимой вещи [ст. 222 ГК РФ],

— законом предусмотрен особый порядок приобретения права собственности на бесхозные недвижимые вещи и на недвижимые вещи, от которых собственник отказался.

Некоторые недвижимые вещи в общепринятом понимании не относятся к недвижимости, но по своей сути являются недвижимым имуществом. Например, железнодорожные подъездные пути независимо от их протяжённости в силу функционального предназначения прочно связаны с землёй, являются не только объектом гражданских прав [ст. 128 ГК РФ], но и недвижимым объектом [Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 12.03.2004 № А82-141/2003-Г/3].

Недвижимость занимает особое место в шкале ценностей человеческого бытия: без бриллиантов прожить можно, без дома и иных видов недвижимости человек жить, работать, учиться, лечиться и многое другое не может. У предприятий, на железной дороге, банков, крупных торговых и иных организаций и у юридических лиц, которые владеют, пользуются и распоряжаются объектами нежилой и жилой недвижимости, имеющейся у них в собственности, как правило, имеются квалифицированные юристы, которые осуществляют действия по продаже и покупке, сдачу в аренду принадлежащих работодателю недвижимости. А **граждане**, так или иначе ставшие собственниками жилой недвижимости, в своём большинстве **не имеют специальных знаний** по сделкам с этой недвижимостью и попадают довольно часто в очень неприятные ситуации, причём далеко не сразу после заключения сделки, а через несколько лет, и не только в периоды, когда цены на жилую недвижимость либо активно растут, либо падают.

Рынок недвижимости достаточно активный и необходимый сегмент экономических, правовых, психологических и практических действий огромного количества лиц, как юридических, так и физических, которые в силу желаний или необходимости продают и покупают недвижимость. Рынок недвижимости, несмотря на уже достаточно длительный период функционирования (с 1991 года по настоящее время), не всегда понятен простому собственнику, так как имеет целый ряд особенностей, скрытых в довольно стандартных и малоинформативных образцах договоров купли-продаж, которые можно «скачать» в интернете. В связи с длительным периодом истории большинства объектов недвижимости вторичного рынка далеко не все продавцы досконально знают историю объекта недвижимости, которым они владеют, так как сами не яв-

лялись первичными собственниками квартир, комнат, долей, домов и земельных участков. А в истории некоторых объектов недвижимости могут быть такие «сюрпризы», о которых актуальный продавец даже и подумать не мог.

В судебной практике имеется такой прецедент, престарелая собственница квартиры в Москве в 1998 г. совершила завещание в пользу своей подруги — такой же бабушки, и подназначила в качестве наследника в случае её смерти внучку своей подруги. Завещатель умерла в 2016 г. Племянник наследодателя (наследник по закону) после смерти своей тёти обратился к нотариусу с заявлением о принятии наследства. Нотариус отправил заявителю телеграмму об открытии наследственного дела с просьбой предоставить документы о родстве. Процесс выяснения того, что было составлено завещание на третьих лиц, затянулся, и только в 2019 г. нотариус выяснила, что наследница по завещанию умерла в 2015 г. Нотариус послала телеграмму подназначенной наследнице в августе 2019 г. о необходимости явиться по вопросу наследства. Наследница по завещанию подала нотариусу заявление о принятии наследства. Нотариус отказала заявительнице в открытии наследственного дела в связи с пропуском последнего срока принятия наследства. После этого наследница обратилась в суд с иском о восстановлении срока принятия наследства и признании за нею права собственности на наследственную квартиру. Суд первой инстанции удовлетворил исковые требования наследницы, но суды апелляционной и кассационной инстанций в удовлетворении исковых требований отказали в связи с пропуском срока принятия наследства без уважительных причин. Судебная коллегия ВС РФ отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, указав, что истец **не могла и не должна была знать** о наличии и содержании завещания, и не обязана была знать о смерти завещателя. [Определение Судебной коллегии ВС РФ № 5-КГ22-50-К2 от 19.07.2022].

В приведённом примере спорная наследственная квартира не была продана и не были затронуты интересы потенциального добросовестного приобретателя (а наследник по закону сразу после оформления своих наследственных прав стал продавать эту квартиру) и такие случаи являются юридической миной замедленного действия. В судебной практике Верховного Суда РФ такие прецеденты далеко не единичны [Определение Судебной коллегии ВС РФ № 5-КГ23-12-К2 от 21.03.2023].

Авторы книги «Договорное право: Общие положения» Брагинский М. И. и Ветрянский В. В., анализируя практику судов по рассмотрению исков о признании недействительными не последних сделок с объектом, а признания недействительными всех сделок, совершенных после оспариваемой, указывают: «В целях защиты интересов третьих лиц и обеспечения в целом устойчивости имущественного оборота было бы целесообразным установить ограничения в использовании такого способа за-

щиты нарушенного субъективного права собственности, как признание сделок недействительными и применения последствий недействительности ничтожных сделок в отношении последующих (кроме первой) сделок с чужим имуществом» [с. 655].

Федеральным законом от 07.05.2013 г. № 100-ФЗ изменением редакции п. 1 ст. 181 ГК РФ было установлено, что срок исковой давности для лица, не являющегося стороной сделки, во всяком случае не может превышать десять лет со дня начала исполнения сделки, то есть применение данной нормы законы началось с 01.09.2013 г.

При этом за годы, прошедшие с момента, когда объекты недвижимости начали переходить в собственность граждан и юридических лиц, изменилось и содержание самих договоров купли-продажи недвижимости и, несмотря на то, что содержание договоров купли-продажи недвижимости на текущий момент стало намного информативнее, в том числе путём заверений сторон о тех или иных обстоятельствах, связанных с объектом продаваемой недвижимости, и в Гражданский кодекс РФ Федеральным законом от 08.03.2015 г. № 42-ФЗ введена ст. 431.2. «Заверения об обстоятельствах», в которой предусмотрена ответственность недобросовестного заявителя по договору, хотя банкротство недобросовестного участника сделки приведёт к нулевому эффекту от применения норм этой статьи Гражданского кодекса РФ.

В начале 90-х договор купли-продажи квартиры (комнаты и доли тогда не продавались), заключаемый до начала 2000 г. исключительно в нотариальной форме, представлял собой текст на 1-м листе, в котором совершенно просто указывалось, что гражданин «А» продал гражданину «Б» квартиру по такому-то адресу за столько то рублей. И всё... Цены были невысокими, люди были доверчивы, все проходило быстро и чаще всего без проблем. Но с середины 90-х годов все кардинально изменилось. В настоящее время большинство сделок на вторичном рынке недвижимости совершается с высокой степенью риска, так как за прошедшие 35 лет многое изменилось и уже в наше, казалось бы правовое время, покупатели недвижимости могут лишиться и купленных объектов недвижимости и уплаченных за эти объекты денег не только по злему умыслу продавца, но и в случаях, когда продавец не знал всей истории когда-то приобретённого им объекта недвижимости.

В настоящее время в подавляющем числе случаев на предварительном этапе продавец и покупатель жилой недвижимости заключают соглашение об авансе или задатке, в которых указываются цена договора, сумма передаваемого аванса или задатка, предельный срок заключения будущего договора купли-продажи и ответственность одной или обеих сторон (и чаще всего односторонняя, предусматривающая ответственность покупателя при отказе от покупки). В лучшем случае в таком договоре (соглашении) указывают сособственников объекта (если их несколько) и такой договор **не предусматривает ответственности за непредоставление достоверных сведений**

о фактической и юридической истории объекта недвижимости. И такая практика приводит к плачевным последствиям. Текст основного договора готовится и согласовывается сторонами чаще всего за считанные дни до выхода на сделку и не несёт всей информации об истории объекта, его обременениях, рисках и т. п., именно поэтому в судах Российской Федерации иски о признании недействительными договоров купли-продажи недвижимости составляют весьма существенную долю гражданских дел. И очень часто причиной для удовлетворения судами таких исков становится именно ненадлежащая, по нашему мнению, подготовка к сделке, несмотря на то что цена потерь добросовестных приобретателей очень высока.

Для исключения таких ситуаций необходимо заключать предусмотренный законом предварительный договор купли-продажи объекта жилой недвижимости, причём не в той редакции, которая представлена в пункте 3 ст. 429 ГК РФ, а с учётом того, что будущий основной договор купли-продажи недвижимости будет заключён с учётом результатов выполненных действий по истребованию необходимых документов (копий или сведений) и выяснению всех обстоятельств, связанных с продаваемым объектом недвижимости, согласованных в предварительном договоре, в котором были обозначены не только обязательства сторон заключить до определённого срока по согласованной сторонами цене, обязательства продавца передать покупателю проданный объект недвижимости и обязательства покупателя заплатить продавцу цену объекта недвижимости, но и существенным условием было предоставлению продавцом покупателю целого ряда документов и справочных или архивных документов, подтверждающих те или иные заверения продавца, подтверждающие так называемую «юридическую чистоту» продаваемого объекта недвижимости. Чем же предлагаемый вариант предварительного договора отличается от применяемого в настоящее время, определённого нормами ст. 429 ГК РФ предварительного договора купли-продажи объекта жилой недвижимости?

Предварительный договор купли-продажи объекта жилой недвижимости (дома, квартиры, комнаты в коммунальной квартире, доли в праве собственности на дом, квартиру, комнату) в отличие от указанных выше договоров после согласования срока заключения основного договора, определённых законом существенных и иных условий договора сторонами должен содержать кроме условия о дате заключения сделки, о внесении аванса или задатка покупателем, такие условия и обязательства, особенно обязательства продавца, которые позволят покупателю, его представителю-юристу или риэлтору оценить риски потери покупателем как квартиры, так и денег, уплаченных продавцу за проданный им объект недвижимости. Подписав предварительный договор в той редакции, которую предлагает автор данной статьи, после его исполнения продавцом, предоставившим документально всю историю объекта продажи, и в случае отсутствия каких-либо негативных или рискованных обстоятельств и фактов,

стороны будут **обязаны** в оговорённые сроки заключить основной договор купли-продажи объекта недвижимости и исполнить его на условиях, изложенных в предварительном договоре. Более того, в случае отказа от продажи объекта недвижимости на зафиксированных в предварительном договоре условиях, покупатель **имеет право обратиться в суд с иском о признании за ним (покупателем) права собственности на спорный объект.**

Предварительный договор, как и основной договор купли-продажи недвижимости, является консенсуальным, так как оба этих договора считаются заключёнными с момента подписания договора. Консенсуальная сделка считается совершенной с момента достижения сторонами всех существенных условий договора (соглашения), а исполненной такая сделка считается с момента исполнения всех указанных необходимых действий сторон.

Договор купли-продажи недвижимости считается исполненным после:

- государственной регистрации перехода права собственности на объект недвижимости на имя покупателя,
- передачи покупателем продавцу всей суммы цены объекта недвижимости;
- фактической передачи объекта недвижимости продавцом покупателю и подписании сторонами акта приёма-передачи объекта недвижимости.

Консенсуальный договор считается заключённым с момента его подписания сторонами при условии, что в нем зафиксированы все согласованные условия, которые делятся на три основных группы: а) существенные условия (при отсутствии этих условий договор считается незаключенным в силу закона, либо условия, которые закон не обозначает как существенные, но стороны своей согласованной волей признают включённые ими условия существенными); б) обычные условия (отражающие специфику именно договора купли-продажи объекта недвижимости); в) случайные (условия, которые для данного вида договоров обычно не включаются, но стороны решили включить в текст договора одно или несколько условий, которые они считают необходимыми).

Договор купли-продажи недвижимости является двух- либо многосторонней сделкой и по своему существу представляет собой документ, в котором определяются:

- субъекты договора (в нашем случае это продавец (продавцы) и покупатель (покупатели), особенностью договоров, заключаемых в последние годы, субъект договор-физическое лицо кроме обычных сведений, фамилии, имени, отчества, года и места рождения, паспортных данных и адреса места регистрации, указываются либо СНИЛС, либо ИНН;

- предмет договора с достаточно подробной характеристикой, позволяющей определить местоположение объекта недвижимости, размеры, материал дома, кадастровый номер и кадастровую стоимость, в случае купли-продажи загородной недвижимости указываются назначение земельного участка и статус строения;

- согласованная цена объекта недвижимости, а в случае, если объектами недвижимости является земельный участок и находящееся на нем строение, то, как правило, указываются отдельные цены каждого вида недвижимости и процедура оплаты покупки объекта недвижимости покупателем;

- основания возникновения права собственности продавца(ов) на объект недвижимости

- права третьих лиц на объект недвижимости, а в некоторых случаях сроки обременения этих объектов правами третьих лиц;

- сроки передачи объекта недвижимости продавцом покупателю по акту приема-передачи;

- права и обязанности покупателя по содержанию объекта недвижимости (общего имущества дома в случае продажи квартиры или комнаты в коммунальной квартире);

- обязательства продавца(ов) и сроки по снятию с регистрационного учёта из продаваемого объекта как самих продавцов-собственников так и лиц, зарегистрированных в продаваемом объекте недвижимости (это наиболее часто совершаемая ошибка: продавец не может самостоятельно заставить совершеннолетнего гражданина, зарегистрированного в продаваемом жилом помещении, сняться с регистрационного учёта, а также не может снять с регистрационного учёта своего несовершеннолетнего ребёнка без согласия на это второго родителя и регистрации ребёнка по другому месту жительства);

- информация о наличии или отсутствии брачного договора и его условиях, если продавец или покупатель ранее заключали брачный договор;

- условие о государственной регистрации перехода права собственности на объект недвижимости на имя покупателя;

- заверения сторон о наличии или отсутствии других обстоятельств, которые могут нарушить или прекратить права покупателя на приобретаемый объект недвижимости или иных важных условиях и обстоятельствах для участников сделки;

- условие о сроках передачи объекта недвижимости покупателю и подписании акта приёма-передачи проданного объекта недвижимости.

В связи с тем, что автор статьи имеет длительный судебный опыт представления интересов одной из сторон в судебных спорах, связанных со сделками с недвижимостью (заключения, изменения, расторжения, признания недействительными договоров купли-продажи, аренды, дарения, найма и аренды, залога объектов недвижимости, наследственных споров, раздела имущества супругов), хотелось бы остановиться на способах предупреждения негативных последствий вследствие недостаточной подготовки текста основного договора купли-продажи объекта жилой недвижимости путём заключения развёрнутого предварительного договора. Одним из способов, позволяющих осмысленно и максимально безопасно без неприятных последствий приобрести на вторичном рынке

квартиру или иной объект жилой недвижимости — это заключение предварительного договора купли-продажи жилого объекта, с **нестандартными условиями**, которые позволят покупателю уверенно заключить основной договор купли-продажи, а продавцу уверенно заверить покупателя не словесно, а с помощью полученных им и переданных покупателю необходимых документов, подтверждающих наличие или отсутствие каких-либо фактов об объекте недвижимости, что подтвердит честность продавца и даст полную картину юридической истории, а также подтвердит, что продавец не скрывает какие-либо негативные факты в юридической и ситуационной истории продаваемого объекта, при этом надо учитывать, что долгие годы — первые двадцать лет после начала приватизации — на рынке недвижимости была распространена практика передачи подлинников правоустанавливающих документов на продаваемый объект от продавца покупателю. В последние десятилетия подлинники правоустанавливающих документов за период его владения остаются у продавца. В связи с этим высока вероятность того, что продавец просто не знает, что было ранее с продаваемым им объектом.

Обычная процедура состоит в следующем: продавец даёт объявления о продаже объекта, в котором приведены минимальные сведения: краткая характеристика с указанием местоположения, цена, данные для связи. Потенциальный покупатель осматривает продаваемый объект, расспрашивает продавца или риэлтора о некоторых моментах, в том числе краткую историю, и, если эти сведения покупателя устраивают, сторонами подписывается соглашение об авансе либо задатке.

Но соглашение об авансе — это всего лишь фиксация того, что покупатель **намеревается** заключить сделку на предложенных условиях и вносит определённую сумму в счёт уплаты цены. Там указываются сроки, в которые должна пройти сделка, очень часто присутствует такая запись: «В случае, если покупатель не купит квартиру до даты, оговорённой сторонами, аванс остаётся у продавца», что противоречит самой юридической сути аванса. Аванс — это всего лишь часть цены, которую покупатель вносит продавцу в счёт будущих платежей по сделке в качестве подтверждения своих намерений и **функции обеспечения в силу своей юридической сущности не несёт**. Аванс не может «оставаться» у покупателя в случае, если покупатель откажется от покупки объекта недвижимости, что подтверждается судебной практикой, если несостоявшийся покупатель обратится в суд.

Задаток является одним из **способов обеспечения исполнения каждой стороной своих обязательств**, то есть законом предусмотрено, что внося задаток, каждая из сторон:

- подтверждает начало сделки,
- обязуются: продавец — продать, покупатель — купить объект недвижимости,
- фиксируются существенные условия будущего основного договора, самое главное фиксируется цена,

— предусматривается ответственность за неисполнение взятых на себя обязательств, то есть если покупатель отказался покупать объект недвижимости — задаток остаётся у продавца, если от заключения основного договора отказался продавец, то он должен выплатить покупателю задаток в двойном размере.

Казалось бы, если стороны сделки заключили соглашение о задатке, все будет в порядке. Но с юридической точки зрения это не так. **Предметом соглашения о задатке является задаток и все, что связано непосредственно с задатком**, все остальное подразумевается обязательным, но не всегда исполняется одной из сторон. Главное в соглашении о задатке — материальная ответственность в размере суммы задатка той стороны, которая по зависящим от её воли условиям откажется в той или иной форме в оговорённые сроки заключить основной договор купли-продажи, то есть выплата продавцом несостоявшемуся покупателю двойной суммы полученного им задатка (а задаток, как правило, вносится в очень незначительной сумме). Исполнение иных условий, которые часто включаются в текст соглашения о задатке, могут быть не исполнены, особенно, если недобросовестной стороной является продавец (на практике чаще всего задаток просто возвращается в одинарном размере). Обманутый покупатель, как правило, не обращается в суд за взысканием не выплаченной продавцом второй суммы задатка (себе дороже встанет). В таком же «аховом» положении может оказаться и продавец, если покупатель сообщает о своём отказе покупать объект недвижимости (нашёл более дешёвый вариант покупки или по иным обстоятельствам), то незначительный задаток остаётся у продавца, но рынок за прошедший с момента заключения соглашения о задатке период может «просесть» и продать свой объект недвижимости продавец сможет, если значительно снизит цену объекта, а это прямые убытки продавца.

Чтобы обезопасить не только сумму внесённой предоплаты (аванса или задатка), а осознанно, гарантированно и юридически грамотно подготовить и провести сделку по купле-продаже объекта недвижимости, надо заключать не соглашение об авансе или задатке, а **расширенный предварительный договор, который в силу закона обязывает заключить основной договор на непредусмотренных законом условиях, но согласованных и зафиксированных в письменной форме условиях, указанных в предварительном договоре и исполненных прежде всего продавцом**.

Предварительный договор должен стать договором о том, что продавец и покупатель договариваются, что объект недвижимости будет продан продавцом покупателю **в срок**, который определяют стороны либо закон, до заключения основного договора исходя из объёма подготовительной работы (получения в соответствующих органах и организациях документов, копий и выписок по истории объекта недвижимости и подтверждения всех **обстоятельств, которые заверяет продавец**, получения необходимых согласий от третьих лиц, принятия на себя

целого ряда согласованных сторонами обязательств, в том числе нотариально удостоверенных обязательств третьих лиц, имеющих право пользования продаваемым объектом недвижимости) с указанием всех существенных, обычных и случайных (как правило нестандартных) условий основного договора купли-продажи недвижимости.

В предварительном договоре надо фиксировать все, что каждая из сторон должна сделать до заключения основного договора и на каких условиях с предъявлением каких документов для проверки истории и юридической чистоты продаваемого объекта недвижимости в определённый срок должен быть заключён основной договор купли-продажи. Это означает, что предметом предварительного договора наряду с обязательствами продать-купить объект недвижимости (до определённой даты за определённую цену) являются обязательства сторон обеспечить достоверность заверений продавца, то есть обеспечить **гарантию заключения юридически чистой (как её ещё называют «прозрачной») сделки** по купле-продаже объекта недвижимости, то есть предварительный договор в предлагаемой редакции **защищает интересы как продавца, так и покупателя.**

Предварительный договор как гарантия таковым становится потому, что продавец обязуется предоставить покупателю до момента заключения основного договора следующее:

— **подлинники выписок** из Единого государственного реестра недвижимости, из которых явствуют:

- а) **идентификация** объекта недвижимости
- б) **права** на объект недвижимости с указанием зарегистрированных обременений,
- в) **переходы права** на объект недвижимости или отдельные его доли от одного собственника другому с **указанием оснований перехода** (приватизация, купля-продажа, наследование, дарение, рента и т. д.)
- г) справку **по истории объекта** недвижимости (год постройки или сооружения, капитальные ремонты (бывшие и будущие),

д) недавно полученные **поэтажные планы**, свидетельствующие, что у объекта недвижимости не было незаконной перепланировки,

— в предварительном договоре можно указать нестандартные обязательства, что в случае, если продавец по просьбе покупателя произведёт какие-либо улучшения, то цена объекта должна увеличиться на согласованную сумму, а если покупатель откажется от покупки объекта недвижимости, то **должен возместить продавцу потраченную им сумму** (такая ситуация часто встречается в практике, покупатель просит произвести какие-то улучшения, а потом отказывается от покупки, и в такой ситуации продавец несёт значительные убытки),

— в предварительном договоре необходимо указать, какие **дополнительные документы** должен предоставить продавец покупателю:

а) **документы** (справки, квитанции и др.), подтверждающие **отсутствие долгов** продавца по коммунальным платежам, налогам, платы за капитальный ремонт и т. п.:

б) нотариально удостоверенные **обязательства всех лиц**, имеющих какие-либо права на квартиру, в том числе зарегистрированных в объекте недвижимости, **снять с регистрационного учёта** или предоставить до сделки документы о постановке их на регистрационный учёт по другому адресу отказ от каких-либо иных прав (например, загородный дом может быть обременён правами пожизненного пользования гражданина-несобственника по завещательному отказу);

в) так называемая **«архивная» выписка из домовой книги**, так как права на проживание на продаваемую квартиру могут иметь лица, находящиеся в местах лишения свободы;

г) нотариально удостоверенное **обязательство обоих родителей** несовершеннолетних детей, зарегистрированных в продаваемой квартире, **снять их с регистрационного учёта** в продаваемом объекте и обязательством зарегистрировать по месту жительства обоих родителей либо одного из них (если ребёнок зарегистрирован и проживает с одним из родителей по решению суда или место нахождения второго родителя неизвестно, то такое обязательство «актуального» родителя также должно быть совершено в нотариально форме, и можно обратиться в орган опеки за получением заключения об отсутствии нарушения прав несовершеннолетнего ребёнка;

д) если продавец в браке и брачный договор супругами не заключался, **заявление второго супруга о согласии на продажу** либо отсутствию у второго супруга претензий по принадлежности объекта (полностью или в части) к продавцу, а в случае, если продаваемый объект приобретался полностью или частично на личные денежные средства одного из супругов, необходимо предоставить соглашение супругов об определении размера правового статуса всего объекта или определения долей каждого из супругов в получаемой сумме за проданный объект недвижимости;

е) в предварительном договоре должна быть согласована **схема или способ оплаты** покупателем цены квартиры, каким образом (через ячейку или аккредитив банка) будет происходить оплата покупателем продавцу цены квартиры с учётом особенностей сделки, при этом, если квартира будет передаваться покупателю не в день сделки, а через некоторое время, необходимо указать, что деньги за проданную квартиру банк перечислит на счёт продавца при получении выписки из ЕГРН, в которой собственником будет указан покупатель и выписка из домовой книги по проданной квартире и с нового места регистрации всех лиц, ранее зарегистрированных в проданной квартире;

ж) если покупатель объекта приобретает его с использованием кредитных средств, то необходимо **определить «судьбу» задатка в случае отказа банка выдать кредит покупателю;**

з) в последние годы частыми случаями при продаже квартир и жилых домов является вариант: «объект продаётся с мебелью и дополнительным оборудованием», (встроенной кухней, прихожей, мебелью, оборудованной

лоджей, встроенным электрокамином, светильниками, стиральной и сушильной машинами, подключённых к системе водоснабжения, и иное имущество, которое не нужно продавцу, но нужно покупателю объекта), **необходимо составить отдельный документ (и желательно сделать фотографии), в котором необходимо отразить примерную согласованную сторонами цену имущества, оставляемого продавцом в объекте, а при заключении основного договора купли-продажи объекта одновременно заключить договор купли-продажи этого имущества и оборудования;**

и) если продавец берет на себя обязательство сделать косметический или средний ремонт за свой счёт (что также встречается в практике продажи жилых объектов недвижимости), **необходимо согласовать и указать объем и категорию ремонта, а также учёт в цене продаваемой квартиры цены ремонта,**

к) **необходимо указать все заверения продавца,** которые необходимо проверять, например, через **бюро кредитных историй и нотариально заверенное заявление продавца, что он(она) не является поручителем по кредитам третьего лица, проверить сайты арбитражных и гражданских судов** и т. п., то есть необходимо проверить все обязательные составляющие статьи 431.2 ГК РФ, и указать в заверениях так называемые обязательные составляющие заверений об обстоятельствах на практике,

л) **обязательство продавца(ов) добровольно пройти психолого-психиатрическую экспертизу** (получение справки о том, что продавец(цы) не состоит на учёте в псих- и наркодиспансерах, и справки об осмотре врачом психдиспансера в день подписания основного договора). Особенно эта экспертиза актуальна для лиц старшего возраста.

В законе [ст. 431.2 ГК РФ] ничего не говорится о том, как и где в договоре указывать заверения об обстоятельствах, как нет указаний о содержании заверений. Поэтому в этой части можно и нужно пользоваться только устоявшейся практикой и разумной осмотрительностью. Несмотря на обилие и разность подходов, основными являются три способа:

— перечень заверений по тексту договора, с отсылкой в каждом случае к статье 431.2 ГК: «к данному пункту договора применяются положения ст. 431.2 ГК РФ». Данный вариант применим при небольшом количестве заверений и при отсутствии риска спора из-за отсутствия конкретики в такой формулировке и вид документа или справки, которую должен приложить к предварительному договору продавец в подтверждение своих заверений;

— согласование в предварительном договоре специального пункта, где излагаются все заверения, которые продавец будет излагать в основном договоре, а в случаях, если заверения составляют значительный объем, обязательство оформить эти заверения отдельным приложением к основному договору купли-продажи с указанием, что эти заверения являются неотъемлемой частью договора купли-продажи;

— сторона, дающая заверения, не всегда обладает достоверной и точной информацией о каких-либо обстоятельствах или характеристиках, связанных с продаваемым объектом недвижимости. В таких случаях возможен следующий подход к тексту заверений: «насколько мне (нам) известно...» или «в той мере, в которой я знаю...» То есть дающий заверение в тексте информирует другую сторону, что не обладает абсолютной информацией в той мере, которая предполагается для совершения добросовестной сделки и не может отвечать за достоверность указанных заверений.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в 2018 году вынес постановление о заключении и толковании договоров [Постановление Пленума Верховного суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора»). В пункте 34 этого постановления Пленум Верховного Суда Российской Федерации остановился на работе с заверениями об обстоятельствах. Однако Верховный Суд РФ не раскрыл содержание самого термина и не привёл признаки, которые позволили бы разграничить заверения от других форм информирования. Формулируются заверения индивидуально, то есть сторонам необходимо продумать детальное содержание таких заверений.

Заверения в основном договоре купли-продажи нельзя формулировать как обязательство. Это разные вещи, которые не могут и не должны подменять друг друга. Чем больше конкретики в предварительном договоре — тем лучше. Иначе создаются условия для потенциального спора, в том числе и относительно достоверности заверения. Несмотря на то, что ст. 431.2 ГК РФ даёт относительную свободу в том, какие обстоятельства стороны намерены заверить, не все они имеют практическую ценность, а некоторые юридически опасны, так как изначально порождают сомнение в достоверности и, соответственно, в юридической силе заверения, содержат непрофессиональное мнение, догадку или предположение;

Юридически **не должно включаться в заверение намерение стороны**, так как в таком случае заверение заменяет обязательства. Но чтобы исключить недостоверность заверений по основному договору, необходимо в предварительном договоре зафиксировать обязанности сторон (как продавца, так и покупателя) предоставить все необходимые документы и справки, подтверждающие правдивость этих заверений.

Заверение об обстоятельствах, которые наступят в будущем, не противоречит ст. 431.2 ГК РФ, но следует избегать пороков юридической конструкции: предположений, формулирования намерений в форме обязательств, создающих условия для возможности споров в будущем, в том числе по поводу недостоверности заверения. Но в то же время за счёт заверений можно серьёзно снизить будущие риски, исключить споры и другие негативные последствия.

Недостоверность заверения, имеющего существенное значение, статья 431.2 ГК РФ указывает в качестве осно-

вания для **одностороннего отказа от договора**. Норма императивна, поэтому стороны вправе самостоятельно определять включать или не включать заверения в текст договора купли-продажи объекта, но включение заверений в текст договора с условием чёткого понимания сторонами последствий такого шага, значительно снижает риски негативных последствий сделки.

Но заверения не обеспечивают юридической защиты. Отразить в договоре все возможные моменты и ситуации крайне сложно. И это все равно не лишит заинтересованную сторону права на судебную защиту и разрешение спора, а значит, окончательное решение о существенности значения заверения в результате останется на усмотрение суда.

Необходимо чётко оговорить в предварительном договоре возможность одностороннего отказа от заключения основного договора в случае, если вторая сторона отказалась от исполнения или ненадлежащим образом исполнила дополнительные условия предварительного договора. Дополнительные условия предварительного договора должны содержать обеспечительные условия его исполнения, то есть возмещение материальных затрат добросовестной стороны по сбору и анализу сведений по продаваемому объекту недвижимости. В основном договоре должны быть предусмотрены штрафные санкции к недобросовестной стороне при недостоверности заверений (конкретных или всех), оговорить взыскание убытков, предусмотреть включение в текст основного договора пункта о неустойке (достоверность заверений должен доказывать ответчик, то есть недобросовестная сторона).

Но как правило, участники огромного количества сделок по купле-продаже недвижимости с трудом во время сделки (подписания готового договора купли-продажи), будучи несведущими во всех тонкостях этого действия (продавцу важно, как и когда он получит деньги за продаваемую им недвижимость, а покупателю важно, как и когда он получит в собственность и фактическое владение покупаемый объект недвижимости), не задумываются о тех подводных юридических камнях, которые возможны на их пути к достижению вышеозначенных целей. При этом даже присутствие при подписании основного договора юриста, который не специализируется в этом сегменте юриспруденции, не гарантирует участникам договора безоблачного будущего, так как учёт всех «подводных камней» практически недостижим.

Предварительный договор купли-продажи недвижимости должен (кроме случаев, предусмотренных законом) содержать согласованное сторонами условие о форме договора (простая письменная или нотариальная с фиксацией всей сделки на носителях, которые передаются после завершения сделки каждой стороне).

Но заключение и исполнение всех условий предварительного договора, в котором в развёрнутой форме будут зафиксированы все необходимые действия сторон по подготовке основного договора купли-продажи после проверки всех обстоятельств и истории объекта недвижимости позволит максимально осознанно и безопасно

приобрести дорогостоящее имущество, так как каждая сторона сделки **своими конкретными действиями до заключения основного договора купли-продажи декларирует свою добросовестность, что должно быть учтено судом** в случае, если одна из сторон после заключения основного договора откажется от его исполнения или, исполнив основной договор, обратится в суд о признании этого договора недействительным.

Кроме всего вышеизложенного необходимо указать на очень действенный рычаг, предупреждающий, а возможно и исключаящий мошенничество недобросовестного продавца, якобы или на самом деле находившегося под чужим влиянием. В судебной практике долгие годы частыми были случаи, когда при продаже доли в квартире не сособственнику, а третьему лицу, подавались иски о переводе на истца права собственности на проданную долю с нарушением норм п. 3 ст. 250 ГК РФ, причём в сроки, превышающие три месяца (применяя исчисление срока подачи искового заявления не с момента продажи доли третьему лицу, а с момента, когда истец «узнал» о нарушении своих прав). И после вынесения решения суда, истец не выплачивал ответчику суммы, уплаченной ответчиком продавцу доли. Таких случаев было много, и зачастую пострадавший покупатель доли так и не получал от истца уплаченных им денег. Такая же ситуация сложилась и тогда, когда в 2012 году изменилась правоприменительная практика по п. 4 ст. 252 ГК РФ. Автор данной статьи участвовала в судебном заседании как представитель ответчиков о выкупе обременённой рентой в пользу бывшего мужа истца 1/14 доли в праве собственности на трёхкомнатную квартиру, требования которой суды первой и второй инстанций не удовлетворили, а удовлетворили требования истца по встречному иску о вселении, нечинении препятствий в проживании в спорной квартире [ВС РФ от 03.04.2012 № 5-В11-134]: До вынесения определения ВС РФ суды отказывали в удовлетворении исковых требований в связи с тем, что собственник незначительной доли не заявляла сособственнице значительной доли (13/14) о желании продать свою долю. Судебная коллегия ВС РФ вынесла определение в пользу истца по первоначальному исковому заявлению и отказал в полном объёме в удовлетворении исковых требований по встречному иску о вселении. После удовлетворения Судебной коллегией ВС РФ исковых требований истец не выплатила ответчику причитающихся ей денег.

Но в судебной практике вышеуказанное определение Верховного Суда РФ стало основанием для изменения практики судов — суды стали удовлетворять иски, основанные на п. 4 ст. 252 ГК РФ, даже если у ответчика не имелось в собственности иного жилого помещения. И именно многочисленность таких случаев, когда лицу, которое требует принудительного выкупа незначительной доли жилого помещения подвигло суды первой инстанции ввести обеспечения исполнения по такому иску. В последние годы суды **не принимают к производству** иски по аналогичным делам БЕЗ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ДОКУМЕНТОВ

О ВНЕСЕНИИ ИСТЦОМ ДЕНЕГ ЗА ВЫКУПАЕМУЮ ИМ ДОЛЮ В ДЕПОЗИТ СУДА, ЧТО ГАРАНТИРУЕТ ПОЛУЧЕНИЕ ДЕНЕГ БЫВШИМ СОБСТВЕННИКОМ СПОРНОЙ ДОЛИ в случае принятия решения суда в пользу истца. **Необходимо такую же практику ввести и при подаче в суд исков о признании сделок по купле-продаже жилой недвижимости добросовестному покупателю, который не должен терять огромные деньги, затраченные на покупку и часто ещё и на дорогостоящий ремонт купленной квартиры,** по иску людей, которые якобы или действительно попали под влияние третьих лиц. А также **необходимо ввести процедуру выдачи заключения органами опеки и попечительства при продаже жилого помещения лицами старшего** (предпенсионного и пенсионного) **возраста** аналогично процедуре при отчуждении собственности, принадлежащей несовершеннолетнему ребёнку, с **обязательным личным контактом** сотрудников этих органов с продавцом жилой недвижимости. И эти особенности продажи жилых по-

мещений лицами старшего возраста должны фиксироваться в предварительном договоре. Недобросовестный истец, решивший воспользоваться сложившейся в последнее время судебной практикой по искам лиц, которые фактически грабят добросовестных приобретателей, заключая предварительный договор с внесением всех вышеуказанных моментов, скорее всего не будет продавать свою квартиру, а уже продавший и решивший воспользоваться «эффектом Долиной» не будет обращаться в суд о признании сделки недействительной.

Заключение предварительного договора на предложенных выше условиях значительно сократит количество признаваемых судом сделок недействительными и позволит практикующим в сфере недвижимости и в качестве представителя в судах юристам эффективно исполнять свои профессиональные обязанности, а также собственникам и приобретателям объектов недвижимости избегать необходимости обращаться в суд за защитой своих нарушенных прав.

Литература:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2022)
2. «Жилищный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. 03.02.2025)
3. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора», п. 34.
4. Определение Судебной коллегии ВС РФ от 16.12.2025 г. № 5-КГ25-174. Интернет-ресурс: судебные и информативные акты РФ (СудАкт)
5. Определение Судебной коллегии ВС РФ № 5-КГ22-50-К2 от 19.07.2022. Интернет-ресурс: судебные и информативные акты РФ (СудАкт).
6. Определение Судебной коллегии ВС РФ № 5-КГ23-12-К2 от 21.03.2023. Интернет-ресурс: судебные и информативные акты РФ (СудАкт)
7. Определение Судебной коллегии ВС РФ от 16.12.2025 г. № 5-КГ25-174. Интернет-ресурс: Судебные и информативные акты РФ (СудАкт)
8. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 12.03.2004 № А82-141/2003-Г/3. Интернет-ресурс: судебные и информативные акты РФ (СудАкт)
9. М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. Договорное право: Общие положения. — М., Статут, 1998. — 672 с.

Некоторые проблемные вопросы производства по делам о применении принудительных мер медицинского характера

Смирнова Ксения Владимировна, студент

Научный руководитель: Кудряшова Елена Семеновна, кандидат юридических наук, доцент

Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Нижний Новгород)

В статье рассматриваются особенности производства по уголовным делам о применении принудительных мер медицинского характера, а также выявлена специфика процесса доказывания в производстве о применении принудительных мер медицинского характера и сформулированы научные рекомендации по совершенствованию уголовно-процессуального закона.

Ключевые слова: производства о применении принудительных мер медицинского характера, судебно-психиатрическая экспертиза, психическое расстройство, уголовное дело.

Практика, связанная с решением судом вопроса о применении принудительных мер медицинского харак-

тера, традиционно является сложной и проблемной. Это обусловлено рядом факторов:

– Необходимость применения нормативно-правовой базы, включающей в себя кроме норм уголовного и уголовно-процессуального права иные отраслевые нормы, не всегда согласующиеся друг с другом;

– Специфичность обстоятельств, подлежащих доказыванию, в сочетании с объективными сложностями оперирования юристами медицинским терминологическим аппаратом;

– Особенности личности уголовно преследуемого лица и его социального окружения.

– Неурегулированность ряда организационных вопросов, связанных с недобровольным психиатрическим лечением уголовно преследуемого лица.

Институт принудительных мер медицинского характера занимает особое место в уголовном судопроизводстве, находясь на стыке уголовного права, процесса и психиатрии. Целью данного производства является не наказание лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости, а его лечение или улучшение его психического состояния, а также предупреждение совершения им новых деяний. Однако, несмотря на гуманистическую направленность, правоприменительная практика сталкивается с рядом проблем, вызванных несовершенством правовых норм и сложностью доказывания. Цель данной работы — выявить некоторые проблемные аспекты производства по данной категории дел и предложить пути их решения.

Основаниями применения принудительных мер медицинского характера являются:

1) совершение лицом преступления или общественно опасного деяния;

2) в силу психических расстройств лицо представляет опасность для себя, других лиц;

3) эти расстройства связаны с возможностью причинения иного существенного вреда (к примеру, совершение нового общественно опасного деяния).

Существует несколько видов принудительных мер медицинского характера, которые суд может применить к лицу с учетом тяжести совершенного деяния и его психического состояния (статья 99 УК РФ) [1]:

1) принудительное наблюдение и лечение у врача-психиатра в амбулаторных условиях;

2) принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, общего типа;

3) принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, специализированного типа;

4) принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, с интенсивным наблюдением.

Данный перечень видов принудительного лечения является исчерпывающим.

В соответствии с п.2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 07.04.2011 № 6 (ред. от 03.03.2015) «О практике применения судами принудительных мер меди-

цинского характера принудительные меры медицинского характера являются мерами уголовно-правового характера и применяются только к лицам, совершившим предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние в состоянии невменяемости или у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания или его исполнение. и также к лицам, совершившим преступление и страдающим психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, и лишь при условии, когда психическое расстройство связано с возможностью причинения этими лицами иного существенного вреда либо с опасностью для себя или других лиц (части 1 и 2 статьи 97 УК РФ) [2].

Представляется важным остановиться на вопросе о моменте принятия решения о необходимости осуществления производства по делу в порядке, регламентированном гл. 51 УПК РФ. Между тем представляется, что процедура перехода от обычного порядка к особенному на стадии предварительного расследования должна регламентироваться, поскольку такой переход означает «уход» из процесса, как верно отмечает П. А. Колмаков, фигуры подозреваемого (обвиняемого) и появление самостоятельного и особенного субъекта уголовно-процессуальных отношений [4].

В связи с этим разделяется позиция ученых, которые аргументированно настаивают на том, что подобный переход должен осуществляться не иначе как на основании отдельного правоприменительного акта, вынесенного следователем, каковым должно являться постановление о возбуждении производства о применении принудительных мер медицинского характера». Следствием вынесения такого акта должно быть соответствующее изменение статуса лица, в отношении которого оно осуществляется, а обязанностью уполномоченного лица — обеспечение участия в деле законного представителя, а также защитника, если последний до этого в деле не участвовал. Отсутствие в настоящее время нормативного установления о необходимости вынесения указанного правоприменительного акта порождает неопределенность относительно момента наделения лица особым статусом и начала осуществления рассматриваемого вида дифференцированного производства [3].

Одним из самых сложных этапов является первичное установление признаков, указывающих на психическое расстройство лица. Следовательно, не обладая специальными медицинскими познаниями, должен оценить поведение подозреваемого, его реакцию, сведения из быта. На практике нередки случаи, когда явные признаки психического заболевания игнорируются, что приводит к направлению в суд дел в отношении лиц, которые объективно не могли отдавать отчет своим действиям.

Не менее актуальна и обратная проблема: симуляция психического расстройства с целью избежать уголовной ответственности. Определение истинности болезненного состояния и его симуляции требует высочайшего уровня

профессионализма экспертов, однако существующие методики не всегда позволяют дать окончательный ответ на начальном этапе.

Рассматривая вопрос о продлении, изменении или прекращении применения принудительной меры медицинского характера, суд должен тщательно проверить обоснованность ходатайства, поданного в соответствии с частью 1 статьи 445 УПК РФ. Для этого суду надлежит выяснить результаты проведенного лечения и решить вопрос о необходимости дальнейшего медицинского наблюдения и лечения.

В этих целях в судебное заседание может быть вызван представитель медицинского учреждения (медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях), где наблюдается лицо, в от-

ношении которого решается вопрос о продлении, изменении или прекращении применения принудительной меры медицинского характера. Участие в судебном заседании защитника, законного представителя лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, и прокурора обязательно.

Необходимость совершенствования законодательства, регулирующего производство по применению принудительных мер медицинского характера, не вызывает сомнений. Этот особый вид производства обладает рядом критически важных особенностей, которые напрямую влияют на то, что должно быть доказано, какие решения могут быть приняты и как должна быть организована вся процессуальная деятельность.

Литература:

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026).
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.04.2011 N 6 (ред. от 03.03.2015) «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера»// СПС «Консультант-Плюс.
3. Лесная Л. И. Некоторые проблемы производства по делам о применении принудительных мер медицинского характера / Л. И. Лесная. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2018. № 49 (235). С. 145–147. URL: <https://moluch.ru/archive/235/54447/> (дата обращения: 03.03.2026).
4. Мищенко Е. В., Погорельский А. А. Производство о применении принудительных мер медицинского характера: проблемы регламентации процесса доказывания // Журнал российского права. 2022. № 8. С. 93–107.

Обеспечение прав личности при производстве обыска и выемки в жилище: проблемы судебного санкционирования и допустимости доказательств

Третьяк Сергей Андреевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Смирнова Ирина Степановна, кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический университет (г. Омск)

В статье исследуются проблемы обеспечения конституционных прав личности при производстве обыска и выемки в жилище, анализируются требования к судебному санкционированию, типичные нарушения, влекущие признание доказательств недопустимыми; предлагаются направления совершенствования уголовно-процессуального законодательства в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное законодательство, обыск в жилище, выемка, судебное санкционирование, допустимость доказательств.

Конституционный статус жилища в Российской Федерации характеризуется повышенным уровнем правовой охраны, что обусловлено признанием человека, его прав и свобод высшей ценностью. Ключевым элементом такого конституционно-правового механизма выступает статья 25 Основного Закона РФ, устанавливающая неприкосновенность жилища и недопустимость вторжения в него без добровольного согласия проживающих в нем граждан иначе как в случаях, предусмотренных федеральным законодательством, либо на основании судебного решения [1]. Указанная норма служит краеугольным

камнем в системе гарантий права на частную жизнь и охрану личной и семейной тайны.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее — УПК РФ) определяет понятие «жилище» исходя из функционального предназначения объекта. В соответствии с пунктом 10 статьи 5 УПК РФ к жилищу относятся: индивидуальный жилой дом со всеми входящими в него жилыми и нежилыми помещениями; любое жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и пригодное для постоянного либо временного проживания; а также иные строения и поме-

щения, не отнесенные к жилищному фонду, но предназначенные для временного проживания [2].

Изложенные конституционно-правовые основы неприкосновенности жилища и их отражение в отраслевом законодательстве определяют особый порядок производства следственных действий, сопряженных с ограничением данного права. Ключевым механизмом, призванным обеспечить баланс между публичными интересами расследования и частными правами граждан, выступает судебное санкционирование. Вместе с тем анализ доктринальных источников свидетельствует о наличии ряда проблемных аспектов, связанных как с процедурой получения судебного разрешения, так и с последующим контролем за законностью проведенных действий.

Эффективность судебного контроля во многом определяется качеством подготовленных следователем материалов. Как справедливо отмечает А. А. Леонтьев, законность обыска заключается в наличии фактических и процессуальных оснований: «фактические основания представляют собой наличие достаточных данных, которые дают основание полагать, что в каком-либо месте или у какого-либо лица могут находиться орудия преступления, предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела»; под процессуальными основаниями понимается наличие решения суда либо постановления следователя [4, с. 495]. Анализ практики показывает, что наиболее частыми основаниями для отказа в проведении обыска в жилище выступают: отсутствие в ходатайстве конкретных признаков искомых предметов, позволяющих их индивидуализировать; несоответствие места производства обыска адресу, указанному в постановлении; а также недостаточная мотивировка исключительных обстоятельств при проведении неотложного обыска без предварительного судебного решения.

В теории и практике дискуссионным остается вопрос о пределах действия судебного решения, санкционирующего обыск в жилище. Такое судебное разрешение традиционно рассматривается как «разовое», предоставляющее право на проведение одного следственного действия в строго определенном месте. Так, М. А. Соломонова, ссылаясь на правовую позицию Верховного Суда РФ, обращает внимание, что обнаружение в ходе первоначального обыска не всех искомых предметов не создает правовой основы для повторного проникновения в то же жилище на основании ранее выданного разрешения. Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21.09.2021 № 49-УД21-10, как отмечает указанный выше автор, «было признано незаконным проведение обыска в жилище без судебного решения и без достаточных объективных оснований для признания ситуации неотложной» [5, с. 37]. Данная позиция формирует устойчивое правило: каждый факт ограничения конституционного права требует самостоятельного судебного санкционирования, за исключением случаев, когда повторное проникновение является продолжением того же

следственного действия, что на практике вызывает сложности при документировании.

Правовой режим выемки в жилище, несмотря на внешнее сходство с обыском, обладает существенной спецификой, что отражается и на особенностях судебного контроля. В отличие от обыска, выемка направлена на изъятие точно известных предметов, местонахождение которых установлено с достоверностью. По справедливому замечанию Т. С. Жилкыбаевой, на практике «сотрудники зачастую путают» осмотр с обыском, что особенно актуально и для выемки, поскольку отсутствие поискового элемента не исключает принудительного характера действия при отказе лица выдать предмет [3, с. 496]. В этой связи судебный контроль при выемке акцентируется на проверке двух аспектов: во-первых, достоверности сведений о месте нахождения искомого объекта; во-вторых, обоснованности принудительного изъятия в случае отказа от добровольной выдачи. При этом, как подчеркивается в обозначенных выше научных источниках, суд оценивает не только наличие фактических оснований, но и соблюдение процедуры предварительного требования о выдаче, что для обыска не является обязательным элементом судебного контроля.

Остановимся на отдельных процессуальных аспектах обыска в жилище. Процессуальный порядок обыска в жилище включает комплекс гарантий, призванных минимизировать риск необоснованного ограничения конституционных прав граждан. В соответствии со статьей 170 УПК РФ одной из ключевых выступает обязательность участия понятых либо применения видеозаписи [2]. Однако, как констатирует М. А. Соломонова, «распространенной проблемой остается формальное участие понятых, когда их роль ограничивается лишь подписанием протокола без реального наблюдения за процессом, что снижает достоверность фиксации» [5, с. 36]. В этой связи законодательное закрепление в части 1.1 статьи 170 УПК РФ возможности замены понятых видеозаписью можно оценить как позитивный шаг. Вместе с тем на практике видеосъемка не всегда обеспечивает полноту отражения хода следственного действия.

Право проживающих в жилище лиц на приглашение защитника (статья 182 УПК РФ) в литературе оценивается как важная правовая гарантия; при этом следственные действия могут проводиться только уполномоченными лицами, а участие защитника способствует обеспечению прав обыскиваемого [3, с. 496]. Вместе с тем реализация этого права зачастую затруднена ввиду отсутствия у лица реальной возможности своевременно пригласить адвоката, особенно при проведении неотложного обыска.

Анализ судебных решений позволяет выделить наиболее распространенные нарушения, влекущие признание доказательств недопустимыми. К их числу относятся: отсутствие судебного решения либо его необоснованная выдача; проведение обыска в ночное время (с 22.00 до 06.00 часов) без обстоятельств, не терпящих отлагательства (согласно пункту 21 статьи 5 УПК РФ); превышение

пределов, указанных в судебном разрешении; нарушение процедуры фиксации.

Показательным является пример, изложенный в приговоре Шатковского районного суда Нижегородской области от 21 февраля 2020 г. по делу № 1–21/2020. Согласно материалам дела обыск был признан незаконным по причине его проведения без достаточных оснований; а изъятые предметы не были признаны допустимыми доказательствами. Позиция Верховного Суда РФ в отношении подобного рода случаев изложена в Определении от 21.09.2021 года № 49-УД21–10: проведение обыска без судебного решения и без достаточных объективных оснований для признания ситуации неотложной является незаконным; доказательства, полученные в результате такого обыска, признаются недопустимыми.

Особую сложность представляет изъятие в жилище объектов, содержащих адвокатскую, нотариальную или врачебную тайну. В соответствии со статьей 450.1 УПК РФ обыск в жилище адвоката, а также выемка документов, содержащих адвокатскую тайну, производится только на основании постановления судьи. А. А. Леонтьев указывает, что следователь обязан «не акцентировать внимание на документах или информации, касающейся личной жизни обыскиваемого, если они не относятся к расследуемому уголовному делу» [4, с. 495].

Изложенное выше позволяет нам предложить ряд мер, направленных на усиление гарантий прав личности при осуществлении обыска и выемки из жилища. Во-первых, необходимо усовершенствование специализированного порядка производства обыска в жилищах лиц, обладающих специальным правовым статусом (адвокатов, депутатов, судей). Как верно отмечает Т. С. Жилкыбаева, «обыск в жилище является трудоемким и сложным следственным действием», а ошибки сотрудников нередко приводят к нарушению конституционных прав [3, с. 496]. Закрепление дополнительных процедурных фильтров (например, обязательное участие адвоката, уведомление вышестоящего суда) позволило бы снизить риски.

Во-вторых, назрела необходимость законодательного закрепления обязательного аудио-видеоконтроля при

любых обысках в жилище. Учитывая то, что формальное участие понятых не обеспечивает надлежащей объективности, а видеозапись способна восполнить этот пробел, целесообразно установить императивное требование о применении видеосъемки при всех обысках в жилых помещениях, за исключением случаев, когда это невозможно по объективным причинам.

В качестве дополнительной меры, которая будет также направлена на усиление гарантий прав личности при производстве обыска и выемки в жилище, предлагаем на законодательном уровне закрепить специальную судебную процедуру для изъятия предметов и документов, содержащих охраняемую законом тайну (адвокатскую, врачебную, нотариальную, банковскую). Введение данной процедуры позволит исключить случаи необоснованного ознакомления с содержанием защищенной законодательством информации; поможет повысить ответственность следователей за соблюдение конституционных прав граждан, а также создать дополнительный судебный фильтр, который будет гарантировать допустимость полученных доказательств из источников, обладающих особым правовым режимом.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что институт судебного санкционирования обыска и выемки в жилище выступает основополагающим механизмом защиты конституционного права на неприкосновенность жилища. Вместе с тем практика свидетельствует о наличии системных проблем, в числе которых: неполнота мотивировки ходатайств при проведении обыска и выемки; формальное участие понятых; нарушения при фиксации хода следственных действий; неопределенность правового режима изъятия сведений, составляющих охраняемую законом тайну.

Для их преодоления необходимо дальнейшее совершенствование уголовно-процессуального законодательства в направлении усиления судебного контроля на всех этапах — от проверки обоснованности ходатайства до оценки допустимости полученных доказательств. Реализация обозначенных в статье предложений позволит обеспечить баланс между эффективностью расследования и незыблемостью конституционных прав граждан.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. — 1993. — № 237.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Российская газета. — 2001. — № 249.
3. Жилкыбаева Т. С. Основания и порядок проведения следственного действия (обыска) в жилище // Вестник науки. — 2024. — № 12 (81), Т. 2. — С. 496–500.
4. Леонтьев А. А. Проблемы и особенности производства обыска в жилище, влияние на частную жизнь граждан при его производстве // Вестник науки. — 2023. — № 6 (63), Т. 3. — С. 493–498.
5. Соломонова М. А. Обыск в жилище и проверка показаний на месте // Вопросы права. — 2025. — № 4. — С. 36–39.
6. Шеховцова Л. С. Оценка ситуации тактического риска при проведении обыска в жилище // КриминалистЪ. — 2024. — № 2 (47). — С. 143–150.

Организационно-правовые аспекты муниципальной службы в субъектах Российской Федерации: принципы организации и функционирования. Правовой статус муниципального служащего

Уварова Оксана Александровна, студент
Челябинский государственный университет

В статье рассматриваются принципы организации и функционирования муниципальной службы в Российской Федерации, анализируется правовой статус муниципального служащего, а также выявляются актуальные проблемы правового регулирования и предлагаются пути их решения. Исследование опирается на действующую нормативную базу и научные источники.

Ключевые слова: муниципальная служба, муниципальный служащий, правовой статус, принципы организации, местное самоуправление, правовое регулирование

Муниципальная служба занимает особое место в системе публичного управления России. С конституционным закреплением местного самоуправления в 1993 году возникла объективная потребность в формировании самостоятельного института, обеспечивающего профессиональное исполнение полномочий органов местного самоуправления. За прошедшие десятилетия этот институт прошел несколько этапов законодательного оформления и продолжает развиваться в условиях меняющихся требований к публичному управлению.

Актуальность темы обусловлена тем, что, несмотря на наличие разветвленной нормативной базы, на практике сохраняются проблемы, связанные с неоднородностью регионального законодательства, неопределенностью отдельных элементов правового статуса муниципального служащего и недостаточной эффективностью механизмов ответственности.

Нормативно-правовая основа муниципальной службы

Правовое регулирование муниципальной службы в России строится на нескольких уровнях. Базовым документом является Конституция Российской Федерации 1993 года [2], прежде всего, ее статья 12, закрепляющая организационную самостоятельность местного самоуправления, и статья 132, определяющая компетенцию органов местного самоуправления.

На федеральном уровне ключевым актом служит Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» (далее — закон № 25-ФЗ). Именно он установил понятие муниципальной службы, перечень принципов ее организации, требования к должностям, основы правового положения служащих. До его принятия эту функцию выполнял Федеральный закон от 08.01.1998 № 8-ФЗ «Об основах муниципальной службы в Российской Федерации», который утратил силу.

Дополнительную роль играет Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе пуб-

личной власти» [6], в статье 31 которого прямо указывается, что правовое регулирование муниципальной службы осуществляется федеральным законом, законами субъектов Федерации и уставами муниципальных образований.

Региональный уровень представлен законами субъектов Российской Федерации о муниципальной службе. Они, как правило, конкретизируют федеральные нормы с учетом местной специфики, хотя в значительной части носят отсылочный характер.

Таким образом, система правового регулирования складывается из трех уровней: федерального, регионального и местного, что в целом соответствует принципу субсидиарности и обеспечивает необходимую гибкость.

Принципы организации и функционирования муниципальной службы

Статья 4 закона № 25-ФЗ закрепляет перечень принципов, на которых строится муниципальная служба. К ним относятся [3]:

- приоритет прав и свобод человека и гражданина;
- равный доступ граждан к муниципальной службе при владении государственным языком;
- профессионализм и компетентность служащих;
- стабильность муниципальной службы;
- доступность информации о деятельности муниципальных служащих;
- взаимодействие с общественными объединениями и гражданами;
- единство основных требований к муниципальной службе, а также ее правовая и социальная защищенность.

Указанные принципы не являются декларативными — они должны учитываться при разработке всех нормативных актов, регулирующих муниципальную службу, а также при формировании правоприменительной практики. При этом в науке сложилось мнение, что перечень принципов следует дополнить. Так, ряд исследователей, в частности С. А. Казаков, в диссертационном исследовании 2004 года [1] обосновывал включение принципов

гласности, стабильности кадров и планирования, которые в явном виде законодатель так и не закрепил.

Принцип взаимосвязи муниципальной и государственной гражданской службы, предусмотренный статьей 7 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [4], выражается в единстве квалификационных требований, ограничений, обязательств, системы оплаты труда и других условий. Этот принцип имеет практическое значение, поскольку позволяет обеспечить возможность перехода служащих между двумя видами публичной службы.

Правовой статус муниципального служащего

Согласно статье 10 закона № 25-ФЗ [3], муниципальным служащим признается гражданин, исполняющий в порядке, определенном муниципальными правовыми актами, обязанности по должности муниципальной службы за денежное содержание, выплачиваемое за счет средств местного бюджета.

Правовой статус муниципального служащего включает несколько взаимосвязанных элементов: права, обязанности, ограничения, запреты, требования к служебному поведению, а также гарантии и ответственность.

Права муниципального служащего закреплены в статье 11 закона № 25-ФЗ. В частности, служащий вправе знакомиться с документами, определяющими его обязанности, получать необходимые для работы сведения и материалы, участвовать по своей инициативе в конкурсе на замещение вакантной должности, повышать квалификацию.

Обязанности установлены статьей 12 закона № 25-ФЗ и включают, в частности, соблюдение Конституции и законодательства, исполнение должностных инструкций, поддержание уровня квалификации, соблюдение норм служебной этики.

Особое место занимают ограничения и запреты, перечисленные в статьях 13 и 14 закона № 25-ФЗ. Они направлены на обеспечение независимости и беспристрастности служащего. В частности, муниципальным служащим запрещается заниматься предпринимательской деятельностью, получать вознаграждение от третьих лиц в связи с исполнением должностных обязанностей, использовать служебное положение в интересах политических партий.

Проблемы правового статуса и пути их решения

Несмотря на наличие развитой нормативной базы, в практике правового регулирования муниципальной службы сохраняется ряд проблем.

Первая проблема связана с неоднородностью регионального законодательства. Субъекты Российской Феде-

рации располагают широкими полномочиями по самостоятельному регулированию муниципальной службы, что на практике приводит к существенным различиям в условиях ее прохождения. В одних регионах детально урегулированы вопросы карьерного роста и дополнительных гарантий, в других — те же вопросы практически не отражены в нормативных актах. Пути решения: разработка на федеральном уровне более детальных рамочных требований к региональному законодательству, а также методических рекомендаций для субъектов Федерации.

Вторая проблема касается недостаточного правового регулирования вопросов профессионального развития и карьерного продвижения служащих. Действующий закон содержит лишь общие положения о подготовке и повышении квалификации, тогда как реальные механизмы карьерного роста на муниципальном уровне нередко складываются произвольно. Представляется целесообразным закрепить в федеральном законодательстве четкие критерии продвижения по службе, привязанные к результатам оценки деятельности.

Третья проблема состоит в слабом общественном контроле за деятельностью муниципальных служащих. Принцип открытости и доступности информации формально закреплен, однако инструменты его практической реализации остаются ограниченными. В качестве решения можно рассматривать расширение практики публичной отчетности органов местного самоуправления, а также развитие институтов гражданского участия в оценке качества муниципального управления.

Четвертая проблема связана с цифровизацией публичного управления. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» ставит задачи перевода значительной части государственных и муниципальных услуг в электронный вид. Это требует пересмотра квалификационных требований к муниципальным служащим и формирования новых стандартов цифровой компетентности, которые пока не получили достаточного законодательного оформления.

Институт муниципальной службы в России прошел путь от первоначального оформления в середине 1990-х годов до создания относительно стройной системы правового регулирования, центральным звеном которой является закон № 25-ФЗ. Тем не менее сохраняющиеся проблемы и коллизии в законодательстве, неоднородность регионального регулирования и слабость механизмов контроля указывают на необходимость дальнейшего совершенствования правовой базы. Повышение эффективности муниципальной службы возможно при условии последовательного развития законодательства, учета требований цифровой трансформации и усиления реальных гарантий правового статуса муниципального служащего.

Литература:

1. Казаков, С. А. Организационно-правовые аспекты муниципальной службы в субъектах Российской Федерации: автореф. ... канд. юр. наук / С. А. Казаков. — Текст: электронный // disserCat — электронная библиотека диссер-

- таций [сайт]. — URL: <https://www.dissercat.com/content/organizatsionno-pravovye-aspekty-munitsipalnoi-sluzhby-v-subektakh-rossiiskoi-federatsii> (дата обращения: 19.03.2026).
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года. — Текст: электронный // КонсультантПлюс [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 19.03.2026).
 3. Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О муниципальной службе в Российской Федерации». — Текст: электронный // КонсультантПлюс [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66530/cb0879c3ff7534fc7b4e05b1b67fe4f2c3bfcc11/ (дата обращения: 19.03.2026).
 4. Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 № 79-ФЗ. — Текст: электронный // КонсультантПлюс [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/ (дата обращения: 19.03.2026).
 5. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». — Текст: электронный // КонсультантПлюс [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 19.03.2026).

Система мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в современном административном праве

Фастовец Лилия Игоревна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматривается система мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях как важнейший институт административно-деликтного права. Анализируются виды и правовая природа данных мер, их назначение и роль в обеспечении своевременного и объективного рассмотрения дел об административных правонарушениях. Особое внимание уделяется проблемам классификации мер обеспечения, выявлению их общих и специфических признаков, а также оценке правомерности и соразмерности их применения.

Ключевые слова: система мер обеспечения производства, административное производство, административное правонарушение, соразмерность, законность, правоприменительная практика, классификация мер, права и свободы граждан.

Система мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях представляет собой совокупность юридически закрепленных способов воздействия, направленных на обеспечение законного, эффективного и своевременного рассмотрения административных дел. Эти меры имеют двойственную природу: с одной стороны, они обеспечивают защиту публичных интересов государства, поддержание законности, соблюдение общественного порядка и безопасность граждан, с другой — неизбежно ограничивают права и свободы личности, что делает их применение предметом повышенного внимания как теории, так и практики административного права. Необоснованное применение мер может привести к нарушению конституционных гарантий, что подчеркивает необходимость строгого соблюдения принципов законности, обоснованности и соразмерности.

С теоретической точки зрения, меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях можно классифицировать по различным критериям. Так, по характеру воздействия они подразделяются на физические, процессуальные и имущественные; по

объекту воздействия — на личность, имущество и документы; по степени ограничения прав и свобод — на меры с минимальным, средним и значительным воздействием; по сроку действия — на временные и длительные. Среди наиболее часто применяемых мер следует выделить доставление лица в орган, рассматривающий дело, административное задержание, личный досмотр, досмотр вещей и документов, изъятие предметов, отстранение от управления транспортным средством, медицинское освидетельствование на состояние опьянения, обеспечение исполнения административного решения через временные ограничения и иные меры [2].

Правовая основа применения этих мер закреплена в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, а также в ряде сопутствующих нормативных актов. Законодательством определены основания и условия применения каждой меры, установлены субъекты, уполномоченные их применять, и предусмотрены процессуальные гарантии для лиц, в отношении которых они применяются. Тем не менее на практике нередко возникают сложности, связанные с неопределенностью пра-

вового регулирования, различными трактовками отдельных положений закона, что приводит к неоднородной правоприменительной практике. Одной из проблем является чрезмерное или формальное применение мер обеспечения, когда они фактически выходят за пределы законной необходимости и используются не для пресечения правонарушения, а в качестве дополнительного давления на гражданина.

Особая проблематика связана с балансом между интересами государства и правами личности. Эффективность системы мер обеспечения производства во многом определяется тем, насколько органы власти способны применять их дифференцировано, учитывая обстоятельства каждого конкретного дела, степень общественной опасности деяния, личностные особенности правонарушителя и потенциальную угрозу для публичных интересов. Несоблюдение этих условий может привести к нарушению принципа соразмерности, чрезмерному ограничению прав и свобод граждан, усилению конфликтности между государством и населением и снижению доверия к правоприменительным органам.

Значительное внимание в правоприменительной практике уделяется обеспечению процессуальных гарантий: фиксации применения мер в протоколах, участию понятых при досмотре вещей и документов, возможности обжалования действий должностных лиц, уведомлению лиц о своих правах и обязанностях. Эти меры способствуют повышению прозрачности и законности применения мер обеспечения, минимизируют риски злоупотреблений и повышают доверие граждан к органам, реализующим административное производство [1].

Кроме того, анализ теоретических подходов к системе мер обеспечения производства показывает, что

каждая мера должна рассматриваться в контексте общей цели административного процесса — не только пресечения правонарушения, но и обеспечения правомерного, справедливого и эффективного рассмотрения дела. Это предполагает необходимость четкого разграничения мер обеспечения производства и санкций, направленных на наказание или взыскание, чтобы избежать функционального смешения их целей и не допустить чрезмерного вмешательства в права личности.

Проблематика системы мер обеспечения производства также включает необходимость совершенствования нормативной базы и повышения качества правоприменительной практики. В частности, требуется уточнение оснований и пределов применения мер, разработка единых стандартов правоприменения, усиление контроля за деятельностью должностных лиц, а также системное обучение специалистов, участвующих в реализации мер, с целью обеспечения соблюдения принципов законности и соразмерности [3].

Таким образом, система мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях представляет собой комплекс взаимосвязанных правовых инструментов, направленных на реализацию публичных интересов государства при одновременном соблюдении прав и свобод граждан. Эффективное функционирование данной системы возможно только при строгом соблюдении принципов законности, обоснованности и соразмерности, обеспечении процессуальных гарантий и развитии механизмов контроля за деятельностью органов власти, что позволяет сохранять баланс между публичными интересами и защитой прав личности, повышает доверие к государственным органам и обеспечивает стабильность административного процесса.

Литература:

1. Канунникова Н. Г. К вопросу зарождения института административных правонарушений (проступков) / Н. Г. Канунникова // Административное право и процесс. 2012. № 6. С. 22–24.
2. Куртяк И. В. Административно-деликтное законодательство: понятие, содержание, этапы развития / И. В. Куртяк // История государства и права. 2003. № 6. С. 19–21.
3. Шергин А. П. Административно-деликтное законодательство России: состояние, проблемы, перспективы // Административное право и административный процесс: актуальные проблемы: Сборник статей, посвященный памяти Юрия Марковича Козлова / Отв. ред. Л. Л. Попов и М. С. Студеникина. М.: Юрист, 2004. С. 175–176.

Баланс публичных интересов и прав граждан при применении мер обеспечения административного производства

Фастовец Лилия Игоревна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматривается проблема обеспечения баланса публичных интересов государства и прав граждан при применении мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. Анализируются правовая природа и назначение указанных мер, а также особенности их применения в условиях необходимости оперативного

пресечения противоправного поведения и обеспечения эффективного рассмотрения дела. Особое внимание уделяется вопросам соразмерности ограничений прав и свобод личности, законности применения мер административного принуждения и соблюдения гарантий защиты прав граждан. Автором исследуются положения административного законодательства, регулирующие применение мер обеспечения производства, выявляются существующие проблемы правоприменительной практики и предлагаются направления совершенствования правового регулирования.

Ключевые слова: меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, публичные интересы, права и свободы граждан, административное принуждение, соразмерность, законность, гарантии прав личности, административное задержание.

Баланс публичных интересов государства и прав граждан является одним из ключевых условий законности применения мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. Данные меры занимают особое место в системе административно-деликтного права, поскольку направлены на создание условий для своевременного и объективного рассмотрения дела, пресечения противоправного поведения, установления личности правонарушителя и обеспечения исполнения принятого решения. Вместе с тем специфика указанных мер заключается в том, что их применение неизбежно связано с временным ограничением отдельных прав и свобод личности, что требует строгого соблюдения принципов законности, обоснованности и соразмерности.

Современное административное законодательство Российской Федерации закрепляет широкий перечень мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. К их числу относятся доставление, административное задержание, личный досмотр, досмотр вещей, изъятие вещей и документов, отстранение от управления транспортным средством, медицинское освидетельствование на состояние опьянения и ряд иных мер. Их применение обусловлено необходимостью защиты общественного порядка, обеспечения безопасности граждан и предупреждения правонарушений. Однако именно широкая сфера применения данных мер и их непосредственное воздействие на личную свободу и неприкосновенность граждан обуславливают необходимость тщательного правового регулирования и контроля за их использованием.

Проблематика соблюдения баланса между публичными интересами и правами граждан становится особенно актуальной в условиях расширения полномочий органов публичной власти по применению мер административного принуждения. Государство, выполняя функцию охраны общественного порядка и обеспечения безопасности, наделяет уполномоченные органы значительным объемом властных полномочий. Вместе с тем чрезмерное или необоснованное применение мер обеспечения может привести к неоправданному ограничению прав и свобод граждан, что противоречит основополагающим принципам правового государства.

В правоприменительной практике нередко возникают ситуации, при которых меры обеспечения производства используются не только для достижения процес-

суальных целей, но и фактически выступают в качестве дополнительного средства воздействия на лицо, привлекаемое к административной ответственности. Подобные случаи могут выражаться в чрезмерной продолжительности административного задержания, необоснованном применении личного досмотра либо изъятия вещей и документов. Такая практика свидетельствует о наличии определенных проблем в реализации принципа соразмерности и необходимости более четкого разграничения целей обеспечения производства и мер административного наказания.

Особое значение в рассматриваемом вопросе имеют конституционные гарантии прав и свобод человека и гражданина. Конституция Российской Федерации закрепляет положение о том, что права и свободы человека являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита составляют обязанность государства. Это означает, что любые меры, связанные с ограничением прав личности, должны применяться исключительно на основании закона, при наличии достаточных правовых оснований и в пределах, необходимых для достижения законных целей административного производства.

Вместе с тем следует отметить, что отдельные нормы административного законодательства, регулирующие применение мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, допускают различные варианты толкования. Отсутствие достаточной детализации процедур применения некоторых мер, а также неоднозначность формулировок отдельных правовых положений могут приводить к формированию неоднородной правоприменительной практики. В результате возникает риск злоупотребления полномочиями со стороны должностных лиц, что негативно отражается на уровне доверия граждан к деятельности государственных органов.

Дополнительной проблемой является недостаточная осведомленность граждан о своих процессуальных правах при применении мер обеспечения производства. В ряде случаев лица, в отношении которых применяются такие меры, не обладают достаточной информацией о своих правах, возможностях обжалования действий должностных лиц и механизмах защиты своих законных интересов. Это обстоятельство также оказывает влияние на реализацию принципа баланса публичных интересов и прав личности.

Важным направлением совершенствования правового регулирования в данной сфере является развитие

механизмов процессуальных гарантий для лиц, в отношении которых применяются меры обеспечения производства. К таким гарантиям можно отнести обязательность процессуальной фиксации применяемых мер, обеспечение возможности обжалования действий должностных лиц, а также повышение уровня ответственности за незаконное применение мер административного принуждения. Существенную роль играет и формирование единообразной судебной практики, направленной на защиту прав граждан и предупреждение возможных злоупотреблений.

Таким образом, меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях представляют собой важный правовой инструмент, обеспечивающий реализацию публичных интересов государства. Вместе с тем их применение должно осуществляться

с учетом необходимости соблюдения прав и свобод граждан, что предполагает строгую правовую регламентацию оснований и порядка применения данных мер, а также эффективный контроль за деятельностью уполномоченных органов.

На основании вышеизложенного под балансом публичных интересов и прав граждан при применении мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях следует понимать такое правовое состояние административного производства, при котором реализация государством своих функций по охране общественного порядка и обеспечению законности осуществляется с соблюдением принципов законности, обоснованности и соразмерности, не допуская необоснованного ограничения прав и свобод личности и обеспечивая надлежащие процессуальные гарантии их защиты.

Литература:

1. Безрукова Л. Страсбургская защита / Л. Безрукова // Российская газета. 2010. 1 марта.
2. Марченко М. Н. Судебное правотворчество и судебское право / М. Н. Марченко. Москва: Проспект, 2011. 512 с.
3. Черниченко С. В. ООН и права человека: итоги и проблемы полувекового пути / С. В. Черниченко // Российский ежегодник международного права. 1996–1997 / главный редактор Л. Н. Галенская. Санкт-Петербург: Россия-Нева, 1998. С. 286–295.

Эволюция категории «ограничение конкуренции» в российском антимонопольном праве: доктринальный анализ

Федорук Кирилл Юрьевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Бородина Жанна Николаевна, кандидат юридических наук, доцент

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

В статье проводится комплексное историко-правовое и доктринальное исследование эволюции понятия «ограничение конкуренции» в российском законодательстве. Осуществляется сравнительный анализ дефиниций, закрепленных в Законе РСФСР 1991 года и Федеральном законе «О защите конкуренции» 2006 года, выявляются концептуальные сдвиги в понимании данного явления. Детально исследуются основные научные подходы к интерпретации категории с опорой на труды Д. Арментано, Р. Коуза, а также современных российских исследователей В. С. Белых, М. О. Болобоновой и К. А. Конькова. Анализируются системные проблемы действующего законодательного определения и предлагаются направления его совершенствования в контексте развития цифровой экономики. Делается вывод о необходимости баланса между правовой определенностью и гибкостью регулирования.

Ключевые слова: антимонопольное право, ограничение конкуренции, монополистическая деятельность, защита конкуренции, доктрина, законодательная дефиниция, экономический анализ, цифровые рынки, правило разумности.

Институт защиты конкуренции представляет собой один из фундаментальных элементов современной рыночной экономики, обеспечивающий баланс между свободой предпринимательства и необходимостью предотвращения злоупотреблений экономической властью. В системе данного института центральное место занимает категория «ограничение конкуренции», поскольку именно через призму этого понятия определяется граница между правомерным конкурентным поведением

и действиями, подлежащими антимонопольному преследованию.

От точности законодательного определения «ограничения конкуренции» и глубины его доктринального осмысления напрямую зависят эффективность применения антимонопольных запретов, предсказуемость правового регулирования для предпринимателей и качество судебной защиты. За более чем три десятилетия существования современного российского антимонопольного

законодательства подход к пониманию данной категории претерпел существенные трансформации: от акцента на статусе хозяйствующего субъекта (монополист) к фокусу на результате поведения (ограничение конкуренции как экономический эффект).

Целью настоящей работы является комплексный анализ эволюции категории «ограничение конкуренции» через призму нормативных изменений и доктринальных интерпретаций. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: исследовать историко-правовые предпосылки формирования понятия; провести сравнительный анализ законодательных дефиниций; систематизировать доктринальные подходы к содержанию категории; выявить проблемные аспекты действующего регулирования и предложить направления его совершенствования.

1. Историко-правовой аспект: от «монополистической деятельности» к «ограничению конкуренции»

Генезис категории «ограничение конкуренции» в российском праве неразрывно связан с формированием рыночной экономики в постсоветский период. Первым базовым актом антимонопольного регулирования стал Закон РСФСР от 22.03.1991 № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» [1]. Данный закон был разработан в условиях перехода от плановой экономики к рыночной и отражал доминирующие представления того времени о природе монополизма.

В редакции 1991 года ключевым запрещаемым явлением выступала «монополистическая деятельность», которая определялась как злоупотребление хозяйствующим субъектом своим доминирующим положением, а также соглашения, согласованные действия, иные действия (бездействие), которые ограничивают конкуренцию. Таким образом, категория «ограничение конкуренции» была интегрирована в определение монополистической деятельности в качестве одного из возможных последствий, но не являлась самостоятельным родовым понятием. Акцент законодателя делался на защите от монополизма как состояния рынка, что соответствовало экономической повестке начала 1990-х годов, когда основной угрозой воспринимались крупные государственные и приватизированные предприятия.

Важно отметить, что закон 1991 года содержал преимущественно формальные критерии выявления нарушений. Например, доминирующее положение презюмировалось при превышении определенной доли рынка, а многие виды соглашений признавались недопустимыми независимо от их фактических последствий. Такой подход обеспечивал простоту правоприменения, но создавал риски избыточного вмешательства в хозяйственную деятельность.

Концептуальная трансформация произошла с принятием Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О

защите конкуренции» [2] (далее — Закон о защите конкуренции). Новый закон сместил фокус регулирования с борьбы против монополий на защиту самого процесса конкуренции как механизма повышения эффективности рынка. Статья 4 Закона о защите конкуренции содержит легальное определение: «ограничение конкуренции — уменьшение числа хозяйствующих субъектов, не являющихся аффилированными лицами, на определенном товарном рынке, рост или снижение цены товара, не связанные с соответствующими изменениями иных общих условий обращения товара на товарном рынке, отказ или уклонение от заключения договора с определенными покупателями (заказчиками) в случае наличия возможности производства или поставки соответствующего товара».

Данное определение представляет собой попытку законодателя формализовать экономическое содержание понятия, перечислив конкретные проявления ограничения конкуренции. Доктринально этот переход оценивается как движение от формально-юридического подхода к экономико-правовому анализу. Если ранее нарушение часто констатировалось исходя из формальных признаков (доля рынка, статус субъекта), то современное регулирование требует оценки последствий действий для рыночных параметров.

Сравнительный анализ двух законодательных дефиниций позволяет выделить следующие тенденции эволюции:

- Расширение субъектного состава. Если закон 1991 года фокусировался преимущественно на доминирующих хозяйствующих субъектах, то современное регулирование охватывает любые действия, способные ограничить конкуренцию, независимо от рыночной доли исполнителя.
- Экономизация критериев. Современное определение требует анализа причинно-следственных связей между действиями субъекта и изменениями рыночных параметров, что предполагает использование методов экономического анализа.
- Дифференциация видов нарушений. Закон 2006 года закрепил различие между горизонтальными и вертикальными соглашениями, между злоупотреблением доминирующим положением и иными формами ограничения конкуренции, что позволило более точно квалифицировать нарушения.

2. Доктринальные подходы к содержанию категории

В современной правовой науке понимание категории «ограничение конкуренции» формируется под влиянием различных теоретических подходов. Систематизация данных подходов имеет принципиальное значение для правильного толкования законодательных норм и формирования единообразной правоприменительной практики.

2.1. Экономическая сущность ограничения конкуренции

Фундаментальный вклад в понимание экономической природы ограничения конкуренции внес американский

исследователь Доминик Арментано. В своей работе «Антитраст против конкуренции» [3, с. 51] он формулирует позицию, согласно которой сущность ограничения конкуренции заключается не в формальном нарушении законодательного запрета, а в негативном влиянии на ключевые параметры рынка — цену, объём выпуска, качество товаров и услуг.

Данный подход смещает акцент с формально-юридической квалификации действия на анализ его фактических экономических последствий. Как отмечает Д. Арментано, антимонопольное регулирование должно быть направлено не на наказание за нарушение абстрактной нормы, а на защиту рыночных механизмов, обеспечивающих эффективность и благосостояние потребителей. Такая постановка вопроса требует от правоприменителя проведения глубокого экономического анализа, а не механического применения формальных критериев.

Позиция Д. Арментано находит отражение в современной методологии антимонопольного анализа: при квалификации действий хозяйствующего субъекта всё большее значение придаётся доказыванию реального или потенциального вреда для конкуренции, а не только установлению формальных признаков нарушения.

2.2. Методология квалификации

Среди российских учёных, затрагивавших вопросы квалификации действий на предмет ограничения конкуренции, следует выделить М. Ю. Козлову. В её научных работах, в частности в статье «Принцип правовой определённости (на примере антимонопольного законодательства)», анализируется применение двух противоположных по сути подходов, используемых антимонопольным законодательством при регулировании деятельности хозяйствующих субъектов.

Первый подход основан на запрете в силу самого характера действия. Он предусматривает изначальную незаконность определённых действий субъекта, которая не зависит от наступления конкретных последствий. Наличие такого запрета в случае доказывания нарушения требует лишь подтверждения факта совершения действия, без анализа его последствий и воздействия на рынок. М. Ю. Козлова отмечает, что императивные запреты данного типа обеспечивают стабильность экономического порядка и заранее предупреждают субъектов о недопустимости определённого поведения [4, с. 108].

Второй подход предполагает оценку по совокупности обстоятельств. Он требует анализа последствий действий с целью изучения их влияния на состояние конкуренции и рынка в целом. Если последствия признаются благоприятными для рынка, деяние может быть признано законным. По мнению М. Ю. Козловой, такой подход обеспечивает гибкость в оценке деятельности хозяйствующих субъектов, позволяя учитывать экономическую целесообразность.

Таким образом, российское законодательство, следуя логике, обозначенной М. Ю. Козловой, поддерживает эф-

фективную конкуренцию через гибкие механизмы оценки, однако в случаях, когда конкуренция теряет свои свойства из-за очевидно опасных действий, защищает рынок через императивные запреты. Сочетание двух подходов позволяет антимонопольному регулированию быть одновременно жёстким в отношении наиболее опасных нарушений и гибким в оценке сложных рыночных ситуаций, что соответствует принципам пропорциональности и эффективности правового регулирования.

2.3. Цифровая экономика: новые критерии определения ограничения конкуренции

Развитие цифровых технологий и платформенных бизнес-моделей ставит перед доктриной и практикой антимонопольного права новые вызовы. Традиционные критерии оценки ограничения конкуренции, сформированные в эпоху товарных рынков, не всегда адекватно отражают специфику цифровых экосистем.

В этой связи особый интерес представляет позиция, изложенная в работе В. С. Белых, М. О. Болобоновой и К. А. Конькова «Проблемы и перспективы определения доминирующего положения в условиях цифровой экономики». Авторы подчеркивают, что к ключевым критериям определения доминирующего положения в цифровой среде относятся, в частности, сетевые эффекты и режим доступа к большим данным [5, с. 204].

Сетевые эффекты, при которых ценность платформы для пользователя возрастает по мере увеличения числа других участников, могут создавать естественные барьеры для входа новых игроков на рынок. Обладание большими данными, в свою очередь, способно стать источником конкурентных преимуществ, которые при определённых условиях трансформируются в возможность злоупотребления: дискриминации контрагентов, навязывания невыгодных условий, ограничения доступа к инфраструктуре.

Таким образом, как отмечают В. С. Белых и соавторы, доктринальное содержание категории «ограничение конкуренции» должно эволюционировать и включать такие параметры, как ограничение доступа к данным, манипулирование алгоритмами ранжирования, использование сетевых эффектов для вытеснения конкурентов. Этот подход отражает общемировую тенденцию к адаптации антимонопольного регулирования к реалиям цифровой экономики.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, эволюция категории «ограничение конкуренции» в российском праве демонстрирует устойчивую тенденцию к усложнению и экономизации данного понятия. Переход от термина «монопольная деятельность» к «ограничению конкуренции» как центральному понятию антимонопольного права позволил расширить субъектный состав потенциальных нарушителей и охватить более широкий спектр антиконкурентного поведения.

Во-вторых, доктринальный анализ выявил, что современное понимание категории формируется под влиянием нескольких взаимодополняющих подходов. Позиция Д. Арментано акцентирует внимание на экономической сущности ограничения конкуренции как негативного воздействия на рыночные параметры. Методология, поддерживаемая Р. Коузом, предполагает дифференцированное применение разумного запрета и правила разумности в зависимости от характера действий. Исследования В. С. Белых и соавторов указывают на необходимость учёта специфики цифровой экономики при определении ограничения конкуренции.

В-третьих, действующее законодательное определение, несмотря на свою детализацию, требует дальнейшего совершенствования.

Выявленные проблемы — размытость критериев, коллизии с гражданским законодательством, вызовы цифровой экономики — указывают на необходимость адаптации нормативной базы к современным реалиям.

Дальнейшее развитие категории «ограничение конкуренции» должно идти по пути гармонизации формальных запретов и экономического анализа последствий, что позволит повысить эффективность антимонопольного регулирования без создания избыточных барьеров для добросовестной предпринимательской деятельности. Баланс между правовой определенностью и гибкостью регулирования остается ключевой задачей для законодателя и правоприменителя в условиях динамично развивающейся рыночной экономики.

Литература:

1. Закон РСФСР от 22.03.1991 № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» (утратил силу).
2. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (1 ч.). — Ст. 3434.
3. Козлова М. Ю. Принцип правовой определённости (на примере антимонопольного законодательства) // Вестник экономического правосудия РФ. — 2011. — № 5. — С. 15–25
4. Коуз, Р. Очерки об экономической науке и экономистах / Р. Коуз. — Москва; Санкт-Петербург: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. — 254 с.
5. Белых В. С., Болобонова М. О., Коньков К. А. Проблемы и перспективы определения доминирующего положения в условиях цифровой экономики // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2020. — № 11 (75). — С. 202–210.

Коллизии норм антимонопольного и гражданского законодательства: проблемы системного толкования

Федорук Кирилл Юрьевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Бородина Жанна Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

В статье проводится нормативно-догматический анализ коллизий между нормами антимонопольного и гражданского законодательства Российской Федерации. Осуществляется системное толкование положений Гражданского кодекса РФ и Федерального закона «О защите конкуренции», выявляются противоречия в дефинициях, составах нарушений и правовых последствиях. Исследуются три ключевые коллизии: соотношение статей о злоупотреблении правом, расхождения в понятии недобросовестной конкуренции, взаимодействие норм о договорах и запретах на согласованные действия. Предлагаются способы разрешения выявленных коллизий через механизмы системного толкования и применения принципа специализации норм. Делается вывод о необходимости гармонизации отраслевого законодательства для обеспечения единообразия правового регулирования предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: антимонопольное право, гражданское право, коллизия норм, системное толкование, злоупотребление правом, недобросовестная конкуренция, согласованные действия, предпринимательская деятельность.

Введение

Правовое регулирование предпринимательской деятельности в Российской Федерации осуществляется посредством взаимодействия норм различных отраслей

права, среди которых центральное место занимают гражданское и антимонопольное право. Гражданское законодательство устанавливает общие основы правового статуса участников оборота, правила заключения и исполнения договоров, принципы осуществления граждан-

ских прав. Антимонопольное законодательство, в свою очередь, вводит специальные ограничения свободы предпринимательства в целях защиты конкуренции как фундаментального элемента рыночной экономики.

Актуальность исследования обусловлена тем, что нормы гражданского и антимонопольного законодательства нередко регулируют одни и те же общественные отношения, что создаёт предпосылки для возникновения коллизий. Такие коллизии проявляются в несовпадении дефиниций, различиях в составах правонарушений, противоречиях в правовых последствиях. Отсутствие чётких правил разрешения подобных коллизий создаёт риски для правовой определённости, затрудняет правоприменение и снижает предсказуемость регулирования для участников рынка.

Проблема усугубляется тем, что Гражданский кодекс РФ и Федеральный закон «О защите конкуренции» принимались в разное время, имели различные цели регулирования и разрабатывались без достаточной координации между собой. В результате в действующем законодательстве сохранились положения, которые при буквальном толковании могут приводить к противоположным правовым выводам.

Целью настоящей работы является выявление ключевых коллизий между нормами антимонопольного и гражданского законодательства и предложение способов их разрешения посредством системного толкования. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: проанализировать соотношение норм о злоупотреблении правом; исследовать расхождения в понятии недобросовестной конкуренции; рассмотреть взаимодействие норм о договорах и запретах на согласованные действия; предложить механизмы гармонизации отраслевого законодательства.

Одной из наиболее значимых коллизий в системе регулирования предпринимательской деятельности является соотношение статьи 10 Гражданского кодекса РФ и статьи 10 Федерального закона «О защите конкуренции». Обе нормы устанавливают запреты на определённые действия хозяйствующих субъектов, однако их содержание и правовые последствия существенно различаются. Статья 10 Гражданского кодекса РФ закрепляет общий запрет на осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также на иные заведомо недобросовестные действия граждан и юридических лиц [1]. Данная норма носит универсальный характер и применяется ко всем участникам гражданского оборота независимо от их рыночной доли и статуса. Правовым последствием нарушения статьи 10 Гражданского кодекса РФ является отказ в защите права, что означает невозможность для нарушителя требовать исполнения обязательств или признания своих прав судом.

В противовес этому, статья 10 Федерального закона «О защите конкуренции» запрещает хозяйствующему субъекту, занимающему доминирующее положение, совершать действия, признаваемые злоупотреблением доми-

нирующим положением [3]. К таким действиям относятся установление монопольно высокой или низкой цены, изъятие товара из обращения, навязывание контрагенту невыгодных условий договора и иные действия. Особенность данной нормы заключается в том, что она применяется только к субъектам, занимающим доминирующее положение, что требует предварительного установления такого положения на соответствующем товарном рынке. Правовым последствием нарушения является административная ответственность по статье 14.31 Кодекса РФ об административных правонарушениях [4].

Анализ текстов двух норм выявляет ряд коллизионных аспектов, требующих внимания. Прежде всего, наблюдается различие в субъектном составе. Статья 10 Гражданского кодекса РФ применяется ко всем лицам, тогда как статья 10 Закона «О защите конкуренции» — только к доминирующим субъектам. Это создаёт ситуацию, когда одно и то же действие может быть квалифицировано по-разному в зависимости от рыночной доли исполнителя. Действие, признаваемое злоупотреблением для доминирующего субъекта, может оставаться правомерным для субъекта с меньшей долей рынка, даже если экономические последствия идентичны. Кроме того, присутствует различие в объективной стороне. Гражданский кодекс РФ требует доказательства умысла или заведомой недобросовестности, что относится к субъективной стороне правонарушения. Закон «О защите конкуренции» фокусируется на объективных последствиях действий для рынка, не требуя доказательства умысла. Это создаёт коллизию при квалификации действий: одно и то же поведение может быть правомерным с точки зрения антимонопольного законодательства (при отсутствии негативных последствий для рынка), но недобросовестным с точки зрения гражданского права (при наличии умысла причинить вред).

Наконец, существует различие в правовых последствиях. Нарушение статьи 10 Гражданского кодекса РФ влечёт отказ в защите права в рамках гражданского судопроизводства. Нарушение статьи 10 Закона «О защите конкуренции» влечёт административную ответственность и предписание антимонопольного органа. Это создаёт риск двойной ответственности за одно деяние или, напротив, ситуации, когда лицо несёт ответственность по одной норме, но избегает её по другой. Для разрешения данной коллизии предлагается применять принцип специализации норм. Согласно этому принципу, специальная норма имеет приоритет над общей при регулировании одного и того же вопроса. В данном случае статья 10 Закона «О защите конкуренции» является специальной по отношению к статье 10 Гражданского кодекса РФ, поскольку регулирует более узкий круг отношений (действия доминирующих субъектов на рынке). Следовательно, при квалификации действий доминирующего субъекта следует в первую очередь применять нормы антимонопольного законодательства, а нормы гражданского права использовать субсидиарно.

Вторая значимая коллизия связана с расхождениями в определении понятия «недобросовестная конкуренция» в Гражданском кодексе РФ и Законе «О защите конкуренции». Статья 34 Гражданского кодекса РФ запрещает недобросовестную конкуренцию и устанавливает, что не допускаются осуществление гражданских прав с целью ограничения конкуренции, а также злоупотребление доминирующим положением на рынке. Данная норма отсылает к антимонопольному законодательству для конкретного определения недобросовестной конкуренции, однако не содержит самостоятельной дефиниции. Статья 4 Закона «О защите конкуренции» содержит развёрнутое легальное определение: недобросовестной конкуренцией являются любые действия хозяйствующих субъектов, которые направлены на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности, противоречат законодательству, обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости и причинили или могут причинить убытки другим хозяйствующим субъектам — конкурентам либо нанесли или могут нанести вред их деловой репутации.

Сопоставление данных нормативных положений позволяет выявить несколько проблемных аспектов. Во-первых, наблюдается различие в уровне детализации. Гражданский кодекс РФ содержит лишь общий запрет без конкретизации, тогда как Закон «О защите конкуренции» даёт развёрнутое определение с перечнем признаков. Это создаёт неопределённость при применении статьи 34 Гражданского кодекса РФ в отрыве от антимонопольного законодательства: суд или иной правоприменитель должен самостоятельно определять содержание понятия, что снижает предсказуемость регулирования. Во-вторых, присутствует различие в субъектном составе. Статья 34 Гражданского кодекса РФ формально применяется ко всем участникам гражданского оборота, тогда как статья 4 Закона «О защите конкуренции» определяет недобросовестную конкуренцию как действия хозяйствующих субъектов. Это создаёт коллизию при квалификации действий лиц, не являющихся хозяйствующими субъектами в смысле антимонопольного законодательства, но участвующих в конкурентных отношениях. В-третьих, существует различие в последствиях. Нарушение запрета на недобросовестную конкуренцию по Гражданскому кодексу РФ влечёт гражданско-правовые последствия (возмещение убытков, пресечение действий). Нарушение норм Закона «О защите конкуренции» влечёт административную ответственность по статье 14.33 Кодекса РФ об административных правонарушениях. Это создаёт риск выбора более мягкой или более жёсткой нормы по усмотрению правоприменителя. Для разрешения данной коллизии предлагается применять принцип системного толкования. Согласно этому принципу, нормы права должны толковаться не изолированно, а в системе взаимосвязанных положений законодательства. В данном случае статья 34 Гражданского кодекса РФ должна толковаться в неразрывной связи со статьёй 4 Закона «О защите

конкуренции», поскольку последняя содержит специальное определение понятия, используемого в Гражданском кодексе. Таким образом, при применении статьи 34 Гражданского кодекса РФ следует использовать дефиницию из антимонопольного законодательства, что обеспечивает единообразие понимания недобросовестной конкуренции во всех отраслях права.

Третья коллизия связана с взаимодействием норм Гражданского кодекса РФ о свободе договора и норм Закона «О защите конкуренции» о запрете согласованных действий. Статья 421 Гражданского кодекса РФ закрепляет принцип свободы договора: граждане и юридические лица свободны в заключении договора, понуждение к заключению договора не допускается, стороны могут заключить договор как предусмотренный, так и не предусмотренный законом. Данная норма является фундаментальным принципом гражданского права и обеспечивает автономию воли участников оборота. Статья 11 Закона «О защите конкуренции» запрещает соглашения между хозяйствующими субъектами-конкурентами, если такие соглашения приводят или могут привести к ограничению конкуренции. К запрещённым соглашениям относятся установление или поддержание цен, раздел рынка, ограничение производства, отказ от заключения договоров с определёнными покупателями. Кроме того, статья 11.1 Закона запрещает согласованные действия хозяйствующих субъектов, если они приводят к ограничению конкуренции.

Анализ взаимодействия указанных норм выявляет следующие коллизионные аспекты. Прежде всего, наблюдается противоречие между свободой и запретом. Принцип свободы договора предполагает, что стороны вправе самостоятельно определять условия своих взаимоотношений, включая цену, объём поставок, территорию сбыта. Однако антимонопольное законодательство вводит ограничения на эту свободу, запрещая определённые условия договора между конкурентами. Это создаёт коллизию: договор, заключённый в соответствии с принципом свободы договора, может быть признан недействительным как ограничивающий конкуренцию. Кроме того, присутствует различие в критериях действительности. По Гражданскому кодексу РФ договор может быть признан недействительным по основаниям, перечисленным в параграфе 2 главы 9 (несоответствие закону, противность основам правопорядка и нравственности и т. д.). По Закону «О защите конкуренции» соглашение может быть признано нарушающим антимонопольные запреты независимо от его соответствия формальным требованиям гражданского законодательства. Это создаёт ситуацию, когда договор, действительный с точки зрения гражданского права, может быть оспорен по нормам антимонопольного права.

Наконец, существует различие в последствиях недействительности. По Гражданскому кодексу РФ недействительный договор не влечёт юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с его недействитель-

ностью (реституция, взыскание в доход государства). По Закону «О защите конкуренции» нарушение запрета на согласованные действия влечёт административную ответственность и предписание о прекращении нарушения, что выходит за рамки гражданско-правовых последствий. Для разрешения данной коллизии предлагается применять принцип иерархии специальных запретов. Согласно этому принципу, специальные запреты, установленные в целях защиты публичных интересов (конкуренция как элемент рыночной экономики), имеют приоритет над общими принципами гражданского права при регулировании соответствующих отношений. Следовательно, свобода договора по статье 421 Гражданского кодекса РФ должна осуществляться в пределах, установленных антимонопольным законодательством. Договор, противоречащий запрету статьи 11 Закона «О защите конкуренции», должен признаваться недействительным по статье 168 Гражданского кодекса РФ (сделка, противоречащая закону).

На основе проведённого анализа коллизий представляется целесообразным предложить следующие направления гармонизации гражданского и антимонопольного законодательства. Прежде всего, необходима унификация дефиниций. Целесообразно привести понятия, используемые в Гражданском кодексе РФ и Законе «О защите конкуренции», к единому содержанию. В частности, понятие «недобросовестная конкуренция» должно иметь идентичное определение в обоих актах, что исключит различия при правоприменении. Это может быть достигнуто путём внесения изменений в статью 34 Гражданского кодекса РФ с включением туда дефиниции из статьи 4 Закона «О защите конкуренции» или путём прямой отсылки к антимонопольному законодательству. Также важно чёткое разграничение сфер применения. Необходимо законодательно закрепить правила разграничения применения норм гражданского и антимонопольного законодательства. В частности, следует установить, что нормы Закона «О защите конкуренции» применяются как специальные по отношению к нормам Гражданского кодекса РФ при регулировании отношений, связанных с защитой конкуренции. Это обеспечит предсказуемость квалификации действий хозяйствующих субъектов.

Кроме того, требуется согласование правовых последствий. Следует обеспечить согласованность правовых последствий нарушений норм гражданского и антимонопольного законодательства. В частности, необходимо исключить возможность двойной ответственности за одно деяние или, напротив, ситуации уклонения от ответственности за счёт выбора нормы. Это

может быть достигнуто путём внесения изменений в Кодекс РФ об административных правонарушениях и Гражданский кодекс РФ с установлением правил соотношения гражданско-правовой и административной ответственности. Наконец, важным инструментом разрешения коллизий до внесения изменений в законодательство является системное толкование в правоприменительной практике. Суды и антимонопольные органы должны применять нормы гражданского и антимонопольного законодательства во взаимосвязи, учитывая цели и принципы обеих отраслей права. Это обеспечит единообразие практики даже при наличии законодательных коллизий.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. Между нормами гражданского и антимонопольного законодательства существуют значимые коллизии, которые проявляются в различиях дефиниций, составов нарушений и правовых последствий. Выявлены три ключевые коллизии: соотношение норм о злоупотреблении правом, расхождения в понятии недобросовестной конкуренции, взаимодействие норм о договорах и запретах на согласованные действия. Основными причинами коллизий являются различия в времени принятия норм, целях регулирования и подходах к правовому конструированию. Гражданский кодекс РФ устанавливает общие принципы осуществления прав, тогда как Закон «О защите конкуренции» вводит специальные ограничения в целях защиты публичного интереса.

Разрешение выявленных коллизий возможно посредством применения принципов системного толкования, специализации норм и иерархии специальных запретов. Эти принципы позволяют согласовать применение норм гражданского и антимонопольного законодательства без внесения изменений в тексты законов. Для долгосрочного устранения коллизий необходима гармонизация отраслевого законодательства, включающая унификацию дефиниций, чёткое разграничение сфер применения, согласование правовых последствий. Это обеспечит правовую определённость и предсказуемость регулирования для участников рынка. Дальнейшее совершенствование правового регулирования предпринимательской деятельности должно идти по пути обеспечения согласованности норм гражданского и антимонопольного законодательства, что позволит повысить эффективность защиты конкуренции без избыточного ограничения свободы предпринимательства.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.

3. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (1 ч.). — Ст. 3434.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.

Правовая природа корпоративных прав

Хамитова Элиза Рафаэлевна, студент магистратуры
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

В статье исследуется правовая природа корпоративных прав, их сущность, виды и место в системе гражданских прав. Анализируются доктринальные подходы к определению корпоративных прав, их соотношение с имущественными и неимущественными правами, а также особенности реализации и защиты. Особое внимание уделяется нормативно-правовому регулированию корпоративных отношений в Российской Федерации.

Ключевые слова: корпоративные права, корпоративные отношения, юридическое лицо, участник корпорации, уставные права, имущественные права, неимущественные права.

Современные экономические отношения характеризуются активным развитием корпоративных форм ведения бизнеса. Корпоративные права, как элемент гражданско-правового регулирования, приобретают всё большее значение. Актуальность темы обусловлена необходимостью чёткого понимания правовой природы этих прав для эффективного регулирования корпоративных отношений, защиты интересов участников и обеспечения стабильности гражданского оборота.

Цель статьи — исследовать правовую природу корпоративных прав, выявить их отличительные признаки и определить место в системе субъективных гражданских прав.

Задачи исследования: определить понятие и сущность корпоративных прав; проанализировать виды корпоративных прав; рассмотреть соотношение корпоративных прав с имущественными и неимущественными правами; изучить нормативно-правовую базу, регулиющую корпоративные права; выявить проблемы реализации и защиты корпоративных прав; сформулировать предложения по совершенствованию законодательства.

Методология исследования включает общенаучные (анализ, синтез, сравнение) и специальные юридические методы (формально-юридический, сравнительно-правовой).

1. Понятие и сущность корпоративных прав.

Корпоративные права — это субъективные права участников корпораций, возникающие в связи с их участием в корпоративных организациях. Согласно ст. 65.2 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) [1], участники корпорации имеют право: участвовать в управлении делами корпорации; получать информацию о деятельности корпорации; обжаловать решения органов корпорации; требовать возмещения убытков, причинённых корпорацией; оспаривать совершённые корпорацией сделки.

Сущность корпоративных прав заключается в следующем: связь с участием в корпорации. Корпоративные

права возникают только у лиц, являющихся участниками корпорации (акционеров, участников ООО и т.д.). Комплексный характер. Корпоративные права включают как имущественные, так и неимущественные элементы. Организационная составляющая. Реализация корпоративных прав предполагает участие в управлении корпорацией. Зависимость от устава. Объём и содержание корпоративных прав определяются учредительными документами корпорации.

2. Виды корпоративных прав.

Классификация корпоративных прав может быть проведена по различным критериям:

По содержанию: Имущественные (право на получение дивидендов, право на ликвидационную квоту). Неимущественные (право на участие в общем собрании, право на информацию).

По степени обязательности: Обязательные (предоставленные законом, например, право на участие в управлении) [1]. Факультативные (предусмотренные уставом, например, дополнительные права участников) [2].

По субъектам: права акционеров в АО [2]; права участников ООО [3]; права членов кооперативов и т.д.

По целям реализации: права, направленные на управление корпорацией; права, обеспечивающие имущественный интерес; информационные права.

3. Соотношение корпоративных прав с другими видами гражданских прав.

Корпоративные права занимают особое место в системе гражданских прав, сочетая черты имущественных и неимущественных прав:

– Сходство с имущественными правами: возможность получения материальной выгоды (дивиденды, ликвидационная квота).

– Сходство с неимущественными правами: связь с управлением, участием в принятии решений.

– Отличие от обязательственных прав: корпоративные права не являются строго относительными, они связаны с участием в организации.

– Отличие от вещных прав: корпоративные права не предполагают непосредственного господства над вещью.

4. Нормативноправовое регулирование корпоративных прав в РФ.

Основные источники регулирования корпоративных прав в России:

- Гражданский кодекс РФ (ст. 65.1–65.3, 67 и др.).
- Специальные законы: Федеральный закон «Об акционерных обществах» от 26.12.1995 № 208ФЗ; Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 08.02.1998 № 14ФЗ; Федеральный закон «О производственных кооперативах» от 08.05.1996 № 41ФЗ.
- Подзаконные акты: постановления Правительства РФ, нормативные акты Банка России.
- Локальные акты корпораций: уставы, внутренние регламенты.

5. Проблемы реализации и защиты корпоративных прав. На практике возникают следующие проблемы:

- Злоупотребление правами. Некоторые участники используют свои корпоративные права не для достижения целей корпорации, а для личной выгоды [4].
- Непрозрачность информации. Ограниченный доступ к информации о деятельности корпорации затрудняет реализацию прав на контроль [6].
- Конфликты интересов. Противоречия между мажоритарными и миноритарными акционерами могут привести к корпоративным спорам [5].
- Сложности защиты прав. Судебная защита корпоративных прав требует значительных временных и финансовых затрат [6].

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51ФЗ.
2. Федеральный закон «Об акционерных обществах» от 26.12.1995 № 208ФЗ.
3. Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 08.02.1998 № 14ФЗ.
4. Белов В. А. Корпоративное право. Актуальные проблемы теории и практики. — М.: Юрайт, 2020.
5. Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. — М.: Статут, 2019.
6. Ломакин Д. В. Корпоративные права участников хозяйственных обществ. — М.: Проспект, 2021.

Виды наказаний, применяемых к несовершеннолетним

Цыцова Анна Алексеевна, студент;

Ядрина Лилия Алексеевна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье авторы определяют виды наказаний, применяемых к несовершеннолетним.

Вст. 88 УК РФ приводится перечень видов наказаний несовершеннолетних. Здесь же раскрывается содержание этих видов наказаний, кроме лишения права за-

Способы защиты корпоративных прав:

- судебный порядок (иски о признании решений недействительными, иски о возмещении убытков);
- внесудебные механизмы (медиация, переговоры);
- корпоративные процедуры (внесение изменений в устав, создание ревизионных комиссий).

6. Перспективы развития правового регулирования корпоративных прав.

Для совершенствования регулирования корпоративных прав предлагается: усилить защиту прав миноритарных акционеров путём введения дополнительных гарантий, разработать механизмы противодействия корпоративному шантажу, повысить прозрачность деятельности корпораций через обязательность раскрытия информации, упростить процедуры судебной защиты корпоративных прав, внедрить цифровые технологии для обеспечения доступа к информации и участия в управлении.

Заключение

Корпоративные права представляют собой самостоятельный вид субъективных гражданских прав, обладающий комплексной природой. Они сочетают имущественные и неимущественные элементы, связаны с участием в управлении корпорацией и регулируются как законодательством, так и локальными актами.

Совершенствование правового регулирования корпоративных прав должно быть направлено на обеспечение баланса интересов участников, повышение прозрачности корпоративных отношений и создание эффективных механизмов защиты прав. Это позволит укрепить стабильность гражданского оборота и способствовать развитию корпоративного сектора экономики.

ниматься определенной деятельностью. Законодатель не определился в том, о какой именно деятельности несовершеннолетнего может идти речь. Очевидно, что речь идет

о деятельности, требующей определенной подготовки, т. е. профессиональной деятельности. Неясность воли законодателя ведет к тому, что данное наказание практически не применяется. Кроме того, возникают сомнения относительно того, насколько социально и педагогически оправданно такое лишение [6, с. 186].

Предусмотренные в рамках главы 14 Уголовного кодекса РФ особенности реализации уголовной ответственности в отношении несовершеннолетних и назначения им наказания не являются противопоставлением общим институтам ответственности и наказания: при реализации уголовной ответственности в отношении любого виновного субъекта в полной мере действуют принципы законности, равенства, виновности, справедливости, гуманизма. Нормы указанной главы лишь детализируют содержание и пределы применения по отношению к несовершеннолетним общих институтов, «исходя из реально существующих личностных особенностей несовершеннолетних. В. П. Малков справедливо называет несовершеннолетнего преступником особого рода, «который нуждается не только в воспитательно-принудительном воздействии, но и в защите со стороны общества и государства с учетом того обстоятельства, что речь идет о формирующейся личности члена данного общества и гражданина данного государства» [5, с. 102].

Законодатель ориентирует практику на особые методы и приемы обращения с лицами в возрасте от 14 до 18 лет (в исключительных случаях, согласно ст. 96 Уголовного кодекса РФ, — от 18 до 20 лет), расширяющие возможности индивидуализации и дифференциации ответственности и наказания и преследующие главным образом цели исправления индивидов данных возрастных групп и предупреждения совершения ими новых преступлений.

Статья 89 Уголовного кодекса РФ «Назначение наказания несовершеннолетнему» предусматривает наряду с общими требованиями, содержащимися в ст. 60 Уголовного кодекса РФ, при назначении наказания несовершеннолетнему учитывать условия его жизни и воспитания, уровень психического развития, иные особенности личности, а также влияние на него старших по возрасту лиц. Другими словами, данная норма призвана лишь детализировать общие начала назначения наказания, уточнять и акцентировать внимание законодателя на ряде специфических характеристик, присущих несовершеннолетнему возрасту, учет которых значим для назначения справедливого наказания данной категории лиц. Так, например, призывая принимать во внимание при назначении наказания несовершеннолетнему иные особенности его личности, ст. 89 Уголовного кодекса РФ не дублирует, а дополняет ст. 60 в части учета данного обстоятельства, имея в виду «необходимость тщательного изучения специфики личности именно несовершеннолетнего как формирующейся (мотивация, характерологические черты, уровень социальной адаптации, интерес к учебной и профессиональной деятельности, физическое здоровье, наличие эмоциональных «сбоев» и т. д.)». Точно так же и иные требования, пред-

усмотренные ст. 89 Уголовного кодекса РФ, имеют целью дополнить общие начала назначения наказания путем учета специфики рассматриваемой категории преступников. Учет условий жизни и воспитания несовершеннолетнего предполагает анализ данных о родителях подростка либо о лицах, их заменяющих, об их социальных, моральных, иных качествах, об атмосфере в семье и о взаимоотношении ребенка с родителями, о материально-бытовых условиях жизни семьи, об отношении окружающих ребенка взрослых к его образовательному процессу, к досуговой занятости, а также возможное наличие признаков преступления в отношении обвиняемого подростка [3]. Выяснение уровня психического развития — состояния интеллекта, развития воли, эмоций, мышления, запаса знаний, представлений и т. п. — необходимо с целью установления позиции несовершеннолетнего по отношению к ценностям общества, к нормам уголовного права, к установленным им требованиям и запретам.

При назначении наказания несовершеннолетнему обязателен также учет влияния на него старших по возрасту лиц, не обязательно совершеннолетних. Отмечая позитивный потенциал данного положения, И. А. Кобзарь предлагает еще более «улучшить» данную норму, опустив словосочетание «старших по возрасту», и обосновывает свои доводы тем, что «на практике часто встречаются случаи, когда вовлечение в преступление, в том числе путем принуждения, использования групповой зависимости и т. п. (пп. «д», «е» п.1 ст. 61 УК), осуществляют ровесники или даже младшие по возрасту лица, но с более развитой волей» [4, с. 183]. Думается, что в данном суждении есть рациональный аспект, а потому следует прислушаться к данному предложению. При назначении несовершеннолетнему наказания представляется необходимым, помимо перечисленных обстоятельств, учитывать и иные, например, его предшествующее поведение (аморальное, безнравственное, правонарушающее), круг и характер связей и зависимостей подростка, реагирование на информационные и иные источники, возможность выбора значимого для права поведения и др. С учетом разнообразия и многообразия рассматриваемых детализирующих общие начала назначения наказания обстоятельств представляется необходимым указать в ст. 89 на открытый характер их перечня.

Все вышеизложенное не позволяет согласиться с высказыванием А. В. Наумова, в соответствии с которым особые черты преступности несовершеннолетних побуждают законодателя отступать от общих правил и начал уголовной ответственности и наказания при их регламентации [1, с. 489].

В то же время следует согласиться, что положения, содержащиеся в главе 14 Уголовного кодекса Российской Федерации, призваны обеспечить соблюдение основных принципов уголовного права в отношении несовершеннолетних.

В УК РФ предусматривается шесть видов наказаний, применение которых возможно к несовершеннолетним

лицам, совершившим преступления. Перечень наказаний, указанных в ст.88 УК РФ ограничен и содержит в себе: штраф, лишение права заниматься определённой деятельностью, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы, лишение свободы на определённый срок.

В отличие от наказаний, применение которых возможно к взрослому преступнику, к несовершеннолетним лицам не применяются лишение специального, воинского или почётного звания, классного чина и государственных наград, ограничение по военной службе, арест, содержание в дисциплинарной воинской части, пожизненное лишение свободы и смертная казнь.

Штраф как вид наказания, назначаемый несовершеннолетним, заключается в реализации денежного взыскания в доход государства.

Можно частично согласиться с его применением к несовершеннолетним, имеющим самостоятельный заработок или имущество, на которое может быть обращено взыскание. Несовершеннолетний лично несет ответственность за содеянное заработанными лично им денежными средствами или своим имуществом [2, с. 307].

Однако анализ практики показывает, что подавляющее число несовершеннолетних, совершивших преступления, к которым можно было бы применить данный вид наказания, не имели самостоятельного заработка или имущества, на которое могло бы быть обращено взыскание.

Обязательные работы назначаются на срок от сорока до ста шестидесяти часов, заключаются в выполнении работ, посильных для несовершеннолетнего, и исполняются им в свободное от учебы или основной работы время. Про-

должительность исполнения данного вида наказания лицами в возрасте до пятнадцати лет не может превышать двух часов в день, а лицами в возрасте от пятнадцати до шестнадцати лет — трех часов в день.

Исправительные работы назначаются несовершеннолетним осужденным на срок до одного года.

Ограничение свободы назначается несовершеннолетним осужденным в виде основного наказания на срок от двух месяцев до двух лет.

Наказание в виде лишения свободы назначается несовершеннолетним осужденным, совершившим преступления в возрасте до шестнадцати лет, на срок не свыше шести лет. Этой же категории несовершеннолетних, совершивших особо тяжкие преступления, а также остальным несовершеннолетним осужденным наказание назначается на срок не свыше десяти лет и отбывается в воспитательных колониях. Наказание в виде лишения свободы не может быть назначено несовершеннолетнему осужденному, совершившему в возрасте до шестнадцати лет преступление небольшой или средней тяжести впервые, а также остальным несовершеннолетним осужденным, совершившим преступления небольшой тяжести впервые.

В силу того, что судимости несовершеннолетних не учитываются при установлении рецидива (ч. 4 ст. 18 УК РФ), норма об обязательном усилении наказания при рецидиве преступлений (ст. 68 УК РФ) к несовершеннолетним не применяется.

Таким образом, при назначении наказания суд обязан учитывать как обстоятельства, единые для всех лиц, совершивших преступления, так и обстоятельства, обусловленные несовершеннолетием виновного.

Литература:

1. Радченко В. И. Учебник. Уголовное право. Общая часть. — М.: ЗАО Юстициформ, 2004.
2. Прокументов Л. М., Ольховик Н. В., Карелин Д. В. Эффективность наказаний и иных мер, предусмотренных уголовным законом для несовершеннолетних, совершивших преступление. — Томск: 2020.
3. Алдамжарова Д. Т. Условия жизни и воспитания несовершеннолетнего как элемент предмета доказывания по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // Вопросы науки и образования. — Саратов: 2017.
4. Коновалова И. А. К вопросу о роли уголовного законодательства России в воспитательно-принудительном воздействии и защите со стороны общества и государства в отношении несовершеннолетних преступников // Законность и правопорядок в современном обществе. — М.: Центр развития научного сотрудничества, 2012.
5. Малков В. П. Проблемы совершенствования законодательства об уголовной ответственности несовершеннолетних // Защита прав несовершеннолетних и иных лиц, требующих социальной защиты, профилактика их безнадзорности и правонарушений. — Казань, 1995.
6. Фокин В. А. Лишение права заниматься определенной деятельностью как вид уголовного наказания, применяемый к несовершеннолетним // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение, вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2015.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от ред. от 20.02.2026) // СЗ РФ. — 1996.

Процессуальная архитектура судебного следствия: системно-функциональный анализ состава участников

Шарипова Камиля Шаукатовна, студент
Казанский (Приволжский) федеральный университет

В статье проводится комплексный анализ института участников судебного следствия как структурно-функциональной подсистемы уголовно-процессуального права. На основе метода системного анализа и формально-догматического подхода исследуются процессуальное положение, классификационные группы и функциональная стратификация субъектов доказывания на стадии судебного разбирательства. Особое внимание уделяется дихотомии «сторона обвинения — сторона защиты», а также роли суда как независимого арбитра, обеспечивающего состязательность процесса. Автором обосновывается вывод о многомерности процессуального статуса участников, где юридическая регламентация не всегда коррелирует с фактической реализацией процессуальных функций.

Ключевые слова: судебное следствие, участники уголовного судопроизводства, сторона обвинения, сторона защиты, суд, состязательность, доказательственная деятельность, процессуальная функция.

Введение

Судебное следствие представляет собой центральную, доминирующую стадию уголовного судопроизводства, в рамках которой осуществляется непосредственное исследование доказательств. Согласно положениям Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), именно на данном этапе происходит реализация принципа состязательности сторон, а суд, сохраняя объективность и беспристрастность, создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных прав.

В теории уголовного процесса традиционным является деление участников судебного следствия в зависимости от выполняемой ими процессуальной функции. Исходя из положений ст. 5 УПК РФ, можно выделить три фундаментальные категории:

- Суд
- Сторона обвинения
- Сторона защиты.

Следует отметить наличие вспомогательных участников — специалистов, экспертов, переводчиков, секретаря судебного заседания, — которые не имеют собственного юридического интереса в исходе дела, но обеспечивают техническую и консультационную базу судебного следствия.

Функциональное назначение суда в судебном следствии выходит за рамки простого контроля за соблюдением формальных процедур. Согласно ст. 243 УПК РФ, председательствующий руководит судебным заседанием, обеспечивая состязательность и равноправие сторон. В научной литературе обоснованно указывается на наличие у суда «инициативного» компонента: суд вправе по собственной инициативе истребовать новые доказательства, возвращаться к исследованию ранее рассмотренных обстоятельств, ставить на обсуждение вопрос о восполнении пробелов в представленном материале.

Процессуальное положение прокурора в судебном следствии характеризуется дуализмом. С одной сто-

роны, он выступает как должностное лицо, представляющее публичные интересы; с другой — как равноправная сторона в состязательном процессе. Полномочия государственного обвинителя включают: изложение предъявленного обвинения (ст. 273 УПК РФ), представление доказательств, заявление ходатайств, участие в допросах, высказывание суду своего мнения по вопросам, возникающим в ходе следствия.

Судебное следствие начинается с предъявления обвинения (ст. 273 УПК РФ). Руководящее постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 51 в п. 7 разъясняет, что прокурор не излагает обвинение в полном объеме, а ограничивается лишь описанием преступления [2]. Однако изложение события преступления, отмечает А. А. Шконда, не должно отличаться голословностью, прокурор упоминает ключевые доказательства, которые впоследствии будут исследованы в судебном следствии [3, с. 228].

Статья 274 УПК РФ устанавливает следующую последовательность исследования доказательств: сначала их представляет сторона обвинения, потом сторона защиты. При определении порядка исследования доказательств суд обязан в дан ном вопросе ориентироваться на мнение сторон и, как справедливо указывает Ю. Л. Бурносова, на соблюдение и реализацию принципа непосредственности исследования доказательств [4, с. 56].

Озвученное мнение сторон об очередности должно быть обязательно отражено в протоколе. Авторы следующим образом формулируют задачи, которые обязан решить государственный обвинитель в судебном следствии: предоставление суду и иным участникам процесса обвинительных доказательств; исследование всех фигурирующих в судебном производстве доказательств, как подтверждающих обвинение, так и опровергающих его с точки зрения их достаточности, допустимости, достоверности и относимости.

Взаимодействие подсудимого и защитника в судебном следствии строится на принципе диспозитивности. Подсудимый обладает самостоятельным правом выбора по-

зиции по отношению к предъявленному обвинению (признание вины, частичное признание, отрицание вины), что определяет тактику защиты.

Заключение

Судебное следствие представляет собой сложноорганизованную процессуальную деятельность, эффективность которой напрямую зависит от четкости правовой регламентации статуса ее участников. Состязательность как конституционный принцип реализуется в судебном следствии через разграничение функций обвинения, защиты и разрешения дела, однако сохраняющиеся эле-

менты судебной инициативы требуют дальнейшей теоретической рефлексии.

Судебное следствие, на котором происходит исследование, а при необходимости сбор доказательств, является органичным этапом судебных прений, на которых происходит фактическая оценка доказательств участниками судебного процесса.

Дальнейшие научные исследования в данной области целесообразно направить на изучение тактико-криминалистических аспектов взаимодействия участников судебного следствия, а также на анализ эффективности реализации принципа состязательности в условиях цифровизации уголовного процесса.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от...) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
3. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. А. В. Смирнова. — 9-е изд., перераб. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. — 752 с.
4. Божьев В. П. Уголовно-процессуальные правоотношения: проблемы теории и практики. — М.: Юрлитинформ, 2021. — 408 с.
5. Лазарева В. А. Судебная власть и ее реализация в уголовном процессе. — Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2020. — 312 с.
6. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. — М.: Норма, 2019. — 240 с.

Совершенствование законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма с учетом новой миграционной политики России

Шепелин Александр Александрович, руководитель службы финансового мониторинга
ПАО «БАНК УРАЛСИБ» (г. Москва)

Статья представляет собой исследование новых аспектов в сфере миграционной политики России в контексте требований законодательства в области противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (далее — законодательство о ПОД/ФТ). В работе анализируются вопросы создания реестра контролируемых лиц и требования законодательства о ПОД/ФТ в области идентификации клиентов, являющихся иностранными гражданами, в контексте необходимости совершенствования нормативных актов.

Ключевые слова: реестр контролируемых лиц, идентификация клиентов, банки, иностранные граждане.

В феврале 2025 года вступил в силу Федеральный закон от 08.08.2024 № 260-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон № 260-ФЗ), который вносит изменения в ряд законодательных актов.

Одним из ключевых изменений в контексте рассматриваемого вопроса, на наш взгляд, является внесение изме-

нений в Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» в части создания реестра контролируемых лиц и режима высылки [1], а также в Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (далее — Закон о банках) [2] в части запрета кредитным организациям открывать счета и осуществлять

иные банковские операции с участием иностранных граждан и лиц без гражданства, сведения о которых включены в реестр контролируемых лиц.

Реестр контролируемых лиц — это единая государственная информационная система, в которую включаются иностранные граждане, находящиеся в России без законных оснований.

Основания для включения в реестр:

- истечение срока временного пребывания (включая нарушение нового правила «90 суток в году»);
- аннулирование разрешения на временное проживание (РВП), вида на жительство (ВНЖ) или патента;
- принятие решения о депортации, нежелательности пребывания или запрете на последующий въезд;
- привлечение к административной ответственности в виде выдворения.

Режим высылки — это правовой механизм, который автоматически наступает с момента внесения иностранного гражданина в реестр контролируемых лиц и действует до исключения из него.

Основные запреты и ограничения для контролируемых лиц в различных сферах:

- финансы: запрет на открытие счетов. Разрешена только выдача наличных до 30 тыс. руб. в месяц и оплата обязательных платежей;
- транспорт: запрет на управление ТС. Отказ в выдаче/замене водительских удостоверений;
- недвижимость и бизнес: запрет на регистрацию юридических лиц или ИП, а также на приобретение и регистрацию недвижимости и транспорта;
- семейное положение: запрет на заключение брака [3];
- передвижение: запрет на смену места жительства без разрешения МВД и выезд за пределы региона проживания.

Часть 7 статьи 5 Закона о банках устанавливает, что кредитной организации запрещаются открытие банковских счетов и осуществление иных банковских операций с участием иностранных граждан и лиц без гражданства, сведения о которых включены в реестр контролируемых лиц, за исключением: переводов денежных средств в целях уплаты обязательных платежей; переводов денежных средств на счета таких лиц; выдачи наличных денежных средств в сумме не более 30 тыс. руб. в месяц.

Таким образом, законодатель определил три категории разрешенных операций, которые кредитная организация вправе (и в определенной части обязана) осуществлять в отношении контролируемого лица. Все иные банковские операции, включая открытие новых счетов, переводы третьим лицам (за исключением обязательных платежей), подпадают под прямой запрет.

Одним из ключевых вопросов правоприменения является определение обязательных платежей.

Банк России в письме от 24.07.2025 № 010–31/7293 [5] указал на целесообразность использования определения, закрепленного в статье 2 Федерального закона от

26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»: обязательные платежи — налоги, сборы и иные обязательные взносы, уплачиваемые в бюджет соответствующего уровня бюджетной системы Российской Федерации и (или) государственные внебюджетные фонды, в том числе штрафы, пени и иные санкции.

Такой подход позволяет кредитным организациям единообразно квалифицировать платежи. К обязательным относятся:

- налоги и сборы всех уровней;
- страховые взносы в СФР (бывший ПФР, ФСС, ФОМС);
- таможенные пошлины;
- административные штрафы (ГИБДД, МВД, ФНС и др.);
- государственные пошлины.

Отдельного внимания требует порядок расчета установленного лимита в 30 тыс. руб.

Банк России в письме от 26.02.2025 № 010–31/1790 [6] разъяснил: ограничение рассчитывается за календарный месяц и является совокупным как для выдачи наличных, так и для переводов денежных средств (включая переводы на счета самого контролируемого лица в других банках, если такие переводы не являются обязательными платежами).

В отношении юридических лиц, когда контролируемое лицо выступает в качестве единоличного исполнительного органа (директора) юридического лица или лица, уполномоченного на совершение операций, также действует особый порядок.

В письме от 26.02.2025 № 010–31/1790 [6] Банк России разъяснил: целью Закона № 260-ФЗ является «установление в отношении контролируемого лица ограничений в различных сферах его жизнедеятельности до его выезда из Российской Федерации». Исходя из этой цели, если контролируемое лицо является лицом, уполномоченным распоряжаться счетом юридического лица, кредитная организация должна отказать в совершении операций по распоряжению такого лица, за исключением операций по уплате обязательных платежей.

Таким образом, юридическое лицо, единоличным исполнительным органом которого является контролируемое лицо, фактически лишается возможности осуществлять расчетную деятельность через банковский счет, за исключением перечисления налогов и иных обязательных платежей.

Учитывая основания для включения иностранных граждан в реестр контролируемых лиц, важно обратить внимание на перечень документов и сведений, необходимых кредитным организациям для идентификации в соответствии с Положением Банка России от 15.10.2015 № 499-П «Об идентификации кредитными организациями клиентов, представителей клиента, выгодоприобретателей и бенефициарных владельцев в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (далее — Положение Банка России № 499-П) [4].

В соответствии с Положением Банка России № 499-П, кроме документа, удостоверяющего личность, необходимы документы, подтверждающие право иностранного гражданина на пребывание (проживание) в РФ. Такими документами могут являться виза, миграционная карта, вид на жительство (ВНЖ) или разрешение на временное проживание (РВП), иной документ, выданный полномочным органом, подтверждающий право на пребывание (патент).

Анализ показывает, что с учетом создания реестра контролируемых лиц и наличия обязательных проверок, осуществляемых банками, необходимость получения документов, подтверждающих право иностранного гражданина на пребывание (проживание) в РФ, по нашей оценке, требует пересмотра нормативного регулирования в указанной части.

Литература:

1. Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».
2. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности».
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ.
4. Положение Банка России от 15.10.2015 № 499-П «Об идентификации кредитными организациями клиентов, представителей клиента, выгодоприобретателей и бенефициарных владельцев в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».
5. Письмо Банка России от 24.07.2025 № 010-31/7293 «Об операциях по счетам иностранных граждан и лиц без гражданства, включенных в реестр контролируемых лиц, в рамках договора банковского счета, исполнительного производства и дела о банкротстве».
6. Письмо Банка России от 26.02.2025 № 010-31/1790 «Об открытии кредитными организациями банковских счетов и осуществлении иных операций с участием контролируемых лиц».

Цифровизация миграционного учета в России: юридические риски и система правовых гарантий

Щукин Павел Дмитриевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Жукова Светлана Михайловна, кандидат юридических наук, доцент
Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

Одним из наиболее перспективных цифровых проектов в области миграционного контроля в Российской Федерации является инициатива по созданию системы «Мигрант ID». Суть данного проекта заключается в введении единого уникального цифрового идентификатора для всех иностранных граждан и лиц без гражданства, прибывающих на территорию Российской Федерации. Этот идентификатор представляет собой электронный профиль мигранта, в котором консолидируется вся необходимая информация о личности, статусе, сроках и целях пребывания, истории миграционных перемещений, а также имеющихся правонарушений или ограничениях.

Главная цель введения системы «Мигрант ID» заключается в усилении борьбы с нелегальной миграцией, повышении прозрачности миграционных потоков и более

представляется целесообразным сокращение перечня документов и сведений, необходимых для идентификации иностранных граждан в соответствии с Положением Банка России № 499-П.

Банкам потребовалось в сжатые сроки существенно адаптировать свои процессы в целях соблюдения законодательства и реализации контрольных процедур, затратив существенные финансовые ресурсы.

Предлагаемые изменения, по нашей оценке, не приведут к негативным сдвигам в достижении целей, поставленных законодателем в области законодательства о ПОД/ФТ, но в то же время существенно упростят процесс открытия счетов законопослушным гражданам с учетом наличия обязательных проверок по реестру контролируемых лиц.

эффективном выявлении и пресечении нарушений миграционного законодательства. С помощью уникального цифрового идентификатора государственные органы получают возможность оперативно контролировать перемещения мигрантов по территории страны, своевременно выявлять и предотвращать случаи нарушения миграционного режима, а также более быстро и точно идентифицировать «рисковых» лиц, ранее привлекавшихся к ответственности за миграционные правонарушения или совершавших преступления на территории РФ.

Положительные стороны введения системы «Мигрант ID» связаны, прежде всего, с централизацией и интеграцией данных. Создание единой информационной базы данных, объединяющей сведения от всех ответственных органов (МВД, ФСБ, ФССП, налоговая служба, и др.), по-

зволяет значительно повысить оперативность и точность работы служб, ответственных за контроль миграции. Централизация данных минимизирует риск дублирования и ошибок, повышает качество и достоверность информации, облегчает координацию между различными ведомствами и сокращает время принятия решений по миграционным вопросам [1].

Кроме того, система «Мигрант ID» значительно повышает скорость и эффективность выявления лиц, представляющих угрозу национальной безопасности или общественному порядку. Интеграция цифрового идентификатора с системами пограничного и миграционного контроля позволяет оперативно реагировать на попытки нелегального въезда или повторные попытки нарушителей пересечь государственную границу, эффективно применять меры административного и судебного воздействия, включая запрет на повторный въезд. Это, в свою очередь, оказывает профилактическое воздействие и способствует снижению уровня преступности среди мигрантов, а также облегчает процесс депортации и выдворения лиц, грубо нарушающих миграционное законодательство [2].

Вместе с тем необходимо учитывать возможные риски и правовые вызовы, связанные с внедрением системы цифровых идентификаторов. В частности, возникают вопросы защиты персональных данных, обеспечения конфиденциальности информации и защиты прав граждан от возможных технических и административных ошибок [3]. В связи с этим введение системы «Мигрант ID» требует строгого соблюдения норм национального и международного права в области защиты персональных данных, обеспечения прозрачности процедур, четкого нормативного регулирования и эффективного судебного и административного контроля за использованием цифровых механизмов [4].

Цифровизация может значительно повысить эффективность работы государственных органов и уровень общественной безопасности, однако без надлежащих юридических рамок она также способна привести к произволу, нарушению конституционных прав и подрыву доверия граждан к государству [5]. В этой связи представляется необходимым разработать и внедрить ряд правовых механизмов и гарантий, обеспечивающих законность, прозрачность и справедливость функционирования цифрового контроля. К числу таких мер относятся:

1. Установление четкой законодательной базы

Первостепенной задачей является законодательное закрепление оснований, пределов, сроков и процедур применения цифровых механизмов контроля за выездом и въездом граждан. Действующее законодательство часто допускает излишне широкие и неопределенные формулировки, что создает риски произвольного ограничения права на свободу передвижения. Необходимо четко установить:

- исчерпывающий перечень оснований для внесения гражданина в реестры с ограничениями на выезд;
- сроки действия ограничений и порядок их продления или досрочного снятия;

- алгоритмы взаимодействия между различными ведомствами в процессе автоматической фиксации и применения запретов;

- правовые последствия включения в такие системы (например, отказ в пересечении границы, уведомление).

2. Введение независимого надзора за цифровыми системами

Для обеспечения законности и защиты прав граждан крайне важно наличие эффективного механизма независимого контроля за функционированием цифровых платформ и баз данных, обрабатывающих информацию, связанную с миграционными ограничениями. Такой контроль могут осуществлять:

- Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации;
- судебные органы (включая обязательный судебный пересмотр при длительном действии запрета);
- независимые экспертные комиссии при Государственной Думе или Совете Федерации;
- общественные наблюдательные советы при федеральных службах.

Наличие внешнего, неподконтрольного исполнительной власти контроля будет способствовать соблюдению принципов правового государства и укреплению доверия общества.

3. Обеспечение права на уведомление и обжалование

Каждое лицо, в отношении которого применены меры цифрового ограничения выезда (например, из-за долгов, обязательств или уголовного преследования), должно быть без промедления уведомлено об этом в доступной форме — через портал Госуслуг, СМС, письмо.

Кроме того, гражданин должен обладать:

- правом на получение мотивированной информации о причинах внесения в базу;
- возможностью оперативного внесудебного обжалования (например, через МВД или ФССП);
- обязательным доступом к судебному обжалованию, где он может представить доказательства своей позиции и добиться отмены незаконного или устаревшего ограничения.

4. Надёжная защита персональных данных и ограничение доступа к информации.

Миграционные, пограничные и долговые данные относятся к категории чувствительных персональных сведений, их неправомерное использование или утечка может привести к серьёзным последствиям для граждан. Поэтому крайне важно:

- зафиксировать в законе, кто, при каких условиях и на каком основании может получать доступ к данным;
- исключить возможность несанкционированного доступа со стороны частных структур или третьих лиц;
- обязать органы государственной власти соблюдать режим кибербезопасности и регулярно проводить аудиты систем;
- предусмотреть персональную ответственность за нарушение режима обработки данных (вплоть до уголовной — в случае утечки из государственных систем).

5. Разработка и принятие единого федерального закона о цифровом миграционном контроле

Для комплексного и последовательного урегулирования всех вопросов, связанных с использованием цифровых технологий в сфере миграции и пограничного контроля, необходимо создание специального правового акта Федерального закона «О цифровом миграционном контроле».

Такой закон должен:

- систематизировать существующие нормативные акты, разрозненные между ведомствами;
- установить единые подходы к цифровой идентификации, обработке миграционных данных, алгоритмам блокировки и разблокировки выезда;

– описать взаимодействие федеральных и региональных органов;

– предусмотреть механизмы межведомственной координации и защиту прав граждан в условиях цифровизации.

Таким образом, развитие цифрового контроля в сфере выезда и въезда является объективной необходимостью современного государства, особенно в условиях растущей миграционной динамики, угроз трансграничной преступности и глобальных эпидемий. Однако, только при наличии полной юридической определенности, прозрачности, судебного и независимого контроля, а также гарантий персональных прав и неприкосновенности данных, цифровизация может служить интересам как государства, так и общества.

Литература:

1. Куреев В. В. Цифровой профиль мигранта и его значение для повышения эффективности производства по делам об административных правонарушениях в сфере миграции населения // Наука. Образование. Современность / Science. Education. The present. 2024. №4. С.22-23.
2. Юдина М. А. Цифровой контроль труда — вызов времени // Государственное управление. Электронный вестник. 2022. №92. С.16.
3. Смирнова Е. Н. Обеспечение соблюдения прав и свобод личности при осуществлении органами исполнительной власти цифрового контроля // ВВ: Административное право и практика администрирования. 2021. №3. С.14-16.
4. Евсикова Е. В. Миграционный учет (контроль): Современные реалии и перспективы развития // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2023. №1. С.34.
5. Лисина Н. С. Цифровая трансформация и общественный контроль: Перспективы влияния // Актуальные проблемы российского права. 2022. №6 (139). С.17-18.

Объективные и субъективные признаки состава государственной измены: вопросы теории и судебной практики

Юртаев Ефим Алексеевич, студент магистратуры
Пензенский государственный университет

В статье проводится комплексный анализ объективных и субъективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 275 УК РФ («Государственная измена»). На основе изучения современных научных позиций и материалов судебной практики выявляются теоретические проблемы квалификации и предлагаются пути их разрешения. Особое внимание уделяется соотношению формальных и материальных признаков деяния, содержанию умысла и дискуссионным вопросам о пределах объекта преступления.

Ключевые слова: государственная измена, объект преступления, субъективная сторона, шпионаж, оказание помощи иностранному государству, судебная практика.

Государственная измена, как преступление против основ конституционного строя и безопасности государства, занимает особое место в системе уголовного права России. Его общественная опасность определяется непосредственным воздействием на фундаментальные интересы государства — суверенитет, территориальную целостность и обороноспособность. Однако юридическая конструкция состава, закрепленная в ст. 275 УК РФ, остается одной из наиболее сложных и дискуссионных

в теории уголовного права [1]. Это обусловлено высокой степенью политизации понятия, изменчивостью его исторического содержания и необходимостью баланса между защитой государственных интересов и гарантиями прав личности. Актуальность исследования обусловлена также эволюцией форм внешнего противодействия, включая цифровые технологии и информационные войны, что требует постоянного соотношения законодательной формулы с реальными угрозами.

Объективная сторона государственной измены характеризуется альтернативностью предусмотренных действий: шпионаж, выдача государственной тайны либо оказание помощи иностранному государству, иностранной организации или их представителям в проведении деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации.

Шпионаж, как наиболее традиционная форма, в соответствии с п. «б» ч. 1 ст. 275 УК РФ, предполагает передачу, а равно сбор, похищение или хранение с целью передачи иностранному государству, организации или их представителям информации, составляющей государственную тайну. Ключевым элементом здесь является предмет деятельности — государственная тайна, перечень которой устанавливается Законом РФ от 21.07.1993 № 5485-1 «О государственной тайне». Судебная практика строго требует установления не только формальной принадлежности информации к указанному перечню, но и реальной ее ценности для безопасности государства. Например, в постановлении по делу № 1–34/2024 Верховный Суд указал, что передача данных о системе административного управления региона не может квалифицироваться как измена, если они не содержат элементов, позволяющих нарушить обороноспособность или экономическую безопасность [2].

Выдача государственной тайны охватывает действия по ее распространению лицам, не имеющим соответствующего разрешения. Сложность квалификации заключается в необходимости доказывания того, что получатель является именно «представителем иностранного государства или организации». В деле № 3–15/2023 Московского городского суда возникла проблема при установлении статуса журналиста международного агентства, который одновременно сотрудничал с разведывательной службой. Суд применил комплексный подход, оценив не только формальный трудовой договор, но и содержание, и регулярность контактов, финансирование и задачи, поставленные перед лицом.

Наиболее проблематичным с точки зрения объективных признаков является третья форма — оказание помощи иностранному государству в деятельности против безопасности РФ. Диспозиция статьи носит описательный характер, что создает широкие возможности для интерпретации.

Судебная практика последних пяти лет демонстрирует тенденцию к расширительному толкованию. В частности, помощь может включать:

— участие в создании и распространении пропагандистских материалов, направленных на дискредитацию органов власти в период международных конфликтов (дело № 2–78/2022 Санкт-Петербургского городского суда);

— разработку алгоритмов для анализа открытых данных с целью определения слабых звеньев в системе государственного управления для иностранного клиента (дело № 4–5/2025 Верховного Суда).

Однако эта тенденция порождает риски смешения государственной измены с менее тяжкими преступлениями, например, с разглашением государственной тайны (ст. 283 УК РФ) или с пособничеством в осуществлении экстремистской деятельности. Статистика Судебного департамента показывает, что количество возбужденных дел по ст. 275 УК РФ остается низким (в среднем 12–15 в год), но процент их доведения до суда высок (около 85 %), что свидетельствует о тщательной фильтрации на стадии предварительного расследования [1].

Субъективная сторона государственной измены характеризуется исключительно прямым умыслом. Лицо должно сознавать общественную опасность своих действий, предвидеть возможность или неизбежность причинения ущерба безопасности государства и желать этого. Именно содержание желания составляет центральную проблему теоретического анализа.

В классической интерпретации, целью измены является ослабление или разрушение собственного государства в интересах другого государства. Однако современные условия требуют учета более сложных мотивационных схем:

1. Идеологическим — основанным на убеждении в неправомерности политического курса своей страны и желании способствовать его изменению через внешнее вмешательство.

2. Прагматическим — направленным на получение материального вознаграждения или иной личной выгоды (карьера, безопасность) без глубокой идеологической подоплеки.

3. Комплексным — сочетающим элементы обеих моделей.

Судебная практика требует доказывания не только общего умысла на совершение действий, но и конкретной направленности их против безопасности России. Это создает высокие стандарты для органов расследования. Например, в одном из резонансных дел (№ 1–9/2021) обвинение не смогло доказать, что ученый, передавший иностранной компании данные о климатических изменениях в Арктике, сознавал их использование для планирования экономического давления на РФ. Суд установил, что основной мотив ученого был академическим — публикация в престижном журнале, а не подрыв государственной безопасности.

Сложность квалификации государственной измены часто возникает на стыке объективных действий и субъективного их восприятия. Одна из ключевых проблем — разграничение измены и разглашения государственной тайны (ст. 283 УК РФ). Объективно действия могут выглядеть идентичными — передача секретной информации. Однако субъективная сторона кардинально отличается: для разглашения может быть достаточно косвенного умысла или даже неосторожности, а мотив часто бывает личным (обида, желание выделиться). Для измены обязательен прямой умысел именно на оказание помощи иностранному государству. В практике это приводит к необходимости глубокого психологического анализа личности

обвиняемого, изучения его контактов, финансовых потоков и долгосрочных поведенческих паттернов.

Другой проблемный аспект — определение момента окончания преступления. Формально выдача тайны или оказание помощи считаются оконченными с момента совершения действия. Однако если помощь оказывается в форме консультаций или стратегического планирования, результат может быть отдаленным. Некоторые теоретики предлагают рассматривать такие случаи как длящиеся преступления, где измена продолжается до момента прекращения контактов или раскрытия деятельности. Судебная практика пока не выработала единого подхода: в некоторых делах момент окончания связывается с первой передачей информации, в других — с получением иностранным государством конкретного результата.

Статистический анализ показывает, что основные трудности в доказывании связаны именно с субъективной стороной. По данным исследования, проведенного Институтом законодательства и сравнительного правоведения, в 40 % случаев прекращения дел по ст. 275 УК РФ причина заключалась в невозможности установить прямой умысел, направленный именно против безопасности России, а не, например, против конкретного политического режима или группы лиц [1].

Государственная измена остается одним из наиболее сложных составов преступлений в уголовном праве России, требующим тонкого баланса между защитой национальной безопасности и принципами юридической определенности. Объективные признаки, особенно формула «оказание помощи», нуждаются в дальнейшем законодательном или, на крайней мере, судебном толковании для предотвращения чрезмерно широкого применения. Субъективная сторона, требующая доказательства прямого умысла именно на деятельность против безопасности государства, устанавливает высокий стандарт для органов расследования и служит важным фильтром против необоснованного расширения статьи.

Судебная практика последних лет демонстрирует движение к более детальному анализу мотивации и контекста действий, что соответствует принципу индивидуализации уголовной ответственности. Однако сохраняется потребность в дальнейших теоретических разработках, особенно в области цифровых форм оказания помощи и психологии мотивации в условиях информационного общества. Развитие четких, но гибких критериев дифференциации измены от менее тяжких преступлений будет способствовать как эффективности защиты государственных интересов, так и справедливости правоприменения.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Федеральный закон от 21.07.1993 № 5485-1 «О государственной тайне» (ред. от 28.18.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1993. — № 41. — Ст. 4669.
3. Горелик И. И. Политические преступления в современном уголовном праве: теория и практика. — М.: Норма, 2023. — 256 с.
4. Иногамова-Хегай Л. В. Длящиеся преступления в системе уголовного права // Журнал российского права. — 2025. — № 2. — С. 150–162.
5. Исследование Института законодательства и сравнительного правоведения «Проблемы квалификации преступлений против безопасности государства». — М., 2024. — 120 с.
6. Кашепов В. П. Проблемы субъективной стороны особо тяжких преступлений // Государство и право. — 2023. — № 11. — С. 199–210.
7. Наумов А. В., Дьяков С. В. Преступления против государства: монография. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2022. — 415 с.
8. Россинская Е. Р. Мотив и цель в составе государственной измены: современные интерпретации // Вестник уголовного права. — 2024. — № 4. — С. 89–97.
9. Статистический отчет Судебного департамента при Верховном Суде РФ «Состояние судимости по отдельным категориям преступлений за 2023–2024 годы». — М., 2025. — URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 12.03.2026).
10. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. А. И. Рагога. — М.: Проспект, 2024. — 680 с.

Государственная измена как угроза национальной безопасности: уголовно-правовой аспект

Юртаев Ефим Алексеевич, студент магистратуры
Пензенский государственный университет

В статье исследуется феномен государственной измены в контексте современных угроз национальной безопасности через призму уголовно-правового регулирования. Анализируется эволюция состава преступления, его место в системе безопасности государства, а также эффективность норм статьи 275 УК РФ в современных условиях. Особое внимание уделяется соотношению охранительной и превентивной функций уголовного закона, проблемам квалификации и данным судебной статистики.

Ключевые слова: национальная безопасность, государственная измена, уголовно-правовая защита, шпионаж, статья 275 УК РФ, судебная практика, государственная тайна.

Понятие национальной безопасности, закрепленное в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [1], представляет собой сложный, многогранный конституционно-правовой институт. Его ядром является защита суверенитета, территориальной целостности и конституционного строя от внешних и внутренних угроз. В системе этих угроз преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, и в первую очередь государственная измена, занимают особое место, поскольку их общественная опасность проистекает из прямого посягательства на высшие ценности, охраняемые государством. Актуальность исследования обусловлена стремительной трансформацией форм и методов деятельности, направленной против безопасности государства, в эпоху цифровизации, гибридных конфликтов и информационного противоборства. Эти изменения требуют постоянной рефлексии относительно адекватности классических уголовно-правовых конструкций новым вызовам. Целью настоящей работы является комплексный анализ государственной измены как угрозы национальной безопасности, оценка действующей уголовно-правовой нормы и выявление проблем правоприменения.

Исторически измена трактовалась как высшее преступление, посягающее на саму персону монарха или верховную власть. В советский период акцент сместился на защиту государственных интересов и социалистического строя от посягательств «агентов империализма». Современная правовая доктрина, рассматривает государственную измену как умышленное деяние гражданина России, наносящее ущерб внешней безопасности страны в формах, строго описанных в законе [2]. Ключевым отличием от смежных составов (шпионажа в пользу иностранной организации, разглашения государственной тайны) является субъект — только гражданин России, чья конституционная обязанность включает верность государству.

Угроза национальной безопасности, исходящая от данного преступления, носит комплексный и стратегический характер. Она проявляется не только в возможном непосредственном ущербе (утрата секретной информации, срыв операций), но и в:

1. Подрыве доверия внутри государственного аппарата и общества.
2. Создании долгосрочных рисков для обороноспособности и экономической самостоятельности.
3. Ослаблении международных позиций государства, его переговорного потенциала.

Эксперты из Института законодательства и сравнительного правоведения подчеркивают, что в XXI веке изменилась сама «архитектура» измены: на смену единичным агентам-нелегалам все чаще приходят сетевые структуры, а предметом посягательства становятся не только сведения, формально отнесенные к гостайне, но и критически важные технологические разработки, персональные данные лиц, принимающих решения, и стратегические аналитические продукты [3].

Норма статьи 275 Уголовного кодекса Российской Федерации [4] выступает основным правовым инструментом нейтрализации рассматриваемой угрозы. Объективная сторона представлена альтернативными деяниями: шпионаж, выдача государственной тайны либо иное оказание помощи иностранному государству, международной или иностранной организации в проведении враждебной деятельности против РФ.

Спорным в доктрине остается толкование термина «иное оказание помощи». Представители формально-юридического подхода настаивают на необходимости тесной связи оказываемой помощи с конкретными враждебными актами, уже ведущимися или планируемыми иностранным государством [5]. Судебная практика последних лет, как следует из обзора Верховного Суда РФ за 2023 год [7], склоняется ко второй позиции, квалифицируя как измену систематическое предоставление иностранной разведке аналитических справок по социально-политической ситуации в регионах, что способствует формированию антироссийских санкционных пакетов.

Субъективная сторона характеризуется исключительно прямым умыслом. Это создает высокий порог доказывания: необходимо установить, что виновный не просто сознавал характер своих действий, но и желал именно оказать помощь в проведении деятельности, направленной против безопасности России. Мотивы (корысть,

идеологические убеждения, шантаж) на квалификацию не влияют, но имеют значение для индивидуализации наказания и понимания природы угрозы. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2022–2024 годах ежегодно осуждалось по ст. 275 УК РФ от 12 до 20 человек, при этом в 70 % рассмотренных дел фигурировали обвинения в «ином оказании помощи», а не в классическом шпионаже [8]. Эта статистика косвенно свидетельствует об эволюции форм угрозы.

Несмотря на кажущуюся простоту диспозиции, применение ст. 275 УК РФ сопряжено со значительными сложностями, которые могут ослаблять эффективность противодействия угрозе.

Во-первых, существует проблема демаркации измены от смежных составов. Грань между «выдачей государственной тайны» (измена) и «разглашением государственной тайны» (ст. 283 УК РФ) часто проходит лишь в субъективной стороне — наличии цели помочь иностранному государству. На практике это приводит к тяжёлым следственным действиям по установлению круга общения, анализа переписки и финансовых операций обвиняемого для выявления его истинных намерений.

Во-вторых, дискуссионным остается вопрос о моменте окончания преступления в случае «иного оказания помощи». Если помощь носит континуальный характер (например, регулярное консультирование), является ли преступление длящимся или каждое действие образует самостоятельный состав. От решения этого вопроса зависит как подследственность, так и применение сроков давности.

В-третьих, существует коллизия между необходимостью защиты государственных интересов и гарантиями прав личности. Широкое толкование «иного оказания помощи» создает риски избыточного уголовного преследования за действия, имеющие двойной, легитимный характер (научное сотрудничество, журналистские расследования). Сбалансировать эти интересы призвана строгая процедура санкционирования следственных действий и судебный контроль, однако, как отмечает уполномоченный по правам

человека в РФ, дела по ст. 275 УК РФ почти всегда рассматриваются в закрытых судебных заседаниях, что ограничивает возможности общественного контроля [10].

Эффективность уголовно-правовой нормы как инструмента противодействия угрозе нельзя оценить лишь по цифрам судимости. Ее превентивная (предупредительная) функция зачастую важнее карательной. Само наличие строгой санкции (лишение свободы на срок от 12 до 20 лет) и широких полномочий спецслужб служит сдерживающим фактором. Однако эксперты сходятся во мнении, что в современных условиях требуется не ужесточение наказания, а большая правовая определенность. Внесение в закон или официальное толкование Верховным Судом примерного перечня деяний, которые могут быть квалифицированы как «иное оказание помощи», способствовало бы большей предсказуемости правоприменения и укреплению законности.

Государственная измена сохраняет свой статус одной из наиболее серьезных угроз национальной безопасности, эволюционируя вместе с технологиями и методами межгосударственного противоборства. Уголовно-правовая норма, закрепленная в ст. 275 УК РФ, остается основным инструментом противодействия этой угрозе, однако ее применение требует тонкого баланса между интересами безопасности и правами человека.

Анализ показывает, что современная судебная практика адаптирует классический состав к новым реалиям, расширительно толкуя «иное оказание помощи». Это, с одной стороны, позволяет реагировать на нетрадиционные формы подрывной деятельности, а с другой — создает риски неопределенности и потенциального произвола.

Только строгое, но гибкое правоприменение, основанное на четком понимании сути угрозы, позволит норме об измене эффективно выполнять свою охранительную функцию, не превращаясь в инструмент для решения внеправовых задач. Угроза национальной безопасности требует адекватного правового ответа, который сам должен быть безопасен для правовых основ государства.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2021. — № 27 (ч. II). — Ст. 5351.
3. Федеральный закон от 21.07.1993 № 5485–1 «О государственной тайне» (ред. от 28.18.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1993. — № 41. — Ст. 4669.
4. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2023 год // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в РФ. — 2024. — URL: <http://ombudsmanrf.org> (дата обращения: 12.03.2026).
5. Иногамова-Хегай Л. В. Длящиеся преступления в уголовном праве России: проблемы теории и практики // Журнал российского права. — 2024. — № 5. — С. 85–98.
6. Наумов А. В., Кашепов В. П. Уголовное право России. Особенная часть: учебник. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Эксмо, 2023. — 848 с.
7. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам о преступлениях против государственной власти (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.10.2023) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2024. — № 1.

8. Преступления против государственной власти: монография / отв. ред. А. С. Подшибякин. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения, 2022. — 256 с.
9. Судебная статистика: Состояние судимости в России за 2022–2024 годы: стат. сборник / Судебный департамент при Верховном Суде РФ. — М., 2025. — URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 12.03.2026).
10. Тяжкова И. М. Курс уголовного права. В 5 т. Т. 4: Особенная часть. — М.: Проспект, 2022. — 496 с.

Государственная служба: понятие, система и правовые основы

Яковенко Сергей Николаевич, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье раскрываются теоретические и нормативно-правовые основы государственной службы. Автором уделено внимание отдельным недостаткам действующего российского законодательства в исследуемой сфере, предложены рекомендации по их разрешению.

Ключевые слова: военная служба, государственный аппарат, государственная служба, правоохранительная служба, принцип, сфера.

Актуальность выбранной темы заключается в том, что институт государственной службы является одним из основных правовых институтов, направленных на эффективное государственное управление. Реализация рассматриваемого правового института осуществляется через систему служебных прав и обязанностей государственных служащих. Результативность деятельности государственного механизма во многом зависит от эффективности функционирования института государственной службы [3, с. 447].

Понятие «государственная служба» закреплено как на законодательном уровне, так и является предметом доктринальных исследований.

Официальное определение рассматриваемого термина представлено в ст. 1 ФЗ от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» [2] (далее — Закон № 58-ФЗ).

Рассматриваемый правовой институт также является предметом научных исследований. Большинство ученых разделяют подход законодателя к решению исследуемого вопроса. Однако, некоторые авторы рассматривают государственную службу через специфический вид трудовой деятельности [6, с. 109]. Некоторые представители научного сообщества в качестве отличительного признака исследуемого термина выделяют публично-правовой характер деятельности, в рамках которой осуществляется взаимодействие между государством и гражданином [4, с. 29]. Другие ученые конкретизируют рассматриваемое понятие, закрепленное на законодательном уровне, через повышенный характер ответственности государственных служащих, через дополнительные запреты и ограничения, налагаемые законом на них. Также в числе характерных признаков государственной службы можно выделить ее стабильный характер [3, с. 447].

В основе эффективного функционирования правового института государственной службы находится система принципов.

Под принципами понимаются основополагающие начала, на которых базируется деятельность государственных органов. Соблюдение данных принципов является обязательным.

Принципы государственной службы урегулированы в рамках ФЗ от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [1] (далее — Закон № 79-ФЗ).

Вышеуказанные принципы законодателем раскрываются в рамках ст. 4.

По результатам анализа данной статьи закона можно прийти к выводу о том, что система принципов государственной гражданской службы раскрывается посредством перечисления ее отдельных элементов. При этом, вне поля зрения законодателя осталась сама дефиниция рассматриваемого понятия, в чем нами усматривается недостаток действующего законодательства в исследуемой сфере, нуждающийся в разрешении. Ст. 4 Закона № 79-ФЗ необходимо дополнить примечанием в следующей редакции: «Под принципами государственной гражданской службы понимаются основополагающие начала, которые определяют правовые, организационные и финансово-экономические основы профессиональной служебной деятельности граждан на должностях гражданской службы».

Государственная служба представляет собой организованную систему, составные элементы которой раскрываются в ст. 2 Закона № 58-ФЗ. В числе таких элементов законодателем выделены: государственная гражданская служба, военная служба, государственная служба иных видов.

Первый вид государственной службы подразделяется на федеральную и гражданскую службу субъекта РФ.

Вышеуказанная классификация видов представлена в учете поправок, внесенных в Закон № 58-ФЗ, в 2015 г. До вышеуказанных изменений, наряду с гражданской и военной службой, законодатель выделял правоохранительную службу. Последний вид рассматриваемого вида

службы был только федеральным. Однако, в 2015 г. законодателем в вопросе регламентации исследуемого правового института, был избран расширительный подход. Вместо правоохранительной службы в качестве самостоятельного вида государственной службы была выделена государственная служба иных видов.

Однако, такой подход законодателя не был разделен всеми представителями научного сообщества. Некоторые авторы указывали на необходимость более точной конкретизации рассматриваемого вида государственной службы [5, с. 198].

Президиум Верховного Суда РФ в одном из своих обзоров указал на отдельные виды федеральной государственной службы. При этом, за основу при такой классификации были выделены конкретные государственные органы, в которых осуществляется прохождение государственной службы соответствующего вида [7].

Как нами ранее было установлено, одним из наиболее дискуссионных видов государственной службы является государственная служба иных видов. Данный вид государственной службы неоднозначно оценивается в научной среде. На наш взгляд, спорный характер рассматриваемого

вопроса может быть устранен посредством внесения соответствующих дополнений в Закон № 58-ФЗ. Данный закон целесообразно дополнить ст. 2.1 «Государственная служба иных видов», в рамках которой необходимо раскрыть как официальную дефиницию рассматриваемого понятия, так и конкретные виды, признаваемые законодателем в качестве государственной службы иных видов.

Дискуссионный характер исследуемого вида государственной службы может быть также устранен посредством разработки и принятия специального закона — Федерального закона «О государственной службе иных видов».

Таким образом, государственная служба является одним из основных правовых институтов, обеспечивающих эффективное функционирование всего государственного аппарата. В этой связи, законодателем уделяется пристальное внимание вопросам его нормативно-правового регулирования. В рамках проведенного исследования нами были выявлены отдельные недостатки и пробелы действующего российского законодательства в части регулирования института государственных службы и предложены рекомендации по их разрешению.

Литература:

1. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2004. — № 31. — Ст. 3215.
2. Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» (ред. от 29.09.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2023. — № 22. — Ст. 2063.
3. Кашапов В. Р. Понятие и признаки государственной службы в Российской Федерации // Вопросы российской юстиции. — 2024. — Вып. 30. — С. 447–452.
4. Керамова С. Н. Государственная служба России и зарубежных стран: сравнительно-правовой анализ // Евразийский Союз Ученых. — 2020. — № 4 (73). — С. 29–35.
5. Майстренко А. Г. Правовое регулирование государственной службы в России и пути его совершенствования // Право и управление. — 2022. — № 11. — С. 198–207.
6. Нурдинова З. Р. Проблемы формирования института государственной службы в России // Теория и практика современной науки. — 2024. — № 6 (108). — С. 109–124.
7. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прохождением службы федеральными государственными служащими (сотрудниками органов внутренних дел, сотрудниками органов уголовно-исполнительной системы, сотрудниками Следственного комитета Российской Федерации, сотрудниками иных органов, в которых предусмотрена федеральная государственная служба) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 15.11.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2017. — № 22.

ИСТОРИЯ

Плакаты Министерства информации Великобритании как средство ведения военной пропаганды в годы Второй мировой войны

Лукина Екатерина Александровна, аспирант
Белорусский государственный университет (г. Минск, Беларусь)

Макаренко Маргарита Сергеевна, студент
Минский филиал Белорусского торгового-экономического университета потребительской кооперации (Беларусь)

В статье раскрывается область применения плакатов, выпускаемых Министерством информации Великобритании в период Второй мировой войны. Центральным предметом анализа выступает содержание пропагандистских материалов, которые циркулировали в доминионах и союзнических странах.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Великобритания, военная пропаганда, Министерство информации, плакаты.

Период Второй мировой войны ознаменовался активным использованием масштабных пропагандистских кампаний всеми участниками конфликта. Особую роль в этом процессе сыграли такие страны, как Великобритания, Германия, Советский Союз и Соединенные Штаты Америки. Британская военная пропаганда выделялась своей сложно организованной структурой, функционируя посредством налаженной системы сбора и трансляции информации. Одним из центральных элементов данного пропагандистского аппарата в период войны являлось Министерство информации.

В современной российской литературе значительно раскрыта деятельность министерства, особенно в контексте формирования отношений с британскими периодическими изданиями. Отмечается, что на начальном этапе Второй мировой войны деятельность данного ведомства характеризовалась недостаточной степенью координации, что выражалось в периодических столкновениях редакций газет с представителями министерства из-за задержек в предоставлении требуемой информации. Примером такого рода исследований может служить работа В. В. и А. К. Малаховских [1].

Английская историография включает в себя множество работ, посвященных данной проблематике. Особое внимание в британских исследованиях уделяется критическому анализу функционирования Министерства информации, в частности, его роли в налаживании сотрудничества с Европейской службой ВВС. В качестве иллюстративных примеров можно привести труды таких британских исследователей, как Валери Холман [2] и Кэтрин Хауэллс [3].

Настоящая работа опирается на визуальные источники, хранящиеся в коллекциях Императорского военного музея. Целью исследования является анализ процесса создания пропагандистских плакатов Министерством информации в период 1939–1945 гг.

Ключевой задачей Министерства информации, воссозданного в 1939 г., было формирование благоприятного общественного мнения с целью укрепления внутренней стабильности государства и мобилизации граждан на поддержку фронта посредством добровольческого движения и оказания материальной помощи. Данная деятельность осуществлялась посредством производства и распространения пропагандистских материалов, таких как листовки, плакаты и брошюры. Разработкой которых занимались следующие инстанции министерства: политический и исполнительный комитеты, а также консультативный комитет художников. В свою очередь комитет художников сотрудничал с Департаментом служб и прочими государственными ведомствами. Его роль заключалась в предоставлении рекомендаций по отбору художников для выполнения задач военного характера, а также по вопросам их профессиональной занятости. Кроме того, комитет оказывал консультативную поддержку по аспектам, затрагивающим авторские права, утилизацию и организацию выставок готовых работ, а также публикацию репродукций и плакатов [4].

Содержание агитационных плакатов формировалось под влиянием проводимой политики британского правительства, а также с учетом текущей ситуации на фронтах. На начальном этапе военных действий основная задача пропагандистских материалов заключалась в вербовке граждан на военную службу. Данные материалы пред-

назначались для широкой аудитории, включая не только мужчин, но и женщин, пригодных к добровольной службе. В качестве примера можно привести плакат «Поддержите боевые силы» 1940 г. На котором изображены представи-

тели пехотных войск, военно-морского флота, Королевских ВВС Великобритании, что представляло собой обращение к общественности с просьбой оказать содействие британским вооруженным силам см. рис. 1.

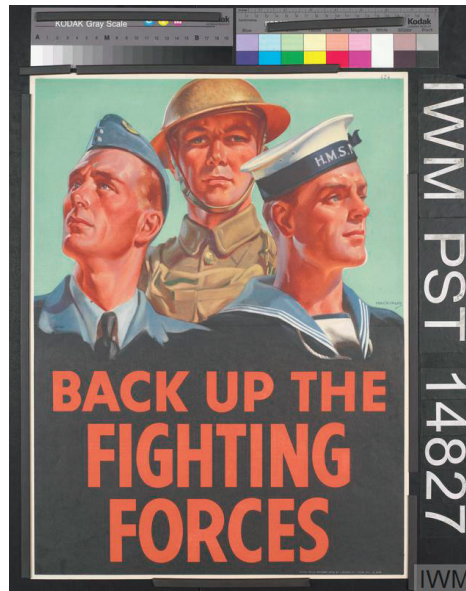

Рис. 1. Плакат «Поддержите боевые силы» 1940 г. [5]

Значительное внимание Министерством информации уделялось пропагандисткой деятельности в доминионах. Приоритетной задачей данного направления британской военной пропаганды было стимулирование перевода экономики колоний на военные рельсы, включая сельское хозяйство и промышленность. Реализация данного направления осуществлялась в тесном сотрудничестве с Министерством по делам Индии и Бирмы, а также другими профильными

ведомствами. Это наглядно продемонстрировано на одном из плакатов серии Нани Джон «Помогите Вест-Индии работать ради Победы», посвященный сахарным плантациям. На изображении представлены три работника Вест-Индии, занятых уборкой сахарного тростника в поле, а четвертый рабочий, расположенный в левой части переднего плана, переносит срезанный урожай см. рис. 2, что служит символом сложной ситуации, сложившейся в этом регионе.

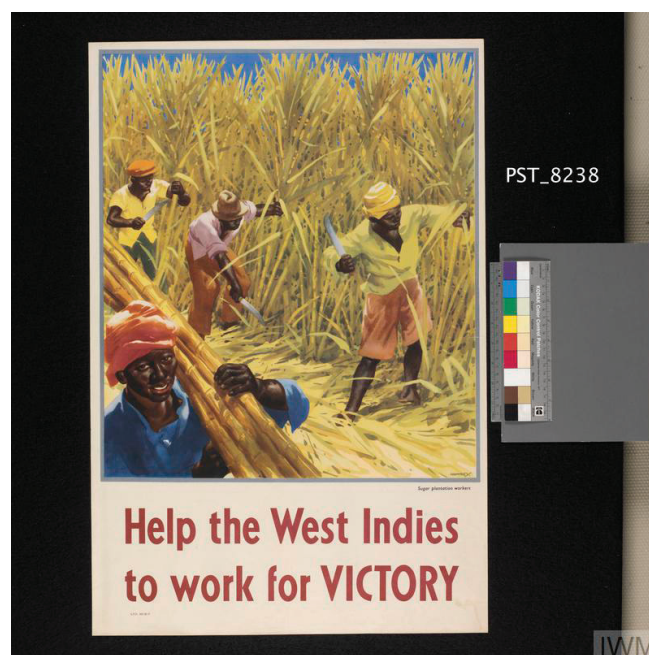

Рис. 2. Плакат из серии «Помогите Вест-Индии работать ради Победы» [6]

Подобные информационные материалы предназначались для мобилизации финансовых ресурсов в пользу нужд Индии, а также для поддержки фронтовых операций. Параллельно, для стимулирования и установления прочных экономических взаимоотношений с промышленной элитой Великобритании, осуществлялась демонстрация достижений на профильных выставках, посвященных колониям.

Министерство информации разрабатывало материалы, ориентированные также на союзнические страны, в особенности Советский Союз и Францию. Их ключевой темой являлось освещение гуманитарной и военной поддержки, оказываемой Великобританией. Наглядным примером служит агитационный плакат «Мы тоже сражаемся за наше будущее» см. рис. 3.

Рис. 3. Плакат «Мы также боремся за наше будущее» [7]

На нем изображена женщина-ученый в лабораторном халате, проводящая научный эксперимент. Текст на плакате гласит: “Мы помогаем создавать больше смертоносных бомб и оружия. Мы помогаем спасать жизни и обеспечивать здоровье раненым. Мы работаем день и ночь, чтобы фашизм был раздавленным, а человечество освобожденным. И после мира мы будем работать с нашими храбрыми братьями и сестрами из СССР, чтобы сделать мир лучше для себя и наших детей. Подпись: Молодые учёные Британии”. Что подчёркивает установление прочных отношений между Великобританией и СССР в годы Второй мировой войны, выходящих за рамки исключительно политического сотрудничества и охватывающих другие сферы взаимодействия.

Эффективность агитационных материалов анализировалась путём проведения социальных исследований, организованных Министерством информации. Результаты показали, что плакаты, адресованные массовой аудитории, воспринимались преимущественно как развлекательный контент. В начальный период Второй мировой войны на ряде территорий Великобритании фиксировалось общественное недовольство, связанное с применением целевых пропагандистских плакатов, поскольку их необходимость ставилась под сомнение в условиях ши-

рокого распространения радиотрансляций на производственных объектах [8].

В заключении можно сделать вывод о том, что производством пропагандистских плакатов в Министерстве информации занимались политический, исполнительный комитеты и консультативный комитет художников. Пропагандистская работа была ориентирована на Великобританию, её доминионы, а также на союзные страны, в первую очередь Советский Союз и Францию. Ключевой задачей являлось формирование благоприятного общественного мнения с целью укрепления внутренней стабильности государства и мобилизации граждан на поддержку фронта посредством добровольческого движения и оказания материальной помощи. Результативность использования плакатов существенно зависела от их тематики и сферы распространения; наибольшей популярностью среди граждан пользовались материалы развлекательной направленности. Тем не менее, данный формат пропаганды сохранял значительное влияние, о чём свидетельствует не только непрерывность его производства на протяжении войны, но и расширение тематического охвата от сугубо военных вопросов до проблем здравоохранения и социальной сферы.

Литература:

1. Малаховская, В. В. Британские СМИ в период Второй мировой войны: особенности функционирования / В. В. Малаховская, А. К. Малаховский. — Текст: непосредственный // Манускрипт. — 2019. — № 12, № 1. — С. 66–72.
2. Holman Carefully Concealed Connections: The Ministry of Information and British Publishing, 1939–1946 / Holman, Valerie. — Текст: непосредственный // Book History. — 2005. — № 8. — С. 197–226.
3. Howells Imagining Self, Nation and History Through the Wartime Propaganda Posters of the Ministry of Information / Howells, M. K. — Текст: непосредственный // The International Journal of the Image. — 2019. — № 10(1). — С. 27–46.
4. Committees on which this Ministry is represented. — Текст: электронный // moidigital.ac.uk: [сайт]. — URL: <https://moidigital.ac.uk/reports/wartime-social-survey/the-social-survey-rg-23-19/idm140133741041744/?hl=film&operator=or> (дата обращения: 24.01.2026).
5. Back Up the Fighting Forces. [Изоматериал]: [плакат]. — Текст: электронный // iwm.org.uk: [сайт]. — URL: <https://www.iwm.org.uk/collections/item/object/17263> (дата обращения: 01.02.2026).
6. Nunney Help the West Indies to Work for Victory — Sugar Plantation Workers [Изоматериал]: [плакат] / Nunney. — Текст: электронный // iwm.org.uk: [сайт]. — URL: <https://www.iwm.org.uk/collections/item/object/20445> (дата обращения: 25.02.2026).
7. My Tozhe Boremsya za Nashe Budushcheye [We Too Are Fighting For Our Future]. [Изоматериал]: [плакат]. — Текст: электронный // iwm.org.uk: [сайт]. — URL: <https://www.iwm.org.uk/collections/item/object/29155> (дата обращения: 15.02.2026).
8. Public opinion on the present crisis. — Текст: электронный // moidigital.ac.uk: [сайт]. — URL: <https://moidigital.ac.uk/reports/home-intelligence-reports/morale-summaries-of-daily-reports-part-b-inf-1264/idm140465682739888/?hl=posters&operator=or> (дата обращения: 10.03.2026).

Влияние деятельности Главсевморпути на социальнокультурное развитие малочисленных народов Севера Якутии (1932–1941 гг.)

Федорова Туйаара Денисовна, студент магистратуры
Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова (г. Якутск)

Статья посвящена анализу влияния деятельности Главного управления Северного морского пути (ГУСМП, Главсевморпуть) на социально-культурное развитие арктических районов Якутии в 1932–1941 гг. с особым акцентом на трансформацию традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера (КМНС). С одной стороны, наблюдаются положительные инфраструктурные и социальные изменения. С другой — происходит утрата элементов традиционного уклада и усиливается социальная напряженность.

Ключевые слова: Главное управление Северного морского пути, ГУСМП, Главсевморпуть, Северный морской путь, Арктический регион, коренные малочисленные народы Севера

The Impact of Glavsevmorput's Activities on the Socio-Cultural Development of the Indigenous Peoples of Northern Yakutia (1932–1941)

This article analyses the impact of the activities of the Main Directorate of the Northern Sea Route (GUSMP, Glavsevmorput) on the socio-cultural development of the Arctic regions of Yakutia between 1932 and 1941, with a particular focus on the transformation of the traditional way of life of the indigenous small-numbered peoples of the North (ISPN). On the one hand, positive infrastructural and social changes are observed. On the other hand, elements of the traditional way of life are being lost and social tensions are intensifying.

Keywords: Northern Sea Route Administration, GUSMP, Glavsevmorput, Northern Sea Route, Arctic region, Indigenous Minorities of the North

Объектом исследования является деятельность ГУСМП в районах традиционного расселения КМНС на территории северных улусов Якутии в 1932–1941 гг. **Предметом** исследования выступает влияние этой дея-

тельности на социальнокультурное развитие коренного населения. Методологическая основа включает историко-генетический подход с элементами сравнительного анализа переписей населения и демографических данных, что

позволяет реконструировать процессы. **Актуальность.** Актуальность нашего исследования связана с тем, что в современный период развитие Арктической зоны Российской Федерации сопровождается активизацией промышленного освоения, ростом транзитного потенциала Северного морского пути и одновременным усилением внимания к правам, традиционному образу жизни и культурной самобытности коренных малочисленных народов Севера. Тем более, что федеральные и региональные стратегии развития, включая Концепцию устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации до 2036 года, принятую постановлением Правительства РФ от 8 мая 2025 г. № 1161-р, а также национальные цели развития России до 2030 года и на последующие годы (Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309) и другие государственные программы акцентируют внимание на необходимости гармоничного сочетания экономического прогресса с сохранением культурного наследия и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов.

В условиях современных вызовов исследования советской политики в арктических районах Якутии в довоенный период (1932–1941 гг.) становятся особенно значимыми. Именно в этот период, под руководством ГУСМП, наряду с активным промышленным освоением и развитием транспортной системы, происходило интенсивное формирование производственной инфраструктуры и преобразование населённых пунктов, что сопровождалось существенными демографическими сдвигами [2, с. 78; 8, с. 39].

Проблематика деятельности Главного управления Северного морского пути (ГУСМП, Главсевморпуть) и её влияния на социально-культурное развитие северных районов Якутии в 1932–1941 гг. достаточно широко отражена в отечественной историографии, однако специальных исследований, посвящённых именно трансформации традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера (КМНС) Якутии под воздействием ГУСМП, до сих пор крайне мало. Фундаментальным и наиболее полным исследованием по теме остаётся монография С. И. Бояковой «Главсевморпуть в освоении и развитии Севера Якутии (1932 — июнь 1941 г.)» [2]. Автор на основе архивных документов подробно раскрывает хозяйственную деятельность ГУСМП: создание полярных станций, факторий, совхозов, организацию морских перевозок. Особое внимание уделяется противоречиям культурной политики — формальному вовлечению КМНС в просвещение при сохранении приоритета экономических задач [2 с. 82–91].

Другие работы несут более общий или вспомогательный характер. П. А. Филин в статье «Главное управление Северного морского пути в истории управления Арктикой» рассматривает административные и управленческие функции ГУСМП в общесоюзном масштабе [16]. А. И. Тимошенко в исследовании «Советский опыт мобилизационных решений в освоении Арктики и Север-

ного морского пути в 1930–1950-е гг.» акцентирует внимание на мобилизационном характере политики 1930-х годов [15]. Важным дополнением стала статья Е. В. Полянского «Политуправление и система политотделов в структуре Главного управления Северного морского пути (1930-е гг.): характер и особенности работы» [11]. Автор анализирует роль Политического управления ГУСМП как инструмента партийного контроля, идеологического воспитания, кадрового отбора и подготовки репрессивных кампаний 1937–1938 гг. Полянский подчёркивает, что политотделы создали параллельную партийную структуру, независимую от региональных органов, и способствовали «советизации» Арктики, хотя и с минимальным вниманием к этнокультурной специфике КМНС.

В 2023 г. вышла междисциплинарная коллективная монография «Северные морские пути России» под редакцией В. В. Васильевой и К. А. Гавриловой [13]. Работа предлагает антропологический, исторический и экономико-географический взгляды на феномен Севморпути как «множественных путей». Исторический блок присутствует, однако основной акцент сделан на постсоветском периоде, социальных представлениях и современных инфраструктурных моделях. Для узкой темы социально-культурного воздействия ГУСМП на КМНС Якутии в 1930-е годы монография имеет вспомогательное значение.

К началу 1930х гг. арктические районы Якутии относились к наименее освоенным территориям СССР, что определялось сочетанием экстремальных природно-климатических условий, низкой плотностью населения и полным отсутствием транспортной инфраструктуры [1, с. 59]. Коренные малочисленные народы Севера Якутии отличались разнообразием хозяйственно-культурных типов, что делало унифицированный подход ГУСМП проблематичным. Такое разнообразие укладов (кочевой, полукочевой, смешанный) приводило к тому, что меры ГУСМП, ориентированные на плановые заготовки и оседлость, часто разрушали традиционные циклы миграций и пастбищного использования [1, с. 82–91].

До 1930-х годов социальная сфера в арктических регионах находилась в кризисном состоянии. Всесоюзная перепись 1926 гг. зафиксировала крайне низкую грамотность тунгусоязычного населения (эвенки, эвены) — 0,3–0,5 % в Колымском округе; в ряде кочевых наслегов грамотность вообще не фиксировалась из-за отсутствия постоянного населения и школ [3, с. 182–187]. Перепись 1939 г. не содержит в открытых материалах детальной этнической разбивки грамотности по северным улусам Якутии (Булунский, Верхоянский, Нижнеколымский и др.). Общий рост грамотности в ЯАССР произошёл преимущественно за счёт пришлого населения (русские, украинцы и др.), занятого на строительстве и в совхозах. В арктических районах, где сохранялся кочевой образ жизни, и школы создавались поздно, показатели оставались крайне низкими [4]. Перепись 1937 г. фиксировала только общую численность и спецконтингенты (ГУЛАГ), без разбивки по грамотности КМНС [4, 2]. Сни-

жение численности коренного населения 1939 г. по сравнению с 1926 г., объясняется миграциями, переучётом и включением части населения спецконтингенты, а не естественной убылью. Детальной этнической статистики грамотности по КМНС в 1939 г. в открытых источниках имеющиеся данные ограничены; рост шёл за счёт пришедших [5; 6]. Постановление ЦИК и СНК СССР 1935 г. «О мероприятиях по хозяйственному и культурно-бытовому обслуживанию народов Севера» и передача Института народов Севера ГУСМП формально открывали путь к культурному строительству [1, с. 81–82]. На практике ГУСМП строил преимущественно фактории (Тикси, Амбарчик) и полярные станции, где открывались небольшие школы-интернаты и медпункты. Конкретных сводок по количеству школ и больниц именно в северных улусах Якутии в 1932–1941 гг. доступная статистика фрагментарна и открытых источников практически нет. Приоритет отдавался хозяйственным объектам (фактории, совхозы, полярные станции), а не массовой культурно-просветительской сети. Массовое создание школ и больниц в арктических улусах пришлось на послевоенный период (1940–1950-е гг.), когда ГУСМП уже утратил многие функции. В 1930-е акцент был на экономику, а просвещение носило эпизодический характер [1, с. 81–82]. Передача оленеводства совхозам ГУСМП привела к плановым заготовкам, перегрузке пастбищ и принудительной оседлости семей. К 1940 г. коллективизация охватила до 90 % хозяйств в северных улусах [1 с. 82–91]. В Нижнеколымском и Среднеколымском районах поголовье оленей в совхозах формально росло за счёт централизованных закупок (с 20 712 голов в 1932 г. до 24 234 в 1934 г. в Нижнеколымском

районе [12]), однако традиционные кочевые циклы нарушались, семьи оседали, что влияло на язык, фольклор и обычаи. Количественных данных о потерях оленей в отдельных улусах в период с 1932 по 1941 год в открытых источниках нет, что связано с секретностью этого времени и последствиями войны. Тем не менее, поздние исследования подтверждают наличие системного кризиса традиционного хозяйства: коллективизация нарушила миграционные процессы, привела к перегрузке пастбищ и способствовала маргинализации коренных малочисленных народов Севера [7; 8]. В Нижнеколымском районе к 1940 г. коллективизировано 89,7 % хозяйств, в Среднеколымском — 89,6 % [12].

Пересечение с Дальстроём Колымский бассейн частично входил в зону Дальстроя (с 1932 г.). ГУСМП и Дальстрой конкурировали за транспортные ресурсы, рабочую силу и пастбища. Лагеря НКВД изымали значительные территории, традиционно используемые КМНС, вызывая принудительные миграции и сокращение охотничьих угодий. Это дополнительно усиливало давление на традиционный уклад и культурную идентичность народов [1; 18].

Таким образом, деятельность ГУСМП в 1932–1941 гг. носила ярко выраженный противоречивый характер. Хозяйственная интеграция Севера (фактории, совхозы, станции) создала базу для последующего развития, но привела к кризису оленеводства, оседлости и медленному росту грамотности/просвещения среди КМНС. Полноценный анализ требует изучения архивных данных НА РС(Я), ГА РФ, РГАЭ. Опыт 1930-х подчёркивает важность баланса в современной политике.

Литература:

1. Актуальные проблемы российской государственной политики в Арктике (XX — начало XXI в.): сборник научных трудов / Российская академия наук, Институт истории, Сибирское отделение РАН; ответственный редактор В. А. Ламин; [редакционная коллегия: А. И. Тимошенко, М. В. Шиловский, А. Х. Элерт]. — Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2011. — 182 с.
2. Боякова, С. И. Главсевморпуть в освоении и развитии севера Якутии (1932 — июнь 1941 г.) / С. И. Боякова; Российская академия наук, Сибирское отделение, Якутский институт языка, литературы и истории; ответственный редактор М. М. Хатылаев. — Новосибирск: Наука, 1995. — 128 с.
3. Всесоюзная перепись населения 1926 года, отдел 1. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность = Recensement de la population de l'U. R. S.S.. Groupes ethniques. Langues. Age. Instruction / Центр. стат. упр. СССР, Отд. переписи. — Москва: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928. — Т. 7: Дальне-Восточный край; Якутская АССР = Region de l'Extreme Orient. R.S. S. Aut. Des Yakoutes. — 1928. — 200 с.
4. Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги / Под ред. Ю. А. Полякова. — М.: Наука, 1992. — 256 с.
5. Горохов, С. Н. Спецпереселенцы на севере Якутии в годы Великой Отечественной войны: Учебное пособие / М-во общего и проф. образования РФ, ЯГУ. — Якутск: Изд-во ЯГУ, 1998. — 95 с.
6. Григорьев С. А. Малочисленные народы севера арктических районов Якутии в урбанизационных процессах середины XX в. // Манускрипт. 2021. № 12. С. 2472–2476
7. Евдошенко Ю. В. Главсевморпуть и поиски нефти в Арктике в 1930-е — 1950-е гг. краткий историко-географический обзор // Нефтяное хозяйство. — 2023. — № 6. — С. 106–111.
8. Игнатьева В. Б. Национальный состав населения Якутии: (этно-статистические исследования) / В. Б. Игнатьева; Рос. Акад. наук, Сиб. отд-ние, Якут. ин-т яз., лит. и истории; отв. ред. В. Н. Иванов. — Якутск: Якут. науч. центр СО РАН, 1994. — 144 с.
9. Колесов, Г. Г. Советская Якутия. — Москва: Соцэкгиз, 1937. — 338 с.

10. Малочисленные народы севера Якутии: состояние, проблемы: сб. науч. тр. / Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т проблем малочисл. народов Севера; [редкол.: М. М. Хатылаев (отв. ред.) и др.]. — Якутск : Якут. науч. центр СО РАН, 1993. — 98 с.: ил.).
11. Полянский Е. В. Политуправление и система политотделов в структуре Главного управления Северного морского пути (1930-е гг.): характер и особенности работы // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2021. № 3 (72). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politupravlenie-i-sistema-politotdelov-v-strukture-glavnogo-upravleniya-severnogo-morskogo-puti-1930-e-gg-harakter-i-osobennosti>
12. Санникова Я. М., Филиппова В. В. Советская аграрная политика на Колыме: население и хозяйство в 1920–1930-е гг. // Теория и практика общественного развития. 2015. № 22. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskaya-agrarnaya-politika-na-kolyme-naselenie-i-hozyaystvo-v-1920-1930-e-gg>
13. Северные морские пути России: коллективная монография / [К. Гаврилова, В. Васильева, М. Агапов и др.]; под редакцией В. В. Васильевой, К. А. Гавриловой. — Москва: Новое литературное обозрение, 2023. — 670 с.
14. Сивцева С. И. Всесоюзные переписи населения 1937 и 1939 гг. в Якутии // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vsesoyuznye-perepisi-naseleniya-1937-i-1939-gg-v-yakutii>
15. Сивцева, С. И., Акимова В. С., Курчатова Т. Т. Принудительная ссылка на край земли // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия «История. Политология. Право». — 2022. — N 1 (25). — С. 52–63.
16. Тимошенко А. И. Советский опыт мобилизационных решений в освоении Арктики и Северного морского пути в 1930–1950-е гг. // Арктика и Север. 2013. № 13. С. 150–168.
17. Филин П. А. Главное управление Северного морского пути в истории управления Арктикой // Полярные чтения на ледоколе «Красин». 2019. №. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/glavnoe-upravlenie-severnogo-morskogo-puti-v-istorii-upravleniya-arktikoю>
18. Чернолуцкая Е. Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. Владивосток: Дальнаука, 2011. 512 с.
19. Экономика и культура народов севера Якутии / Акад. наук СССР, Якут фил. Сиб. отд-ния, Отд. экономики; [отв. ред.: Н. В. Черский, К. Г. Кондаков, А. П. Мороз]. — Москва: Наука, 1968. — 173 с.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 13 (616) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 08.04.2026. Дата выхода в свет: 15.04.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.